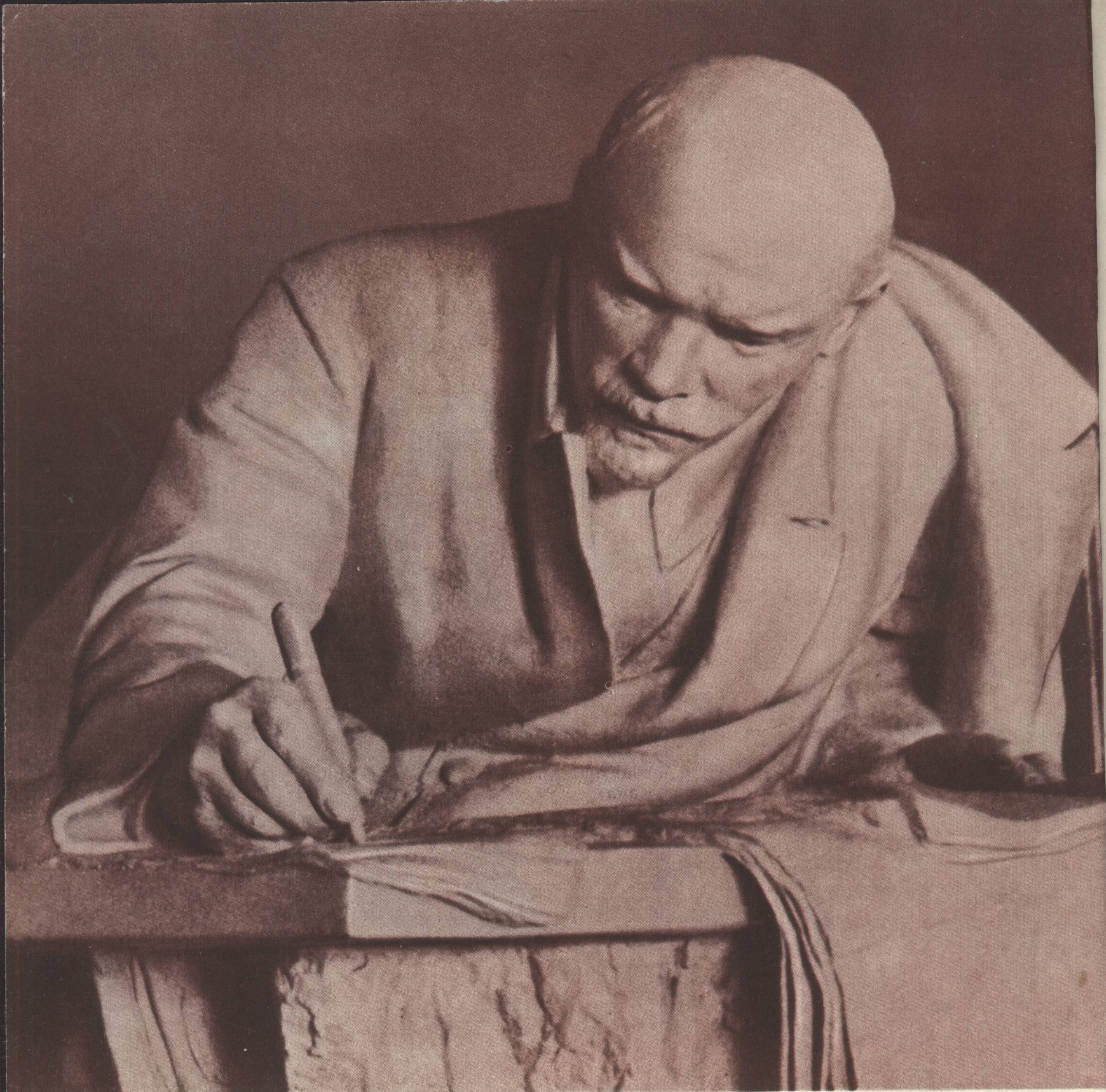

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1965 г. 4

В. И. ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ. Скульптура В. Пинчука.

Слышишь, трубят горны? Они созывают пионеров на линейку, самую главную линейку в году.

Идет ленинский смотр — смотр сплоченности и активности пионерских рядов.

22 апреля, в Ленинский день, юные ленинцы соберутся и расскажут, как жили и трудились, как выполняли заветы Ильича.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Как же тебе и твоим товарищам по-ленински строго и справедливо взглянуть на свои дела, на прожитый школьный год, на свое участие в Ленинском смотре?

Твой отряд станет на линейку плечом к плечу с другими отрядами. И будет рапортовать, **что сделано за первый год смотра.**

Кто будет оценивать работу отряда? Вожатый, учитель? Нет. Сами посмотрим, как проходил этот поход длиною в год.

У смотра семь дорог — семь направлений борьбы. Интересно и радостно шагать отряду любой из семи дорог. Может быть, вы сделали важные открытия, отправившись в **поход боевой славы?** Может **в марше мира** окрепла ваша дружба с ребятами иных стран? Может, на спортивных дорожках **малой олимпиады** вы закалили свои мускулы и волю?

Семь дорог ведут к цели, а цель — дружба, непримиримость ко всему плохому, умение работать на совесть.

Кто победитель? Как решить? Чужому человеку и не решить никогда — запутается. А сами ребята решить могут — они-то хорошо знают, какой отряд работал ярко, с выдумкой, по-боевому. А если не один такой отряд? Тем лучше: будет несколько победителей.

Бывает, соберутся ребята писать рапорт о своей работе и пишут только об успехах, о победах. А чего не сумели, чего не сделали, об этом молчок. Это не по-ленински, не по-пионерски. **Если мы не скрываем ошибок, не молчим о своих неудачах, значит, мы сильные и смелые люди.** Значит, нашей силы и смелости хватит и на то, чтобы в будущий раз действовать лучше.

Кому будут рапортовать отряды о своей работе — совету дружины, районному пионерскому штабу? Не только. Пусть ваши старшие товарищи комсомольцы и коммунисты посмотрят на то, как живут и трудятся юные ленинцы. Когда они придут к вам на линейку с завода, из совхоза, со стройки или с шахты, они увидят не только то, что сделано вами. Они увидят вашу дружбу, вашу сплоченность и организованность, без которых не было бы у вас успеха.

Смотр называется Ленинским. Ленин мечтал, чтобы у ребят была крепкая организация, чтобы ребята росли в ней борцами и строителями. Ленин хотел, чтобы ребята отдавали свои силы на общее дело, проявляли свою инициативу, свой почин. Готов к этому твой отряд? Чтобы узнать это, и проводится смотр.

Значит, главное, что мы будем оценивать в делах нашего отряда,— это умение вмешиваться в окружающую жизнь, находить себе задачу, пусть простую и маленькую, но всегда задачу общего труда. Суть не только в том, кто сделал больше. Важно, кто работал дружнее, работал всем отрядом. Если пятеро пионеров отыскивали материалы из истории боев за родной город, а остальные в отряде не знают даже, где и как добывались эти материалы и о чем они, то отряд работал слабо. Надо, чтобы все, чтобы каждый выполнял общую работу.

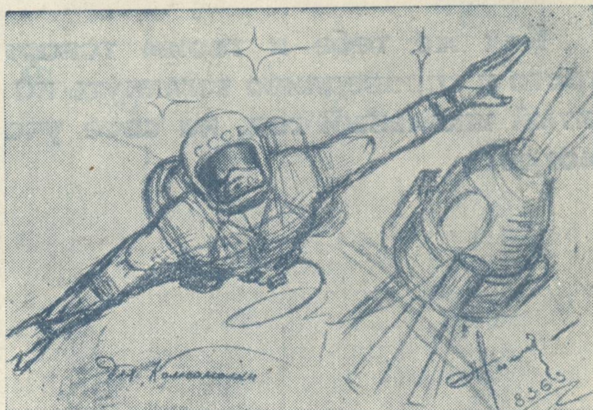
Смотр продолжается.

Шагнувшие в небо

«...Как громадно и свободно пространство, окружающее Землю,— как оно полно светом и как пусто... Когда я блуждал в окружающей ракету пустоте, меня особенно поразила эта громада, эта свобода и легкость движений, эта масса бесплодно пропадающей солнечной энергии...»

(К. Э. Циолковский «Вне Земли»)

В космосе. Рисунок космонавта А. Леонова, сделанный еще до полета.

На протяжении многих десятилетий писатели-фантасты в своих романах рисовали проникновение человека в космос. По-разному и в разных обстоятельствах выходили их воображаемые герои из воображаемых космических кораблей: чтобы ликвидировать аварию, или для научных наблюдений, или просто так — на прогулку. Герои романов при этом, как правило, совершали неосторожные, неумелые движения, в результате удалялись от ракеты, теряли ориентировку, впадали в панику, оказывались на краю гибели, и только своевременно подоспевшая помощь возвращала их в спасительный корабль.

Кто из нас, читая строки фантастических романов, не старался представить себе: как же это будет на самом деле! Не в книжке, а в жизни! Как человек выйдет в космос!

И вот теперь мы говорим не о том, как это будет, а о том, КАК ЭТО БЫЛО, потому что это уже было, уже произошло! 18 марта миллионы жителей нашей планеты увидели на экранах телевизоров черноту неба, туманный диск Земли, корму ракеты, ослепительно белую в солнечных лучах, и человека в открывающемся люке.

Уже весь мир знал его лицо по фотографиям на газетных страницах: его светлые волосы, веселый и насмешливый прищур его глаз. Это был Алексей Леонов, Космонавт-11.

— Открыл крышку шлюза. Выбрасываюсь. Нахожусь над Кавказом. Сейчас подо мной облака,— сказал он и, шагнув из люка в пустоту, отделился от корабля. Это тоже видели с Земли.

И почти следом радиоволны принесли второй голос, спокойный и твердый:

— Я Алмаз. Заря! Я Алмаз. Заря! Человек вышел в пространство, находится в свободном плавании. Человек вышел в пространство...

Это был голос звездного Колумба, командира космического корабля «Восход-2». Голос Павла Беляева.

Конечно, из его короткого и строгого сообщения мы не могли узнать, что чувствовал человек, вышедший из корабля в неизвестное.

Космический корабль... Сгусток труда, знаний, расчетов, таланта. Энергия, равная энергии Днепрогэса, выносит его на орбиту. И мы каждый раз преклоняемся перед мужеством тех, кто уходит в новый космический рейс среди грома и пламени ракетных двигателей. Потому что каждый раз это старт навстречу подвигу.

Пусть попробует каждый из вас в мыслях поставить себя на минуту в шлюзовой камере, у открытого наружного люка. Позади, за переборкой — кусочек родной планеты, нутро корабля. Там дышится как на Земле, там земное тепло и земная пища, там все до последнего винтика создано теплыми и заботливыми руками людей, дороже и роднее которых нет во вселенной.

Это позади, за переборкой. А впереди — неведомое. Ведь из людей Земли еще никто не выходил в этот мир, где нет опоры и нет давления; где у незащищенного скафандром кровь мгновенно закипела бы в жилах; где под лучами Солнца предметы накаляются, а в тени их сковывает жестокая космическая стужа.

И только скафандр — пусть испытанный, проверенный, надежный, но все же только скафандр — отделяет от всего этого...

Но вот Алексей Леонов сделал шаг и погрузился в космос, остался один на один с бесконечностью,

которую не могут осветить все неисчислимые полчища звезд. Пустота пространства не одолела его, не обрела над ним власти. Он работал, действовал. Он двигался, управлял своими движениями в мире, где нет опоры и нет привычных ориентиров. Вел наблюдения. Выполнял задачу, для которой покинул корабль.

Задача в том и состояла, чтобы показать: человек может выйти в космическое пространство и работать, двигаться, производить точные действия и вернуться назад. А тем, что он задачу выполнил, космонавт Алексей Леонов ускорил наше движение к целям, которые еще недавно считались фантастическими.

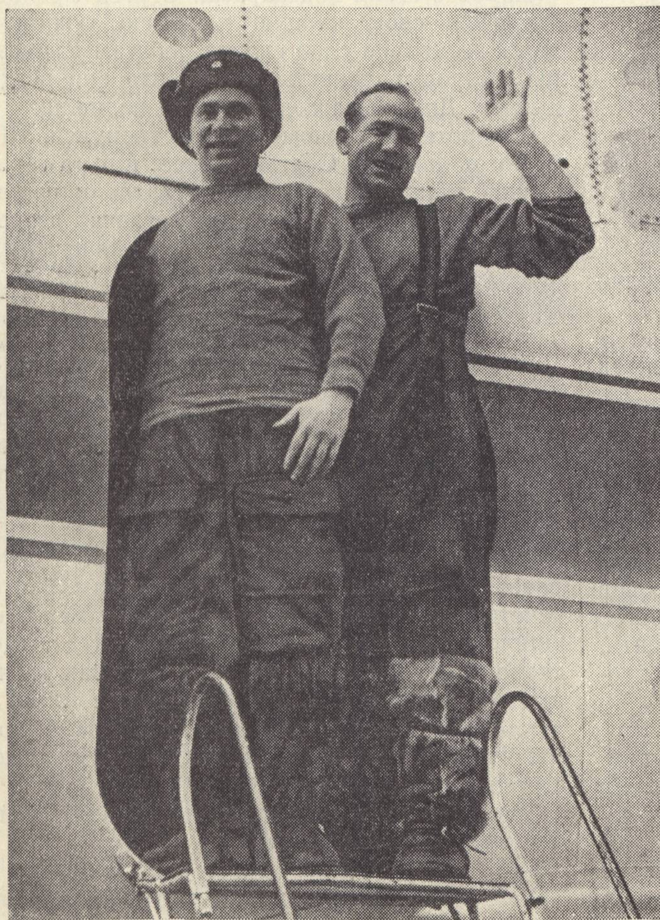
Что же это за цели! Давайте послушаем наших ученых!

«Зачем нужен выход в космос!.. Выход нужен для того, чтобы проводить многие наблюдения, которые легче делать непосредственно в пространстве, чем будучи внутри корабля. Может понадобиться и ремонт корабля в полете. Для этого тоже нужен выход... В будущем корабли должны летать подолгу. При этом может возникнуть необходимость сменять экипаж. Тогда представляется такая схема: смену выводят в космос на упрощенном корабле, обмен людьми происходит через шлюзы...» Это сказал Главный Конструктор космических кораблей.

Человек вышел в пространство.

«Эксперимент с выходом человека в космос, блестяще выполненный в полете «Восхода-2», открывает путь к дальнейшему развитию космоплавания. В частности — для сцепки, стыковки двух космических кораблей, для обслуживания больших орбитальных космических станций. А такие станции — научные лаборатории, научные институты в космосе — несомненно, придут вслед за современными космическими кораблями». Это сказал Теоретик Космонавтики.

Здравствуй, Земля! Здравствуйте, люди!

«Алексей Леонов показал, что в космосе, вне кабины корабля, можно производить точные, целенаправленные рабочие операции. А значит, сборка кораблей на орбите, постройка космических станций, проведение исследований в свободном космосе, выход на поверхность небесных тел окончательно перестали быть уделом научно-фантастических произведений и должны перекочевать на страницы научных журналов, где обсуждаются реальные инженерные проекты ближайшего будущего». Это сказал действительный член Академии медицинских наук СССР профессор Парин.

«Алексей Леонов и Павел Беляев навсегда останутся пионерами предстоящего вторжения в космос строителей, механиков, монтажников... Полетом корабля «Восход-2» на наших глазах было положено начало созданию и отработке средств для оказания помощи космическому экипажу, терпящему бедствие в полете». Это сказал Космонавт-8, кандидат технических наук Константин Феоктистов.

«Все проекты высадки человека на Луну так или иначе связаны с выходом человека из кабины летательного аппарата в космическое пространство». Это сказал академик Седов.

«...Мы, космонавты, вместе с конструкторами, инженерами и рабочими — творцами передовой космической техники — мечтаем о новых рейсах в звездный океан».

Это сказал пионер космоса, Космонавт-1 Юрий Гагарин.

Май КОТЛЯРСКИЙ
Рисунки Н. Борисовой.

БЕЛЫЕ СУХАРИ

— Гражданин товарищ чекист, повторяю: третьи сутки поезда не ходят...

— Почему?

— Путь на перегоне у моста поврежден бандой, и линия телеграфа прервана. Что там, не знаю, вышла ли помощь с другой станции, не ведаю, и состав ваш отправить не имею законного права-с...

— Так что же делать?

— Что делать? — Пожилой дежурный по станции устало сел, снял свою выцветшую фуражку с красным верхом, медленно провел рукой по лицу, заросшему серой щетиной. Посмотрел на Сергея удивленно. — Ждать, как все... У нас даже тифозный эшелон простаивает, с больными...

— И сколько ждать?

— А это уж как придется, милейший, день-два... — Дежурный беспомощно развел руками. — Железнодорожное сообщение теперь не то. Водокачка разрушена. Пакгаузы сожжены, угля нет...

— Тогда мы едем! — перебил Сергей. — А то и за месяц до Москвы не доберемся!

— Что делаете! — закричал дежурный вслед. — На закрытый семафор?! Спустят вас бандиты под откос!..

Паровоз стоял под парами. Сергей Уралов, застегнув свою черную кожаную тужурку, лишь несколько слов сказал ребятам из охраны. Молодые чекисты знали, **что** они везут и **кому**. Долгие разговоры были излишни.

С коротким гудком состав тронулся. Из будки машиниста Сергей увидел: к путям бросились толпы людей. Многие глядели растерянно. Какой-то красноармеец отдавал их поезду честь, приложив руку к остроконечному шлему-буденовке. Уралов слышал, как мордастый мешочник заорал:

— Золото везут своему Ленину!..

И последний, кого заметил Сергей, был мальчонка в лохмотьях. Грязный, голубоглазый. Тот, которого раньше видел на платформе. Он тогда шел, протянув вперед худую, словно палочку, руку, безнадежно повторял:

— Тетеньки, дяденьки! Дайте черненький суха-а-рик...

Спешит паровоз «ОВ» — «овечка». Ровно ревет огонь в топке. Колеса по рельсам, будто чечетку на стыках выщелкивают. Замер машинист у окошка: вдаль смотрит. Туда, где скоро мост. И Сергей до рези в глазах вглядывается: что там? А сам о товарных вагонах думает, которые катятся за паровозом. Вагоны опломбированные, доверху загруженные тяжелыми мешками.

Вон сверкнула синева реки... Значит, сейчас мост. Сергей говорит:

— Пора.

Белые клубы пара с шипением вздуваются из-под паровоза. Скрипят тормоза. Эшелон замедляет ход. Теперь, если путь исправлен,

надо лишь добавить скорость. Если недобитая банда колчаковцев здесь и колея разрушена, — с боем отходить назад.

Отчетливо видна кружевная ферма моста. Неподалеку черные фигурки людей. Над одним, словно жало иголки, темнеет что-то. Винтовка или ручной пулемет? Эх, народу у нас немного!..

«Сергей Уралов. 26 лет. В партии большевиков с 1914 года.

Работал на Путиловском заводе. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания. Один из самых близких людей Феликса Дзержинского. Выполнял особо важные задания вождя коммунистов Ленина».

Эти сведения и украденную эсерами фотографию, где он сидит рядом с Дзержинским, опубликовали парижские буржуазные газеты. Когда красноармейцы захватили штаб Колчака, в бумагах белогвардейской контрразведки также обнаружили его имя. Указывались приметы Уралова: роста небольшого, волосы темно-русые, носит усы и бородку клинышком, глаза светло-карие, живые... Его фамилия значилась среди тех, кто в первую очередь должен быть пойман и повешен, как только «доблестная» белая армия войдет в большевистскую Москву...

Москва голодала. Тяжело было в ней в ту сумрачную осень 1919-го. Никогда еще белогвардейцы не подходили так близко. Зашевелились изменники и шпионы, готовя предательский удар в спину. Бессонными ночами чекисты по ниточкам распутывали сети заговоров и провокаций.

В эти тревожные дни Сергея вызвал к себе Дзержинский.

Кто из них, молодых чекистов, не волновался, входя в кабинет Феликса Эдмундовича?.. Маленькая комнатка с одним окном. На стене кремлевский телефонный аппарат. Письменный стол. За ширмой узкая железная кровать, покрытая солдатским одеялом.

Дзержинский, зябко накинув на плечи шинель, что-то писал. Лицо его, худое, с запавшими щеками, с глазами, красными от недосыпания, выглядело очень усталым. Феликсу Эдмундовичу, видимо, нездоровилось. По взгляду, который Дзержинский быстро кинул на него, Сергей понял, что разговор предстоит очень серьезный.

— Товарищ Уралов, вам, — Дзержинский придвинул свой стул поближе к Сергею, — новое важное задание. Вы поедете на Восток...

На Восток... В такое опасное время для Москвы? Это поразило Сергея.

— Владимир Ильич категорически запретил снимать войска с Восточного фронта. Он требует развивать наступление против Колчака. А в освобожденных районах останется достаточно разной белой нечисти... — Дзержинский выпрямился, запахнув шинель. — Необходимо, товарищ Уралов, из лучших —

Сергей Герасимович Уралов и Феликс Эдмундович Дзержинский в 1919 году.

подчеркиваю: из лучших! — коммунистов организовать на местах губчека. Выловить вражеских разведчиков. Парализовать саботажников и хлебных спекулянтов...

Дзержинский умолк. Сергею показалось, что сейчас он узнает самое главное. И верно, Феликс Эдмундович заговорил доверительно:

— Понимаете, лучшая помощь Москве — наступление против Колчака. Это значит, что сюда, в голодающие семьи рабочих, придет сибирский хлеб... И полномочным представителем ВЧК по Сибири назначаетесь вы, товарищ Уралов.

Феликс Эдмундович встал, прошелся по комнате, придерживая шинель, и сказал совсем по-домашнему:

— Давайте-ка выпьем по стакану горячего чаю и подумаем вместе, как вам приниматься за дело...

В Сибири стоял лютый мороз. Только что после жестоких боев освободили Омск — столицу колчаковского «правительства». На

грязном льду Иртыша, около взорванного железнодорожного моста, валялись трупы замерзших и убитых при отступлении белогвардейцев.

Сотни неотложных дел осаждали Уралова. Надо было, проверив десятки тысяч пленных, отпустить по домам насильно мобилизованных крестьян. Выявить офицеров-карателей, на совести которых сотни повешенных и расстрелянных. Идет национализация заводов, фабрик, приисков — бывшие хозяева сопротивляются, вредят, устраивают поджоги. Кулаки прячут хлеб, расправляются с делегатами бедноты... Надо ознакомиться с показаниями взятого в плен адмирала Колчака, сделать доклад по прямому проводу в Москву... Обнаружен резидент иностранной разведки, он создает сеть агентуры — нужно выявить все его связи. Побеседовать с рабочим пареньком, рекомендованным комсомольцами для работы в ЧК...

Так сутки за сутками, час за часом. Член коллегии ВЧК Сергей Уралов падал с ног от усталости, засыпал над бумагами, не успевал поесть.

...Наступила весна 1920 года. В конце апреля пришла телеграмма Дзержинского: работа в Сибири налажена, Уралову возвратиться в Москву. И тут же задание Сибирского ревкома — вести в Москву особый поезд.

Вот он все медленнее движется к мосту, доверенный ему драгоценный эшелон. У Сергея такое чувство, будто не паровоз тащит состав, а он сам, Сергей Уралов, медленно-медленно идет, тянет вагоны к пропасти. А впереди с каждой секундой все яснее видны черные фигурки людей. Взгляд не отрывается от полотна. Чуткие пальцы плотно сжимают рукоятку браунинга.

Стало совсем тихо. Слышится настороженное бульканье водомерной трубки котла. Еле-еле позванивают по рельсам колеса. Знакомая тишина опасности. Сергей помнит: так же тихо было, когда под видом деникинского прапорщика Стародубцева он вошел в конспиративную квартиру контрреволюционной офицерской группы...

Как-то странно, спокойно стоят люди у рельсов... И тут машинист засмеялся. Уралов оглянулся удивленно, — улыбались и помощник машиниста и кочегар. Сергей вновь посмотрел вперед — и тоже понял.

— Это наши! Железнодорожники, из ремонтно-восстановительной бригады! — радостно сказал машинист, двигая регулятор пара. — А у того верзилы, гляди, не винтовка на плече, а гаечный ключ!

Теперь и Сергей и все остальные, высунувшись в окошко и дверь паровоза, безудержно, весело смеялись. И когда они на малом ходу приблизились к группе ремонтников, Сергей крикнул:

— Спасибо, товарищи! Путь дальше исправный?..

— Жми аж до самой Москвы!..

— Пролетарский привет от Омской железной дороги! — гаркнул над самым ухом Уралова кочегар.

Ремонтники успели прочесть надпись на локомотиве, и кто-то воскликнул:

— Товарищу Ленину дорогому от нас передайте поклон!..

Паровоз, ускоряя бег, выскочил на мост, и колеса застучали дробно, громко, раскатисто.

День прошел удачно: они ехали, не задерживаясь. На одной станции местные чекисты, узнав, **что** везет эшелон в Москву, подкатили к тендеру «овечки» целых сто пудов угля. Сказочно щедрый подарок!

Краснобокие товарные вагоны подталкивают друг друга, позванивают буферами, оживленно постукивают... Хорошо! Уралов хотел

представить, как он приедет в Москву, но что-то помешало размечтаться. Что-то больное, царапающее душу, о чем некогда было подумать в течение дня. Постой, что же это?.. Да, тот голодный, оборванный мальчишка с голубыми глазами... Сколько их, худых, разутых, бездомных разбрелось по железным дорогам! «Тетеньки, дяденьки! Дайте суха-арик...» О большем и не мечтает... И тут Сергею вдруг вспомнилась Москва и та история с сухарями...

Весной 1918 года по этой же Транссибирской дороге, выполнив задание во Владивостоке, Уралов возвращался в Москву. И за Челябинском, не доезжая Златоуста, решил на денек-другой заглянуть в родной город Миасс. Дома сестры встретили его с жалостью: как же он похудел, да какой вид голодный, измученный! Никакие мандаты Уралова на сестер не влияли — для них он оставался все тем же Сергунькой, которого надо накормить, согреть, обласкать.

Попарился Сергей в настоящей уральской баньке, поспал на непривычно мягкой постели, побродил по тихим улочкам города. Сестры все его бельишко перестирали, заштопали. На дорогу напекли, наварили, нажарили целую корзину снеди. И сверх того плотно-плотно уложили в холщовый из-под муки мешочек-пудовичок белые сухари.

Сергей видел, как старшая сестра, Анастасия, великая мастерица готовить вкусные вещи, сыпала снежно-белую муку, добавляла масла, сахара, ванили или чего-то еще, как быстрыми, ловкими руками круто месила упругое тесто, как ставила его в печь, где до этого играл красно-рыжими завитушками огонь. Потом вынула на листе сдобный каравай с теплой золотистой корочкой. Остыл он, Настя нарезала его ломтиками, снова поставила в печь. И когда все было готово, уложено в мешочек и его зашили сверху, Настя довольно сказала:

— Вот, Сережа, будешь в Москве чай пить и нас вспоминать...

И действительно, пили они с другом Максом чай по утрам, похрустывая необыкновенными сухарями, добром поминали Анастасию.

Жили они тогда в гостинице «Метрополь» на четвертом этаже. С Максом Савельевым подружились еще в семнадцатом, в Петрограде, когда Сергей приносил ему, одному из редакторов «Правды», заметки о революционной работе фабричных комитетов.

Сухари у друзей не залеживались, и к середине апреля мешочек-пудовичок сильно по-

худел. Макс, кудрявый весельчак, пил чай и, чуть картавя, приговаривал:

— Ах, хорошо, вкусно быть на тети Настином довольствии! Не токмо в зубах, а и за ушами хрустит по-сухарному...

— Не только по-сухарному, но и по-сахарному, — в тон ему откликался Сергей.

— А знаешь, Уралыч, во всей Москве — про буржуев, правда, не знаю — ни один человек, кроме нас, не упивается столь сладкими сухарями, приготовленными еще по старорежимным рецептам...

И вдруг Макс замолк. Лицо его стало серьезным.

— Сергей, — как-то растерянно сказал он, — ведь 22-го день рождения Владимира Ильича. А Ильич, как все, только на пайке...

Оба они невольно посмотрели на тарелку, где лежало несколько сухарей.

— Мы с тобой лопаем, а Ленин... Уральчик! Давай пошлем ему подарок ко дню рождения?

— Давай, вот прямо с мешочком!

— Нет, много не возьмет, — деловито возразил Савельев. — Он и так все, что ему при-

сылают, отдает в детские дома. Надо кулек... Не больше.

— А как передать?

— Как? — Савельев сосредоточенно задумался. — Знаю: забегу в «Правду» к Марии Ильиничне, приглашу к нам на чай. Ее и уговорим передать. А Ильич сестре, да еще в такой день, не откажет!

На следующее утро они очень волновались: придет Мария Ильинична или нет? Были использованы все знакомые, которые хоть чем-нибудь могли помочь в устройстве чая, предназначенного для задабривания гостьи. И, правда, стол был сервирован на славу! На ослепительно белой накрахмаленной скатерти для Марии Ильиничны стояла красивая фарфоровая чашка, на блюдечке, тоненько нарезанный, лежал лимон, неизвестно каким чудом оказавшийся в голодной Москве, сахарница была наполнена до краев (двухмесячная норма друзей), и главное — в центре стола возвышалась высокая хрустальная ваза, увенчанная горкой удивительных сухарей, напоказ выставлявших свою белизну и румяную зажаристость корочки.

Точно в назначенное время раздался стук, и в комнату легкой походкой вошла Мария Ильинична.

— Ну, о каком деле, друзья, вы хотели со мной посоветоваться? — спросила она, поздоровавшись. И тут лицо ее выразило удивление: — Это что за королевский стол?

Сергей рванулся было объяснять, но Макс многозначительно наступил ему на ногу.

— Мария Ильинична, — сказал он, — как настоящие солидные дельцы, мы сначала под видом чаепития заводим разговоры о том о сем и лишь позднее приступаем к серьезному... Прошу к столу!

— Стол у вас, как у экспроприаторов, — со смехом говорила Мария Ильинична, садясь, — и обычаи буржуазные...

Сергей стал разливать чай, начался «разговор о том о сем». В сердечной улыбке сестры Ленина, в живых с искоркой глазах, в лице, которое само говорило о каждом чувстве и настроении, было что-то невыразимо дорогое, ильичевское...

— Слушайте, друзья, до чего же вкусные сухарики! — изумилась Мария Ильинична, распробовав главное угощение.

Сергей посмотрел на Макса: не пора ли сказать? Но Макс, незаметно скорчив ему страшную физиономию, отрицательно мотнул головой, а повернувшись к Марии Ильиничне, улыбнулся и любезно сказал:

— Наслаждайтесь вовсю! У нас этих самых сухарей — пропасть.

— Откуда?

— Да вот Уралов по мандату Совнаркома специально ездил за ними на Урал...

Все смеялись, и Сергей рассказал, как принимали его сестры в Миассе, как пекла каравай и сушила сухари Настя.

Мария Ильинична задумчиво, видно, вспомнив что-то свое, сказала:

— Вот поэтому они такие удивительно вкусные: их дала сестра брату, от чистого сердца...

— Дорогая Мария Ильинична, — с чувством начал Савельев, — в этом именно и состоит наше к вам дело.

— В чем же? — спросила она, удивляясь.

— У Владимира Ильича завтра день рождения! — выпалил наконец Сергей.

— Передайте ему, пожалуйста, маленький подарок — кулечек этих белых сухарей, — тихо попросил Савельев.

А Уралов прояснил до конца:

— Сухарики вкусные, вы сами сказали... Ведь от чистого-чистого сердца сестра Настя — мне, мы — вам, вы — брату.

Мария Ильинична заколебалась. Сначала она, вероятно, подумала о том, что Владимир Ильич рассердится. Потом представила, как обидит отказом товарищей. И вдруг лицо ее просветлело: все-таки Володя в день рождения отведает эти вкусные сухари. Она обвела взглядом обоих, сказала ласково:

— Спасибо, товарищи. — И, уже вставая из-за стола, добавила: — Но смотрите, как бы он нас с вами не отругал!

Сергей уже держал в руках доверху набитый сухарями аккуратный кулек.

22 апреля 1918 года, в день рождения Владимира Ильича, между редакцией «Правды» и Советом народного хозяйства, где работал Савельев, состоялся секретный телефонный разговор:

— Вы звонили мне, Мария Ильинична?

— Да, Макс (вздох)... Ну и досталось же мне, ребята, от Володи за ваши сухарики! Да с наказом: больше никаких сухарей ни от кого не принимать. До свидания...

День идет поезд, второй, третий... Весной хорошо ехать: солнышко светит, тепло и светло кругом. По обе стороны дороги нежно зеленеют поля. Ели стоят полусонные, встрепанные в своих побуревших от зимнего холода игольчатых шубах. А то пересечет путь, заблестит под мостом быстрая, налитая до краев полноводная речка.

Сергей уже привык к дороге. Просыпается рано утром от лязга буферов. На первой остановке бежит за крутым кипятком в теплушку

охраны. Там у ребят всегда пышет жаром железная печка «буржуйка», на ней большой жестяной чайник.

На каждой станции Уралов должен «проталкивать» эшелон. Дорога расхлябана войной, разбита. Нападают остатки колчаковских банд. На узловых станциях «пробки»: где-то сошел с рельсов поезд, неисправны стрелки, поврежден мост, занят запасный путь, и нельзя растащить «мертвые» составы. Останавливались и по другой причине: нет смазки, горят вагонные буксы, и вся паровозная бригада начинает их заменять. Ночью эшелон движется медленней: можно попасть в крушение, наскочить на какой-нибудь состав, застрявший в пути. Но самая большая потеря времени случалась из-за топлива.

Приезжают на станцию, а дров нет. (Об угле тут и думать забыли!) Треть тендера еще набита поленьями, и Сергей решает ехать дальше, до леса.

В лесу стихает громыханье колес, и все население поезда, за исключением часовых, высыпает из вагонов. В руках пилы и топоры, на плечах винтовки.

Поленья и плахи охапками, вязанками текут в тендер, заполняя его до отказа, до огромной дровяной горы над трубой паровоза. И вот снова стучат колеса. Руки у Сергея будто ватные, ноет одеревенелая спина... Засыпая, он вспоминает картины пути, прощальный митинг в Омске, около железнодорожных мастерских...

Уезжали из Омска апрельским солнечным утром. Около паровоза ветер натягивал парус кумачового знамени. Тут же стоял оркестр: барабан и три трубы. Солнце сверкало в их

ярко начищенной меди, согревало лица сотен рабочих. Рядом с Сергеем, на передней площадке паровоза, чуть сгорбленный старый слесарь говорил напутственные слова:

— Лютовал Колчак. Нагайками гнал нас к станкам... Прямо в депо наших товарищей расстреливал... — Он мял в волнении кепку, подыскивая слова. — Но мы знали: придет Красная Армия! От Москвы до нас далеко, а мы верили... Не может забыть нас Ильич...

Кругом захлопали. А старик слесарь подождал, обвел всех взглядом, будто спрашивая, правильно ли говорит, и произнес как-то особенно сердечно:

— А нынче нашему Ильичу полвека исполняется... От всей рабочей души желаем ему здоровья...

Рабочие снова захлопали, закричали «ура». Трубы грянули «Интернационал». А старый слесарь первым хрипловато начал:

Вста-а-вай, про-кля-тьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Сергей видел, как люди в замасленных, темных пиджаках, ватниках, куртках, скинув шапки, кепки, фуражки, сжимая кулаки, в едином порыве подхватили:

Это есть наш последний
И решительный бой!

Когда отгремели последние слова, снова заговорил слесарь:

— Далеко от нас до Москвы — две с половиной тысячи верст... Однако в субботники, по ночам мы бескорыстно работали. Отремонтировали этот поезд, от локомотива до замыкающего вагона... Дойдет наш поезд до Москвы... Все двадцать вагонов. От железнодорожных рабочих Омска, от депо, мастерских, станций дойдет наш хлеб, собранный по фунтикам рабочих пайков. В подарок ко дню рождения Владимира Ильича Ленина...

Старик повернулся к Сергею и, глядя из-под мохнатых бровей, сказал строго:

— Тебе, уважаемый товарищ Сергей Герасимович Уралов, поезд доверяем. Вручи его лично Ильичу...

Слесарь стиснул руку Сергея на прощание, крепко, по-сибирски обнял. И тут же лес рук потянулся к Уралову: каждый хотел обменяться с ним рукопожатием. Все зашумело вокруг. И трубы под буханье барабана запели «Варшавянку». Принимая пожатия множества мозолистых, черных от работы, загрубелых рук, Сергей слышал горячие слова:

— ...Ильичу здоровья на сто лет...

— ...Привет омичей...

— ...Расскажи Владимиру Ильичу...

Уже стоял под парами «ОВ» — лучший паровоз, который отыскали на Омской дороге, — тщательно отремонтированный, заново, до лакового блеска выкрашенный черной краской, с красными колесами, сияющими золотом медными деталями и огромным красным полотнищем на корпусе: «Да здравствует коммунизм во всем мире и дорогой Ильич — руководитель его!». А по тендеру наискось шли слова: «Дорогому юбиляру Ильичу». И на каждом свежепокрашенном товарном вагоне, загруженном тяжелыми мешками с пшеничной мукой, написано тоже: «Ильичу», «Ильичу», «Ильичу»...

Из Омска поезд вышел с опозданием: много времени занял капитальный ремонт. Зато «овечка» в пути не подвела ни разу. Ехали в последних числах апреля, уже после дня рождения Ленина, и поэтому всем хотелось хотя бы как можно быстрее прибыть в Москву. Их поезд назывался «маршрутным». Это означало, что он самый скорый, специальный, со своим паровозом.

Дежурные телеграфисты от станции к станции отстукивали на аппаратах «морзе»:

СРОЧНАЯ ТЧК ТОВАРИЩИ ВАМ ВЫШЕЛ ЛЕНИНСКИЙ ПОЕЗД ХЛЕБОМ ЗПТ ПОДАРОК ОМСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ИЛЬИЧУ ТЧК ОКАЖИТЕ ПРОЛЕТАРСКУЮ ПОМОЩЬТЧК

И узкие телеграфные ленточки обгоняли состав, поднимали десятки людей.

В те времена считалось, что ехать от Омска до Москвы надо месяц. Уралов с товарищами преодолел этот путь за две недели.

Ярким весенним днем прибыли они на товарную станцию Северного вокзала столицы. К эшелону, смешно перепрыгивая через подъездные пути, спешил странный человек в клетчатом коротком пальто и огромной кепке. Через плечо его была переброшена какая-то черная простыня, а в правой руке, мешая бежать, болтался большой, квадратной формы коричневый ящик. Не успел эшелон остановиться, а Сергей спрыгнуть с подножки на землю, как клетчатый закричал:

— Кто здесь товарищ Уралов? Вы? Сейчас же залезайте в будку паровоза и выгляните в окошко... Вы поняли меня?

— Да кто вы? В чем дело?

Человек, осторожно опустив коричневый ящик на землю, высоко вскинул правую руку с торчащим указательным пальцем и произнес многозначительно:

— ВЧК!

И, видя, что его все-таки не поняли, добавил:

— Приказано произвести фотографирование поезда.

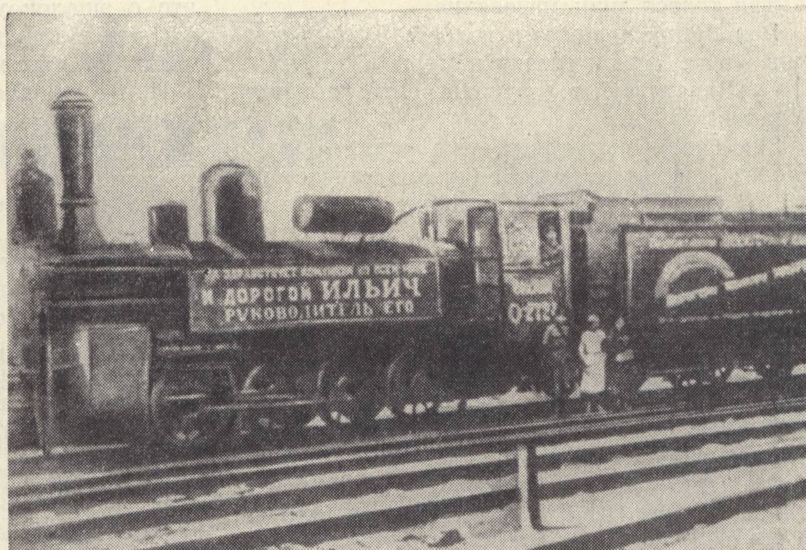
И тут же забегал, начал торопливо устанавливать складную треногу, укреплять на ней ящик. Закрывшись черной простыней, крикнул из-под нее:

— Смирно! Не дышать!

Затем, сдернув с передней стенки ящика черную крышечку, сделал ею круговое движение в воздухе, снова воткнул ее в ящик и крикнул:

— Готово!

Часа через два Сергей был на Большой Лубянке.

Паровоз хлебного эшелона, посланного омскими рабочими в подарок Ильичу.

Дзержинский, высокий, худой, в новой, туго подпоясанной гимнастерке, встретил его улыбкой:

— Здравствуйте, Уралов!

Как хорошо чувствовал себя Сергей с этим человеком! В Омске он часто вспоминал его, их задушевные беседы в маленьком кабинете. И вот он снова видит знакомый стол, листы, исписанные характерным кругловатым почерком, недопитый стакан чаю, на большой плоской тарелке черный сухарь...

Сергей раскрыл портфель, вынул документы и стал докладывать.

— Ну, а как же вы доехали, товарищ Уралов? — неожиданно спросил председатель ВЧК. — Вы что-то очень быстро появились, — в голосе Дзержинского звучали веселые нотки.

— Как доехал? — живо подхватил Уралов. — Об этом разрешите доложить подробно...

Нет, Сергей не говорил о трудностях пути. Он рассказал, как собирали хлеб, как подготовили эшелон омские рабочие, как написали на вагонах просто и тепло: «Ильичу».

— Значит, именно чекистам поручили рабочие довезти их подарок Владимиру Ильичу? — растроганно спросил Дзержинский.

— Да, Феликс Эдмундович. Даже не послали делегации. Сказали, мол, пусть чекисты сами расскажут обо всем.

Дзержинский задумчиво прошелся по комнатке. И, остановившись, произнес, глядя в лицо Уралова:

— Вы сами и расскажете Ленину...

Не успел взволнованный Уралов ответить, как в дверь постучали. Вошел посыльный и передал Дзержинскому длинный пакет. Феликс Эдмундович раскрыл его, вынул четыре большие фотографии и спросил:

— Узнаете?..

На двух одинаковых снимках был запечатлен их паровоз «овечка», а в окне будки он сам, Сергей. На двух других снимках во всю длину тянулись товарные вагоны с хорошо видной надписью на каждом: «Ильичу»...

— Владимиру Ильичу подарите, — ласково сказал Дзержинский. — И себе возьмите на память.

Кремлевские куранты гулко отбили семь ударов. День кончался, и зал заседаний Совнаркома был тих, безлюден. Лишь за небольшим столом перед входом в зал сидел дежурный по секретариату. Сергей направился прямо к нему.

— А, прибыли? — Дежурный взглянул на часы и сказал: — Ну, пойдемте...

И Сергей понял, что Дзержинский еще вчера, наверно, позвонил о нем.

Пройдя через зал, дежурный подошел к кабинету Ленина. Тихо отворил дверь:

— Владимир Ильич, к вам из ВЧК...

В широком кабинете Сергей увидел два бледных от вечерних сумерек окна, напротив них белое пятно высокой изразцовой печи. А посредине, за письменным столом у лампы с зеленым абажуром, над работой склонился Ленин. И вокруг — ощущение мудрой тишины.

Так длится лишь мгновение.

Вот Ленин поднимает голову. Чуть прищурив глаза, вглядывается в Сергея, узнает:

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Уралов!

Эти слова он говорит, уже вставая из-за стола, идя навстречу. Ленин протягивает руку. И Сергей ощущает крепкое, быстрое пожатие.

— Садитесь, пожалуйста,— говорит Владимир Ильич.

Уралов раньше уже встречался с Владимиром Ильичем. Но в кабинете его впервые.

Ленин уже сел на свое место, повернулся к Сергею в пол-оборота:

— Ну-с, что скажете, товарищ Уралов?

Сергей хотел было начать о работе ЧК в Сибири, но вспомнился ему прощальный митинг в Омске. И он выложил главное, что лежало на сердце:

— Владимир Ильич! Я ведь только приехал... И поэтому с опозданием... От омских железнодорожников и чекистов, и сам поздравляю вас с днем рождения... Крепкого-крепкого здоровья желаем вам...— На живом лице Ленина скользнуло недоумение, и было заметно, что начало разговора несколько удивило его. Но Сергей упрямо шел напролом: — Вместе с группой товарищей, чекистов, мы прибыли специальным поездом, отремонтированным во время субботников... Поезд омские рабочие прислали вам в подарок. Это эшелон хлеба, двадцать вагонов пшеничной муки.

По мере того как Сергей говорил, лицо Ильича теплело. Видимо, Дзержинский, разговаривая с ним, умолчал о подарке рабочих, чтобы приходом Уралова, помимо деловой беседы, доставить Владимиру Ильичу неожиданную радость. Сергей, волнуясь, быстро достал из портфеля снимки и, протягивая их Ленину, закончил:

— Вот, Владимир Ильич, вам фотографии паровоза и эшелона, сделанные уже в Москве... Вот он, этот состав. Прошу ваших указаний, что с ним делать...

Ленин положил фотографии на стол. Склонился над ними. Сергей при свете лампы близко увидел его утомленное дорогое лицо, сетку морщинок под глазами, рыжеватые усы и бородку, губы в доброй улыбке. О чем он думал? Может быть, о хлебе из пайков омских рабочих? Может, о руках, с особой тщательностью и без всякой корысти готовивших состав? А может быть, о чекистах, которым ведь не зря доверили свой поезд рабочие?..

Владимир Ильич поднял голову.

— Так вы, товарищ Уралов, спрашиваете, что с эшелоном делать? Уж не думаете ли вы, что омичи такие простаки, не знали, как мы поступим с хлебом?

И, не ожидая ответа, Ильич выпрямился, немного развел руки и ладонями быстро разрубил пространство над столом на три части:

— Поровну! Детям рабочих Москвы, Питера, Иваново-Вознесенска! Как добавочное, сверх карточек питание.

— Все будет сделано, Владимир Ильич,— радостно откликнулся Сергей.

— Омских товарищей поблагодарите, обязательно поблагодарите!

— Будет исполнено.

— Так вы вчера прибыли из Сибири? — спросил Ленин.

— Вчера.

— Значит, вы совсем свежий, сибирский?

— Выходит, так...

— Как там с хлебом? Каково общее продовольственное положение? В чем конкретно заключались лишения и бедствия крестьян при Колчаке?

Ленин расспрашивал о нуждах крестьян, о хлебе. Какие виды на урожай в этом году? Много ли осталось хлеба от прошлых лет?

— Вот это хорошо! — сказал Ленин, убедившись, что излишки хлеба есть.

Потом Уралов сообщил о ликвидации остатков белых банд, об интересных документах, захваченных в архиве Колчака, и разговор переключился на работу сибирских чекистов.

Когда беседа окончилась, Владимир Ильич встал, еще раз взглянул на стол, где лежали фотографии, чуть прищурился. Веселая лукавинка сверкнула в его глазах:

— А знаете, товарищ Уралов, хороший подарок прислали в Москву омские рабочие! — И, провожая Сергея, продолжал: — Они ведь понимали, что такого количества муки одному человеку хватило бы, ну, скажем, на тысячу жизней. Рабочие знали точно, кому пойдет собранный ими хлеб...

Остановившись уже у самых дверей, Ленин улыбнулся:

— А мне известен другой случай. Двое хороших людей посылают... третьему товарищу по партии кулек, правда, очень-очень вкусных белых сухарей...

Сергей почувствовал, что краснеет до корней волос. А Ильич закончил, чуть наклонив голову набок:

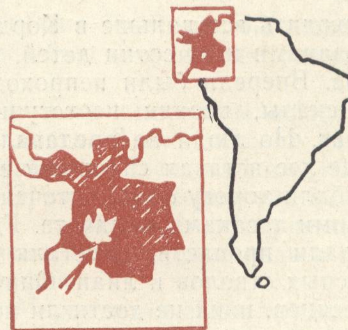
— Да, омские пролетарии лучше сделали: ведь их эшелон — подарок не одному... А вам и всем товарищам чекистам, доставившим хлебный поезд в Москву, спасибо.

И Ленин крепко пожал Сергею руку.

★

Маркеталия не сдается

А. КРУШИНСКИЙ

Справа Южно-Американский материк. На нем в квадрате — Колумбия. Маленькая белая точка — Маркеталия. Ниже — Колумбия и Маркеталия в большем масштабе.

Сто тысяч за голову команданте

Жаль, что мне не удалось достать фотографию Тиро Фихо. Но какой он из себя, представить не так уж трудно. Ведь «Тиро Фихо» означает по-испански «Верный Выстрел». И сразу ясно: этот человек умеет держать винтовку в руках!

Не только крестьяне-индейцы зовут его Тиро Фихо. Его так зовут и враги: полицейские, сыщики, главари карательных отрядов, генералы и министры Колумбии. Возможно, именно враги и придумали прозвище Тиро Фихо: кому, как не им, судить о меткости его выстрела! Но враги и друзья произносят эти слова по-разному. Вот текст одной вражеской листовки:

«Правительство надеется, что жители Маркеталии сами положат конец действиям Тиро Фихо, который хочет привести их к бессмысленным жертвам, подстрекая сопротивляться войскам.

Он убивает лучших солдат и офицеров Колумбии! Но армия продолжает быть терпеливой и благоразумной. Если вы хотите мира и спокойствия, покиньте Тиро Фихо!»

Возможно, тот самый вертолет, с которого была сброшена эта лживая бумажка, вторым рейсом бросил на Маркеталию бомбы, химические яды или бациллы чумы. А может быть, он бросал их одновременно — и листовки, и бомбы, и бациллы...

До чего же глупая выдумка — фальшивыми словами настроить крестьян Маркеталии против Тиро Фихо! Полиция даже назначила награду за его голову. Полгода назад колумбийский комсомолец, который показал мне эту листовку, говорил, что тому, кто захватит Тиро Фихо живым или мертвым, обещано пятьдесят тысяч песо. На такие деньги можно купить дом или автомобиль, но Тиро Фихо по-прежнему на свободе! Через три месяца награда выросла до девяноста, а теперь — до ста тысяч песо!

Итак, мы кое-что уже знаем о Тиро Фихо. Но еще не совсем ясно, кто же этот человек, неуловимый, как Робин Гуд? И еще вопрос: что такое Маркеталия?

Отступление к горным вершинам

С севера на юг Колумбию пересекают высочайшие и неприступные Кордильеры. Они с давних пор защищают крестьян от помещиков — горцы привыкли жить по своим законам. Путешественников, попадавших сюда, поражало многое: необыкновенная сплоченность крестьян, их искусство владеть оружием и, наконец, то, что среди этих потомков гордых индейцев кечуа очень часто встречается имя... Ленин.

В 1947 году власти Колумбии решили уничтожить в горах очаги свободы. Началась гражданская война, самая кровопролитная в истории Америки. О ней почти не писали в газетах, но известно, что она унесла двести или триста тысяч жизней. В 1953 году диктатор Колумбии Пинилья приказал своим летчикам разбросать листовки, в которых обещал всем мир и свободу,— пусть только партизаны сдадут оружие. И многие партизаны поверили. Они так устали от войны, им так хотелось вернуться на поля, к своим семьям, к спокойной жизни, что они поверили и стали сдавать оружие. А за этим последовало такое кровопролитие, о котором даже страшно подумать...

Но один отряд не сдал оружия. Он стал

отходить все дальше в Кордильеры. С партизанами шли сотни детей, женщин, стариков. Впереди были непроходимые джунгли и скалы, позади неотступно преследовал враг. Но люди не предавались отчаянию. Где лес вставал сплошной стеной, они прорубали дорогу остро отточенными крестьянскими тесаками — мачете. Где путь преграждали пропасти, сплетали мосты из древесных стволов и лиан. Они шли несколько месяцев, пока не достигли подножия самых высоких заснеженных вершин, где даже днем крестьяне ходят, набросив на плечи плащ-одеяло.

Командовал отрядом один из вожаков Коммунистической партии Колумбии, индеец Фриас Алапе. Его помощником был юный Мануэль Маруланда — тот самый человек, которого потом прозвали «Верный Выстрел». Местность, где закончился героический переход, называлась Маркеталией.

Объединившись с коренными жителями — индейцами, партизаны построили хижины, провели дороги. Появились и школы. Правда, не было учителей, но те, кто хотя бы чуть-чуть знал грамоту, взялись обучать и детей и взрослых. Среди суровых скал зазеленели возделанные поля.

Скоро свободный район занимал уже тысячи квадратных километров, и жило в нем пятьдесят тысяч человек. Партизанам удалось отразить наступление правительственной армии. С их помощью был наконец свергнут коварный диктатор Пинилья.

Но недолго в Колумбии царил мир...

Снова за оружие

Передо мной письмо из Маркеталии. В нем много подписей, и среди них имя вождя Маркеталии, команданте Мануэля Маруланда по прозвищу Тиро Фихо.

Вот что говорится в этом письме:

«Недолог был в Колумбии мир. 2 января 1960 года гангстеры, завербованные правительством, убили нашего дорогого товарища Фриаса Алапе. Двое друзей бросились ему на помощь, но тоже были убиты. Бандиты покушались и на Мануэля Маруланда. А 20 января 1962 года пять тысяч солдат ворвались в Маркеталию. Они зверски расправились с теми, кого смогли захватить врасплох. Профсоюзному руководителю Центральных Кордильер товарищу Хосе дель Кармен палачи скрутили руки колючей проволокой, столкнули его в ров и расстреляли в упор. Его тело бросили на растерзание полицейским собакам.

Президент Колумбии заявил, что покончит с нами до конца 1964 года. Соединенные Штаты дали для этого сто семьдесят миллионов песо и предлагают еще полмиллиарда. Они разработали «план Лассо» — подлый план удушения Маркеталии.

Нападение на Маркеталию началось атакой бомбардировщиков, на крыльях у которых написаны буквы: «Армия США». Во время бомбардировки было убито восемнадцать детей, которым не исполнилось и пяти лет.

Это карательный десант. И вертолеты и оружие сделаны в США.

С тех пор не проходило дня без налетов. 17 июля войска захватили район Пальмо Браво. Они разыграли позорную комедию «передачи» района правительству. То, что было «передано», представляло собой сожженные дотла хижины и дымящиеся поля. Все крестьянское имущество, которое не сожрал огонь, разграбили солдаты.

Чтобы защитить себя и свои семьи, мы взяли в руки оружие. Отныне наш лозунг: «Бороться и победить!» В Маркеталии снова началось вооруженное сопротивление.

Мы хотим, чтобы об этом знали все.

Зарубежные братья! Вы окажете огромную поддержку нашей борьбе, если распространите этот документ по всему миру».

RESISTENCIA

NUMERO TRES AGOSTO DE 1964

ACCIONES GUERRILLERAS

El 12 de julio un grupo guerrillero sorprendió a un destacamento del ejército en el "Cañón del río Sim-

lugar a campesinos indefensos y trabajadores.--No hubo bajas entre los guerrilleros.--TROPAS del go

Партизанская газета. Она не выходит без веселого рисунка, как бы трудно ни приходилось патриотам. Рисунки в начале каждой главки взяты из этой газеты.

«Тиро Фихо непобедим»

«Тиро Фихо непобедим». Человеку, который сказал эти слова, в данном случае верить можно. Вообще-то он известен как отчаянный лжец, но тут дело особое. Ведь он не кто иной, как военный министр Колумбии! И эту свою правдивую фразу он произнес за полтора месяца до того срока, к которому президент обещал уничтожить Маркеталию.

Да, год 1964 истек, а Маркеталия жива. Ей пошел уже одиннадцатый год. Это значит, что дети, которых в дни героического перехода матери несли на руках, сейчас уже достаточно сильны, чтобы носить оружие.

«Я спрашивал себя: почему эти люди дерутся с таким упорством? — писал участник карательной экспедиции лейтенант Альберт Сендалес.— Когда авиация бомбила и обстреливала повстанцев, а осколки и стреляные гильзы падали поблизости, нас охватывал ужас. Но когда мы пытались продвинуться вперед, эти люди, вцепившиеся в землю, заставляли нас оплачивать каждый шаг смертью и кровью. Откуда такое мужество?»

И лейтенант сам себе отвечал:

«Эти люди хотят, чтобы урожай с кофейных плантаций, удобренных их потом, принадлежал им и их детям, а не трутням. Поэтому они предпочитают смерть в бою смерти от истощения и голода...»

Жизнь в Маркеталии идет своим чередом. Есть там своя газета. Я сам держал ее в руках. Она называется «Ресистенсия» («Сопротивление»). Правда, размером она больше напоминает театральную программку, все заголовки написаны от руки: ведь в горах нет типографии.

Обстановка в Маркеталии очень трудна и сурова. Но одинокими себя партизаны не чувствуют.

Несколько месяцев пробыл в тюрьме вожак колумбийского комсомола Мануэль Сепеда Варгас. Власти бросили его в застенок за то, что он написал статью о Маркеталии. Тогда он уже в тюрьме тайно от надзирателей написал поэму под названием «Маркеталия, ты победишь!». В поэме есть такие строки:

...На каждый выстрел будет ответ,
Будет замена каждому павшему.
Миллион кулаков за каждого павшего —
Вот грядущей победы секрет...

Маркеталия непобедима. Непобедимы ее мужественные защитники. Непобедим отважный коммунист Мануэль Маруланда по прозвищу Тиро Фихо. Непобедимы ее крестьяне, ее комсомольцы. И пионеры Маркеталии, которые живут в условиях опасных и суровых, красные галстуки носят безбоязненно, не то что их сверстники в остальной части Колумбии!

Этот снимок нам прислали из Маркеталии. На нем было написано по-испански: «Нас не сломить!»

А. ОБРЫВАЛИН
Рисунки Е. Медведева.

ШАРФ

Витя сегодня первый раз пошел в школу: не до учебы было. Мать все болела, и он за сестренкой присматривал.

Из дому вышла Зойка.

Витя замедлил шаг. Ему не хотелось догонять Зойку. Пристанет, почему в школу не ходишь, почему домашнее задание не спрашиваешь, все почему да почему.

Но Зойку словно кто за косичку дернул, она обернулась.

— А, Витя, наконец-то! — покачала она головой.— Я думала, ты и дорогу в школу забыл.

— Получше тебя помню.

— Ага, получше. А мы уже пьесу ставим.

— Какую?

— «Соловейко». Ты тоже можешь играть. Осталась роль немца.

— Сама играй.

— А еще мы подарки на фронт собираем,— продолжала Зойка.

— Какие?

— Я кисет вышила, Маня варежки связала с двумя пальцами, чтобы удобнее стрелять.

— А шарф можно?

Витя решил принести отцовский шарф.

На фронте теперь теплые вещи нужны. Правда, и дома тоже нужны. Зимой Витя надевает шарф в школу, а когда возвращается, в него закутывается Вовка и выходит гулять. Носит шарф и мать.

— Можно,— ответила Зойка.

Витя побежал домой. «До уроков еще успею»,— подумал он.

— Ты что вернулся? — спросила мать.

— Что, что, в школе подарки на фронт собирают... Все принесли, один я остался,— недовольно ответил Витя.

— Я разве виновата? Отнеси чего-нибудь.

— Шарф возьму.

— Что же делать, возьми, обойдемся как-нибудь.

Витя достал отцовский шарф и приложил к нему картинки из своего альбома. Картинки были все про войну, и под ними Витя написал: «Смерть немецким оккупантам!»

«Может, шарф попадет к отцу, вот мать обрадуется!» — думал Витя.

Он выбежал на улицу. Мимо шел Мишка.

Мишка живет без отца и без матери. Отец у него с начала войны на фронте, мать оказалась в оккупации, и теперь Мишка живет с бабкой. В школу он не ходит, бросил. Работает сторожем в колхозе. Среди мальчишек Мишка самый старший и самый драчливый.

— Куда бежишь? — спросил Мишка.

— В школу.

— Погоди, успеешь. Чегой-то у тебя?

— Шарф.

— Покажи...

Мишка развернул шарф и посмотрел картинки.

— Тоже мне, «Смерть немецким оккупантам!»... Сопли еще вытирать не умеешь! — усмехнулся он.

— Отдай,— обиделся Витя.

— А это видел? — Мишка поднес к носу Вити кукиш.

— Отдай, а то Леньке скажу.

— Скажешь! Его скоро в армию заберут.

— Отдай! — с отчаянием крикнул Витя и дернул шарф. Но Мишка шарф не выпустил. И тогда Витя, чувствуя, что Мишка так просто шарф не отдаст, куснул Мишку за палец. Мишка взвыл. Витя оторопело смотрел, как он сосет укушенный палец и корчится от боли. Витя никогда не думал, что Мишке может быть больно, что Мишка может даже кричать от боли.

— Ты так! — выругался Мишка.— Получай! — И он ударил Витю кулаком по лицу.

У Вити хлынула из носа кровь. Но все же Витя вцепился в Мишку, и они завертелись на месте, стараясь побороть друг друга. Мишка был здоровей. Он дубасил Витю по бокам, дернул за волосы, стараясь оторвать его от себя. Но Витя не отрывался. Он намертво вцепился в Мишкин пиджачок. Пиджачок вдруг затрещал сверху донизу.

— Ах, гад! — выкрикнул Мишка и дал Вите подножку.

Витя упал на дорогу и больше не двигался. Мишка посмотрел на разорванный пиджачок и вернулся домой.

Витя поднялся. В школу идти нельзя. Зойка теперь всем рассказала, что он принесет шарф. «Все равно отниму»,— подумал Витя. Он набрал камней и встал во дворе за плетнем поджидать Мишку. «Может, сказать, что это подарок на фронт? И тогда он отдаст шарф,— думал Витя.— А вдруг опять будет драться, скажет, разорвал мой пиджак...»

В это время во дворе у Зобовых стукнула калитка, и из нее вышел Мишка.

На шее у него был повязан Витин шарф, красные его концы трепетали по ветру. И Витя разозлился.

— Вот тебе! — проговорил он и запустил в Мишку камнем.

— Мама! — неожиданно закричал Мишка, хватаясь за голову и опускаясь на колени. Он сидел и плакал, но никто к нему из дому не вышел.

Витя подбежал.

— Будешь еще?

— Ой-ой-ой, не буду!

— Смотри, а то так оглоушу — своих не узнаешь!

Витя сдернул с Мишки шарф и зашагал в школу. Он немного прошел и оглянулся: а что, если Мишка и встать-то не сможет?

Мишка тер затылок и показывал Вите кулак.

СНЕГ

Подошли холода. Завьюжило, замело кругом. Дома в снежных шапках покривились, ослепли.

Плохо зимой, совсем топить нечем. Лес далеко, не дойдешь.

— Сходите за соломой, может, не увидят,— проговорила мать.— Ленька обещал принести, да, видать, не придет, а уж скоро темнеть начнет.

— Ага, не поймают! Мишка, он знаешь какой, так и сцапает,— ответил Витя.

— Что же делать? Лобанихе вон хорошо, она только начала сад рубить, а у нас уж и нечего. Может, пеньки остались.

— Остались! Замело их, и не найдешь.

— Вовку возьми, вдвоем все веселей.

На улице метет. И без того едва заметный след от саней теперь совсем замело. Витя взял намерзшую веревку и потащил санки.

Рядом, низко нагнувшись, бредет Вовка. Дорога пошла под уклон, и санки стали накатываться Вите на пятки.

— Садись,— проговорил Витя.

Вовка сел и подобрал веревку, чтобы не лезла под полозья. Витя толкает санки сзади. Вот и улицу проехали, теперь вниз под бугор. Снег еще быстрей полетел в лицо. Витя прыгнул на санки сзади. И вот уже мелькнул сбоку колодец, и санки покатились по льду на другой берег.

Вовке понравилось.

— Давай еще,— попросил он.

— Не управимся дотемна, нам еще вон куда ехать,— озабоченно проговорил Витя.

— Последний разок...

— Ладно, поехали,— согласился Витя.

Ему и самому хотелось прокатиться. Не скоро соберешься: все дела и дела, и санок нет. А тут случай.

Они поднялись на гору. В морозном воздухе звонко разносились удары топора. Ви-

тя подошел к саду Лобанихи. Коля, сбросив на снег телогрейку, срубал яблоню.

— Рубишь? — спросил Витя.

— Рублю.— Коля разогнулся передохнуть.

— Тебе хорошо: целый сад, на всю зиму хватит.

— Вам хватило?

Витя ничего не ответил. Стало стыдно, что позавидовал. Сада на зиму все равно не хватит.

— Поехали,— хмуро сказал он Вовке.

Они опять скатились с горы. Молча, не глядя друг на друга, взялись за веревку и потащили санки.

— Потише иди, а то устанешь,— заметил Витя.

— Далеко еще?

— Вон виднеется.

Они подъехали к скирду. Витя оглядел, где можно подступиться. На самом верху ветер прядет шапку сугроба. Витя ударил ногой. Сугроб рухнул вниз, обнажив солому.

— Ну чего ты, Витька?

— Не хнычь, дергать надо.

Витя снял рукавицы и стал выдергивать солому. Она, обледеневшая, поддавалась туго.

— Дергай, а то замерзнешь.

Вовка тоже снял рукавицы, начал дергать. Но пальцы его срывались, и он скоро замерз.

— Я не могу.

— Укладывай на санки.

Вдвоем они уложили солому. Витя огляделся: Мишки нигде не было.

Поехали обратно. Ветер дул в спину и подгонял санки. Витя вез их одной рукой.

— Садись, а то отстанешь,— проговорил он.

Вовка пристроился на санках сзади.

— Давай прокатимся? — попросил он, когда подъехали к горке.

— Я вот тебе прокачусь!

— Вить, можно, а?

— Ну ладно, держись.

Витя пошел впереди, придерживая санки, словно мужик воз. Они накатывались все сильней и сильней, и вот Витя заскользил вместе с ними, не выдержал и отскочил в сторону. Санки рванулись вниз на речку и покатились по льду. Витя побежал следом.

— Как здорово! — закричал Вовка.

— Я вот тебе дам здорово! — перепуганно закричал Витя.— Тащи давай!

Вовка слез и тоже вцепился в веревку. Ноги его часто скользили, и он падал, а скоро и совсем стал виснуть на веревке.

— Вези! — крикнул Витя.

Он тоже устал и с трудом втаскивал санки на берег.

— Не могу.

— Кому говорят!

Вовка спотыкался и падал. Витя смотрел на его большие валенки с торчащим пучком соломы из задника и все больше и больше злился, тоже выбиваясь из сил.

— Вези, тебе говорят! — закричал он.

— Не могу! — прогнусавил Вовка.

И тогда Витя вдруг ударил его ногой, и Вовка, вскрикнув, упал на живот и сжался. Витя ударил еще и еще и, беспомощно опустив руки, сел рядом и заплакал.

— Ты что, чертенок, его колотишь? — закричала от колодца тетя Поля.— Он же совсем маленький... Справился?

Витя оглянулся. На речке, и на берегах, и в поле лежал чистый белый снег. И белое было солнце. Глазам стало больно, и он зажмурился.

Тетя Поля, тяжело дыша, втащила санки на бугор.

— Мать-то что же к председателю не сходит? Соломы-то, ее вон какая пропасть!

Витя молча впрягся в веревку и повез. Брат устало плелся сзади.

Дома они снесли солому в горницу, и Витя стал вертеть из нее пучки, чтобы было удобнее вбрасывать в лежанку.

На улице темнело. Пучки соломы быстро горели в лежанке, Витя мешал их кочергой. Вовка вертелся рядом, дожидаясь, когда сварится картошка. Ждать ему надоело, и он робко попросил:

— Можно взять одну?

— Сырая еще,— сказала мать.

— Ну, мам?

— Не обожгись.

Вовка вынул вилкой картошку, разрезал на дольки и разложил на горячей плите. Мать зажгла моргас, пузырек с фитилем и керосином, поставила на табуретку. Вовка стоял у плиты.

— Можно посветить? — спросил он.

— Осторожней с огнем.

— Я тихонько.

Вовка взял моргас и осветил картошку. Резанки румянились, вздувались, некоторые пригорали и лопались, тогда Вовка торопливо перевертывал их ножом. Моргас у него наклонился, керосин полился на плиту, на Витю, на пол, вспыхнул, и огонь побежал по соломе. Мать испуганно вскрикнула, быстро подскочив к кровати, сорвала одеяло и набросила на огонь. В то же мгновение Витя увидел на себе горящие штаны и рубашку и бросился из дому.

У крыльца огромный снежный сугроб. Витя нырнул в него. Сугроб тоже был горячим.

Вовка выбежал следом, потянул брата за рубашку.

— Вить...

Они вошли в дом. Мать, побледневшая, сидела на стуле с закрытыми глазами.

— Мама, все уже,— сказал Витя.

Она погладила его по голове и проговорила:

— Садитесь за стол.

Ребята сели за стол есть картошку.

К окну с улицы прижимался снежный сугроб.

Оба эти рассказа взяты из недавно законченной книги писателя Александра Обрывалина. Время действия ее — декабрь сорок второго года. Многое встает в памяти за этими суровыми словами. Разбитые города, спаленные деревни, взорванные станции, толпы беженцев на дорогах, кровопролитные бои... Идет война!

Затеряна в снежных полях, стоит на склоне холма маленькая деревушка. Малолюдно тут, холодно и голодно. Война! Правда, досюда не добралась она со своими танками и пушками: ее уже успели приостановить под Москвой. Но чем заняты люди в деревне? Они и работают на войну и писем ждут с войны. Думают о войне. Подарки свои шлют туда же, и пьеску ставят ребята уж наверняка про то, как наши колотят немцев!

...За дровами поехать не на чем да и некому. А потому порубили и пожгли в печках сады. Это сущая беда — убить дерево, которое тебя же кормило яблоками. Нечего есть и не во что одеться, всякий день ребята не едят досыта, ходят в старье. Но вот был теплый и красивый шарф — чуть ли не единственная хорошая вещь в доме, так не пожалел его Витька, выпросил у матери и отправил в подарок незнакомому бойцу. Пусть теплее будет воевать ему на морозе!

...Тащат ребята солому. Сама мать посылает их, такое бывает лишь от великой нужды. И тут опасность! Не соблазнит ли Витьку в дальнейшем вот эта легкость, когда кражей можно без труда добыть себе нужное? Нет. Потому «нет», что, сделав раз плохое, сам Витька не становится хуже, так же, как после драки с Мишкой не делается он Мишкиным врагом, а, наоборот, жалеет его.

Витька — хороший человек и крепкий. Это слабых ломает горе, а сильные объединяются для отпора ему. Так было везде в то тяжелое и грозное время. Не слабые и злые — сильные и добрые люди одолели несчастье. Победой окончилась великая война, которая для многих ребят, как и для нашего автора, была порой детства.

Рисуют и пишут наши читатели

Муравей

Между двух замшелых пней,
В самой чаще леса,
Тянет ношу муравей
Раз в пятнадцать тяжелей
Собственного веса.

Упирается, пыхтит,
Истекает потом,
Но не бросит на пути
Начатой работы.

Если б этот муравей
Был с верблюда ростом,
Он огромные дома
Поднимал бы просто!

Валерий Вуколов, г. Москва.

Подарок

Завтра у нашей мамы день рождения, и мы с Вовкой долго думали о том, какой подарок ей сделать. (Вовка — мой младший брат, ему еще только шесть лет.)

Папа дал нам денег, и мы решили просто идти по улицам и заходить во все магазины, какие попадутся. Первым магазином был обувной. Мы решили не заходить туда: ведь если бы мы захотели купить маме обувь, то сомневаюсь, хватило ли бы у нас денег хоть на один ботинок.

Рядом находился парфюмерный магазин. Мы вошли. Там было полно всяких духов, одеколонов, пудры, мазей и прочей ерунды (это наше с Вовкой мнение!). Мы решили ничего не покупать здесь, а предоставить это сделать папе.

Теперь на нашем пути вырос магазин детских игрушек. Хоть я твердо знал, что мамам игрушки не покупают, мы все же решили зайти сюда. У нас сразу разбежались глаза при виде чудесных игрушек. Чего тут только не было: и погремушки, и воздушные шары, и разные зверюшки, и детская легковая машина. Мы совершенно не заметили, как прошел целый час.

— Хорошо бы покататься на той лошадке-качалке! — наконец мечтательно произнес Вовка.

— Не говори чепухи! — рассердился я.— Пошли дальше!

Мы еще долго ходили по магазинам, но вдруг опять очутились около магазина игрушек.

И мы все же купили ту лошадку-качалку. В конце концов мама может при желании тоже на ней покачаться.

Анатолий Никифоров, г. Оренбург.

В детском магазине. *Маша Дорофеева,* 11 лет, Якутская АССР.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР*

Анатолий МАРКУША

Рисунки Ю. Черепанова.

Однажды я получил письмо от совершенно незнакомого человека. Жил он в большом сибирском городе, учился в 6-м классе «А» железнодорожной школы.

«Все говорят,— писал он,— воспитывай характер, а то из тебя ничего в жизни не получится. Вырастешь просто тряпкой. И вы тоже в своей книге писали, что летчик должен себя воспитывать. Вот я и хочу спросить: как это можно самого себя или свой собственный характер самому воспитывать!

Меня в школе часто ругают — это я понимаю: воспитывают. И когда отец обещает дать березовой каши (давать-то он ничего не дает, только поговорка у него такая),— это я тоже понимаю: воспитывает. И если по радио объясняют, чего надо делать, а чего не надо, значит, тоже воспитывают. А чтобы самому, этого я никак не могу понять. Пожалуйста, объясните».

Вопрос был поставлен серьезный. Действительно, оттого, что человек усвоит, какими качествами должен обладать настоящий мужчина, сам он настоящим мужчиной еще не станет. Знать цель — только первая и притом наиболее легкая часть дела. Достигнуть цели — вторая и самая трудная его часть.

Предупреждаю сразу: универсальных, годных на все случаи жизни советов не существует. И я вовсе не собираюсь дать какой-то общий рецепт для воспитания мужского характера. Просто поведаю кое-что из опыта разных людей и своих личных наблюдений, пригодных, на мой взгляд, для примера и подражания.

ПОСЛУШАЕМ ДРУЗЕЙ

Витька Коноплицын рос у меня на глазах. Мы дружили. В тринадцать лет он стал авторитетом для всех окружающих мальчишек.

— Витька сказал...

— Витька не велел...

— Вот смотри, Витька узнает...

Под такой аккомпанемент шла мальчишеская жизнь нашего поселка. Казалось, так будет всегда. Но внезапно Витькино влияние стало заметно убывать.

Прохладным весенним вечером мы встретились с Витькой и разговорились. Витька восхищался «Спартаком», сделавшим в предыдущем сезоне дубль, говорил о новой антарктической экспедиции, о своем намерении заняться радиотехникой. Словом, начало нашего разговора было вполне дружеским, говорил главным образом Витька. А потом я сказал:

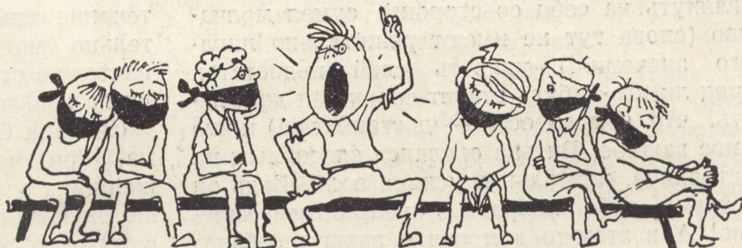
— По-моему, Витька, ты совершаешь одну серьезную ошибку.

— Какую? — насторожился он.

— Ты все время говоришь сам. А ребятам это не нравится.

— Разве я что-нибудь неправильно говорю?

— Это как раз не имеет значения: правильно или не очень правильно ты говоришь. Важно другое: у ребят ведь тоже есть свое мнение, и каждому хочется его высказать.

* Начало «Откровенного разговора» писателя Анатолия Маркуши смотри в февральском номере журнала.

Так уж устроено человеческое общение — требует взаимности...

На это замечание Витька ничего не возразил, но он явно остался недоволен — весь вздыбился, сделался похожим на большого сердитого ежика.

Больше на эту тему мы не разговаривали.

Из книги мудрости

ХОЧЕШЬ БЫТЬ УМНЫМ,
НАУЧИСЬ РАЗУМНО
СПРАШИВАТЬ, ВНИМАТЕЛЬНО СЛУШАТЬ,
СПОКОЙНО ОТВЕЧАТЬ
И ПЕРЕСТАВАТЬ ГОВОРИТЬ,
КОГДА НЕЧЕГО БОЛЬШЕ
СКАЗАТЬ.

Лафатер

Но я наблюдал за Витькой, наблюдал внимательно и долго. Очевидно, мои слова не прошли мимо его ушей. Я замечал, как усилием воли мальчишка сдерживал себя, как все реже он разглагольствовал, как старался прислушаться к окружающим. Витька отказался от командования ребячьей экспедицией на расположенное рядом с нашим поселком самолетное кладбище. В этом увлекательном деле он принял на себя лишь заведование радиочастью.

А спустя много времени, уже осенью, Витька сказал мне:

— Интересные есть у нас ребята. Вы Сеньку Приходько знаете? Все лето по самоучителю английским занимался. Каждое утро на свежую голову! И норму себе назначил: десять новых слов в день!

Не скрою, мне было приятно это услышать. Обрадовали не столько успехи Приходько, сколько то, что Витька их обнаружил и по достоинству оценил. Вообще за это лето Витька очень повзрослел. В лице его проглядывала теперь постоянная работа мысли...

Вот, пожалуй, и весь эпизод. Позвольте! Но стоило ли рассуждать о таком пустяке? Ничего особенного не случилось. И все же, я думаю, стоило. И вот почему: Витька сумел взглянуть на себя со стороны, сумел молчаливо (слова тут не имеют решительно никакого значения!) увидеть свой недостаток (вряд ли кто-нибудь станет спорить и доказывать, что болтливость — достоинство!) и что самое важное: Витька оказался способным на постоянное, длительное усилие воли. Ведь он заставил себя исправить неприятное качество! А в этом-то как раз и зарыта собака: всякое самовоспитание начинается войной против самого себя, против своих привычек, своих желаний.

Из книги мудрости

САМОЕ ТРУДНОЕ
ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА —
УЗНАТЬ СЕБЯ.

Грузинская пословица

— Я ничего не могу сделать, у меня плохая память, — повторял Сережа Барыкин всякий раз, как ему пеняли за очередную двойку. — Я хочу, я стараюсь и все равно не могу ничего запомнить. Только время зря теряю, лучше уж совсем не учиться.

— Если хочешь по-настоящему, — сможешь. Память тоже поддается тренировке. — И человек, вмешавшийся в Сережину судьбу, предложил ему проверить память.

Прежде всего попросил начертить свой обычный маршрут от дома до школы и постараться отметить на схеме все сколько-нибудь значительное: киоск, телефонную будку, ворота и прочие подробности местности.

— Вы думаете, это поможет?

— А ты не рассуждай, ты действуй!

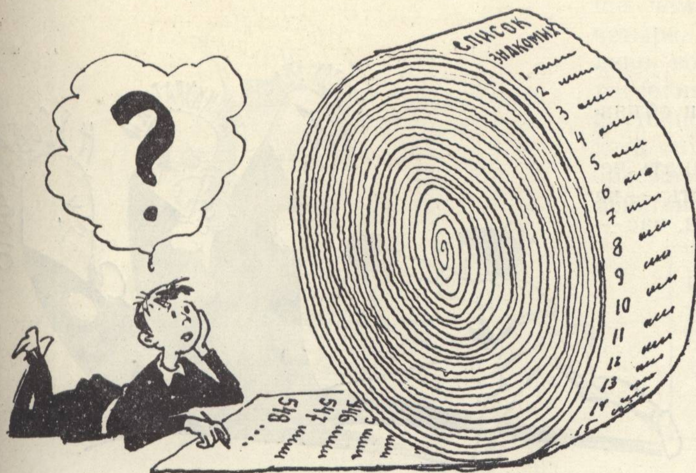
— Пожалуйста! — сказал Сережа и начертил вполне приличную схему. Между прочим, он изобразил сто шесть характерных ориентиров. Когда все проверили, оказалось, что только двенадцать ориентиров были нарисованы с грубыми погрешностями, остальные стояли на своих законных местах.

Второе задание было написать на бумаге имена известных ему людей.

Результат привел Сережу в полное изумление. Оказалось, что он помнит двести семьдесят три фамилии так называемых знаменитостей и исторических деятелей, сто двадцать шесть имен знакомых, родственников и соседей, сорок девять фамилий товарищей по школе и учителей. Общим счетом голова его хранила пятьсот сорок восемь предшественников и современников!

Тут же Сережа получил третье задание: в течение одной минуты он должен был внимательно смотреть на открытку, обыкновенную почтовую открытку с видом, а потом, не глядя на нее, перечислить все, что запомнилось.

Сначала Сережа писал быстро: море, пальма, три чайки, паровоз, скульптура льва, женщина в шляпе, женщина с зонтиком; дальше он писал с трудом: угол скамейки, сумка в руках у женщины в шляпе, пароходный

дым... Всего он запомнил двадцать семь подробностей.

На этом первая часть испытания завершилась.

— Да, ты болен, — сказал Сереже испытатель, — у тебя трудно поддающаяся лечению болезнь. Очень неприятно, дорогой, но голыми руками тут ничего не поделаешь.

— А что со мной? — встревожился Сережа.

— У тебя лень. И притом лень в крайне запущенном состоянии. А с такой памятью можно и академиком стать. Только одной памяти человеку мало. Надобны еще и желание и характер. Воздействовать на себя надо. Брать самого себя за свой собственный шиворот и сажать за стол. Настраивать мозги на рабочую волну и трудиться.

Эту невыдуманную историю поведал мне молодой физик — восходящая звезда одного очень важного и очень ответственного научно-исследовательского института.

— С тех пор, — говорил он, — я все время тренирую память. Во-первых, интересно! Во-вторых, человек, оказывается, может запомнить так много, что я даже затрудняюсь сказать, сколько. У меня после того испытания характер даже переменился: я теперь не боюсь хотеть... Пожалуйста, не улыбайтесь. Я же чистую правду вам говорю. Я теперь всегда знаю, чего хочу добиться, узнать, сделать.

Это — очень ценное признание! Для того, чтобы воспитывать характер, надо обязательно знать, чего ты хочешь, иначе все твои усилия будут расползаться в разные стороны, как кисель, пролитый на пол.

Воспитание характера — это война со своей ленью, со своими слабостями, привычками, с той обыденной «колеей», из которой не так-то просто бывает выскочить. И, как всякая война, оно требует известной тактики, говоря проще, плана действий, обдуманной последовательности.

Трудно вообразить, чтобы некто X, У или Z, решив, например, посвятить себя математической науке, взялся сразу за дифференциальные уравнения, не удосужившись предварительно выучить обыкновенную таблицу умножения. Иными словами, сначала надо овладеть простым, а уж после этого продвигаться к сложному.

Воспитание характера не составляет исключения. Здесь действуют точно такие же законы.

ВАРИАНТ № ...

Могу вообразить твое нетерпение, читатель. Ты недоволен мной:

— Все это общие разговоры! А как практически приступить к делу?

Что ж, в каждом случае нужно свое решение, и каждое решение может иметь множество вариантов — и вариант № 1 и вариант № 121. Поэтому лучше всего обратиться к примеру.

Прежде всего определи цель, ответь на вопрос: «Чего я хочу достигнуть?» И не вообще, не когда-нибудь достигнуть, а, так сказать, на реально обозримом участке времени. Допустим, я хочу покончить с рассеянностью.

Цель определена, но действовать пока рано. Предварительно следует еще оценить «противника». Для этого придется проделать малоприятную, но совершенно необходимую операцию — очень внимательно взглянуть на себя со стороны. И не просто «полюбоваться» своей персоной, а честно покаяться в больших и малых грехах. Предположим, что после придирчивого исследования своих привычек и образа жизни ты приходишь к выводу:

1. Я человек неаккуратный.
2. Я страдаю несобранностью.
3. Мне постоянно не хватает времени.

Теперь жить уже легче, потому что «противник» определен. Но что делать дальше? Я бы советовал подумать, какой из трех врагов сильнее, опаснее. На кого из них целесообразнее напасть в первую очередь. Скажем, силы распределяются так:

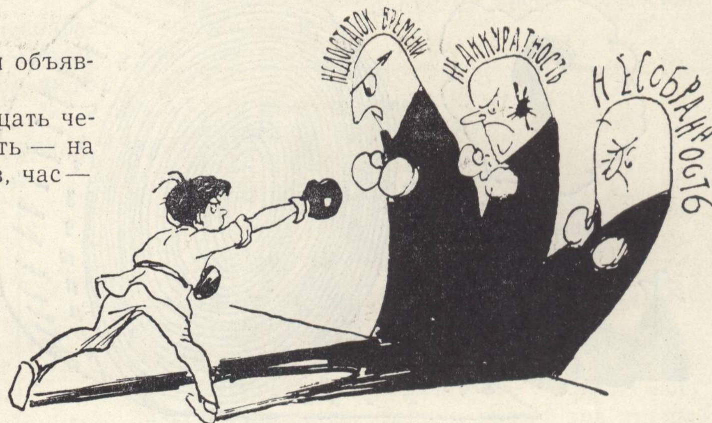
Враг № 1 — недостаток времени.

Враг № 2 — неаккуратность.

Враг № 3 — несобранность.

Картина прояснилась. Можно уже и объявлять войну.

Откуда взять время? В сутках двадцать четыре часа. Восемь уходят на сон, шесть — на школу, три — на приготовление уроков, час — на еду. 8+6+3+1=18. Остаются шесть часов. И первое, что надо сделать, — расписать эти шесть часов по минутам: столько-то на физзарядку, столько-то на умывание, столько-то на прогулку, столько-то на чтение... Эта часть задачи довольно простая, и тут у тебя всегда найдутся добровольцы-помощники и добровольцы-советчики.

ПРИМЕРНЫЙ РЕЖИМ ДНЯ

1.	Подъем	7.00
2.	Утренняя гимнастика	7.00 — 7.15
3.	Уборка постели, умывание и обтирание	7.15 — 7.30
4.	Завтрак	7.30 — 8.00
5.	Занятия в школе	8.30 — 14.30
6.	Обед, мытье посуды	15.00 — 15.30
7.	Покупки в магазине, прогулка, игры, развлечения	15.30 — 16.45
8.	Приготовление уроков	16.45 — 19.00
9.	Спортивная тренировка (понедельник, среда, пятница), кино, библиотека и т. п. (вторник, четверг, суббота)	19.00 — 20.45
10.	Вечерняя прогулка	20.45 — 21.15
11.	Ужин	21.15 — 21.30
12.	Приготовление к школе	21.30 — 22.00
13.	Приготовление ко сну	22.00 — 22.30
14.	Сон	22.30 — 7.00

Из книги мудрости

НИЧЕГО НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ НА ЗАВТРА — ВОТ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЕКРЕТ ТОГО, КТО ЗНАЕТ ЦЕНУ ВРЕМЕНИ.

Лабуле

Следующий шаг труднее. Расписанием, так сказать, графиком жизни ты обзаведешься, но диспетчера — человека, контролирующего выполнение графиков и расписаний, — не будет. Никто не станет тебе подсказывать:

— Товарищ Насечкин, время 7 часов 20 минут, начинайте уборку постели.

— Товарищ Насечкин, напоминаю: до выхода из дома осталось 5 минут...

Как же быть? В диспетчеры надо назначить собственную волю. Заглядывай в график, сам подавай себе команды и сам проверяй их исполнение. Эта работа куда труднее, чем составление расписания, но никто и не говорит, что воевать легко.

Постепенно, привыкнув жить по строгому графику, начинай атаковать врага № 2 — неаккуратность.

Первый шаг — установи определенный порядок своим вещам. Допустим, вот здесь на полке стоят книги, здесь около стола справа — портфель, здесь на втором крючке вешалки висит пальто; рубашка складывается вот так, а не швыряется как попало. И снова — определить порядок легко, соблюдать его труднее. Но коль скоро ты начал себя воспитывать, — упорствуй! И раз уж книги

поставлены в такой последовательности: «Алгебра», «Геометрия», «Физика», «Русский язык», — то и завтра, и послезавтра, и через неделю «Алгебра» должна стоять перед «Геометрией», а «Русский язык» после «Физики».

И все время контроль, контроль, контроль!

Поначалу непривычные усилия будут вызывать у тебя раздражение. Тебе будет казаться, что и график и вновь заведенный порядок — чепуха и ничего изменить не могут. Но не поддавайся соблазну плюнуть на свои благие намерения. Все дело в том, что новые привычки не могут сразу стать прочными. Чтобы они закрепились, нужны дни и недели постоянного насилия над собой, нужна упорная работа! А потом все сразу изменится: новая привычка сделается автоматической и перестанет тебя угнетать.

Дальше. Начав наступление на недостаток времени, на неаккуратность, принимайся атаковать и несобранность. На первых порах очень полезно составлять себе памятки. Накануне вечером запиши на листочке бумаги дела на следующий день. Например:

1. Вынести мусор.
2. Сдать книгу в библиотеку.
3. Спросить у бабушки, где лежит шпагат.
4. Сменить воду в аквариуме...

Вынес мусор — зачеркни первую строчку. Сдал книгу — зачеркни вторую... К концу дня обязательно проверь, все ли вычеркнуто из памятки. Постепенно, втянувшись в новый ритм жизни, задание на следующий день составляй не на бумаге, а в уме.

Хочу предупредить: как ни старайся, как ни желай расстаться со своими недостатками, — через неделю ничего не изменится. Но через месяц-полтора ты непременно заметишь, что забывать стал значительно меньше, чем раньше. А пройдет еще месяца три-четыре, и от рассеянности останется одно лишь воспоминание. Да и какая может быть рассеянность у человека, если жизнь его идет по точному графику, если он привык соблюдать определенный порядок, если он не разбрасывается и постоянно контролирует свои действия!

Из книги мудрости
ЖЕЛЕЗО САМО НЕ СТАНЕТ МЯГКИМ.

Корейская пословица

КТО ТВОЙ ГЕРОЙ?

Много раз приходилось мне толковать с мальчишками о воспитании характера. И вот что я узнал из этих откровенных разговоров:

— Я хочу быть, как Овод, — таким же смелым, таким же гордым.

— Самым лучшим характером обладал д'Артаньян. Д'Артаньян был отважным, веселым, нежадным, для друзей готов на все...

— Мой любимый герой — Мересьев. Какая воля, даже представить невозможно!..

Возражать тут не приходилось. Каждый из этих героев достоин восхищения. Разногласия возникали чуточку позже. И вот из-за чего: ребята, увлеченные образами отважных людей, изо всех сил старались подражать им внешне. Один не просто ходил по земле, а этак выступал — гордо и величественно (ему казалось, что именно таким способом передвигался Овод). Другой сбивал шапчонку на правое ухо, говорил отрывистыми, как команда, фразами и все проблемы пытался решать стремительным кавалерийским налетом (он был убежден, что похож на Чапаева).

Ну, а я настаивал на том, что внешнее сходство — дело де-

сятое, что даже самая настоящая бурка не прибавляет истинной ширины плеч. Я доказывал, что характер совершенствуется в ежедневном упорном труде. Я приводил пример из биографии Валерия Павловича Чкалова. В молодости у него не ладилась стрельба по воздушным целям, никак не удавалось приноровиться к прицелу «Альдис». Тогда Валерий Павлович приладил злосчастный «Альдис» к обыкновенному полену и до тех пор «стрелял» с земли по летающим самолетам, пока не переборол себя, пока не научился мгновенно и точно схватывать противника в перекрестье...

Я зачитывал моим друзьям-мальчишкам те места из записок сильнейшего в мире человека Юрия Власова, где он рассказывает не о рекордных достижениях, а о ежедневных тренировках...

Я ссылался на упорство Эдисона и на адову работу Паганини. Всеми этими примерами я хотел доказать: смотрите, черти, вот так делается характер — шаг за шагом, вот так добывается успех — камешек к камешку!

Из книги мудрости

ВСЕ ПОБЕДЫ НАЧИНАЮТСЯ С ПОБЕД НАД САМИМ СОБОЙ.

Леонид Леонов

Мальчишки более или менее вежливо соглашались, принимали мои слова к сведению, но... по-прежнему продолжали играть в своих любимых героев. Конечно, легче играть в героя, чем быть им на самом деле. Это я понимал, и все же мне хотелось подтолкнуть ребят к настоящим, хотя бы маленьким подвигам. Наконец первый шаг совершился. Сделал его мой приятель Степа Карич.

Коротко нарисую его портрет. Худой. Для своих четырнадцати лет очень высокий. Задумчивый и бледный. Он обожал графа Монте-Кристо и чуть ли не наизусть знал всю благородную историю гордого и несчастного человека. За эту привязанность Степу прозвали Графом. И прозвище крепко пристало.

Граф мечтал развить в себе волю. Поставленной цели добивался своеобразно: то неделю ни с кем не разговаривал — ему казалось, что человек сильной воли должен быть непременно молчаливым и замкнутым; то пытался выучивать по пятьдесят немецких слов в день, подряд по словарю, без всякой системы и смысла — он был убежден, что сильная воля предполагает феноменальную механическую память. Ну, и все остальные его действия были в таком же роде.

Отговаривать Степу от его упражнений не имело никакого смысла: он был упрям, этот тощий, молчаливый Граф. Но вот однажды Степа показал мне черновик какого-то сочинения. Я глянул и ахнул! Исписанные странички выглядели так, будто на них резвился выводок цыплят.

— Слушай, Степа, — сказал я. — Ты представляешь, что получится, если так будут писать все люди? Ни одно письмо не найдет адресата, ни одна книга не выйдет в свет, ни одно заявление не получит ответа...

— Почерк у меня с детства плохой. Знаю. Ничего уж не поделаешь.

— Почему это не поделаешь? Чепуха! Представь себе, что твоему Монте-Кристо пришлось исправлять почерк, представь, что от этого зависела судьба прекрасной Мерседес. Неужели бы граф сказал: «Не могу»?

Кажется, я нечаянно попал в цель. Сначала Степа просто смутился. Потом, помолчав, сказал:

— Ладно, через год буду писать, как бог. Увидите.

Какой почерк у бога, я не знаю, но то, что спустя десять месяцев продемонстрировал мне Степа, выглядело превосходно. Нет, это были не ученические прописи, не каллиграфическая вязь с нажимом, — по идеально ровным строчкам стремительно бежали маленькие, четкие, полупечатные буквы. Степина рука читалась теперь безо всякого напряжения, словно журнальный текст.

— Как же ты сумел? — спросил я.

— Каждый день сто строчек тренировки. Сначала отрабатывал форму букв. Потом — соединение знаков и их размер. А последние два месяца тренировался на скорость.

Этот маленький подвиг еще раз убедил меня в том, что воспитание характера всегда должно идти постепенно и непременно от более простого к более сложному. И еще в одном: человек, любой нормальный, обыкновенный человек способен на значительно большее, чем он сам предполагает. Вот почему я и пишу с полной уверенностью: если ты на самом деле хочешь быть сильным, волевым человеком, не жди чуда, борись с собой! Намечай цели и овладевай ими!

Наукой совершенно точно установлено:

что за год любой человек может исправить самый никудышный почерк;

что за два-три года любой мужчина может удвоить силу своих мускулов;

что за три года восемьдесят процентов людей в состоянии овладеть одним-двумя иностранными языками;

что за пять лет человек может до неузнаваемости переделать себя, вылепив новый, не похожий на прежний, характер.

Может быть, кому-то не понравятся сроки. Счет действительно идет тут на годы — в неделю-другую себя не «перекроишь», но прошу иметь в виду, что все эти данные взяты не с потолка, они выведены учеными на основании множества наблюдений и опытов.

Из книги мудрости

...ХОТЕТЬ НЕДОСТАТОЧНО, НАДО ДЕЙСТВОВАТЬ.

Гёте

«Я» И «МЫ»

До сих пор наш откровенный разговор касался лишь отдельных представителей великого племени мальчишек. Но племя есть племя, и все мальчишки живут в обществе, в окружении себе подобных, и Робинзоны в двадцатом веке наблюдаются очень редко. Поэтому наша беседа будет далеко не полной, если не коснется такой важной темы: «я» и «мы».

Сколько раз приходится слышать:

— Он много о себе понимает.

— Парень ничего, только ужасно нос дерет.

— С этим типом невозможно иметь дело. Все я, я, я...

Да, болезнь «ячества» не такая уж, к сожалению, редкость.

Генка Рыжицкий очень хорошо учился. Генка Рыжицкий постоянно выходил победителем в лыжных соревнованиях. Генка Рыжицкий недурно бренчал на рояле. Генка Рыжицкий много читал и для своих лет знал гораздо больше того, что знали его одноклассники. И все-таки Генку Рыжицкого не любили. Не любили дружно, всем классом. С первого взгляда трудно было определить, чем вызвана эта неприязнь. Но стоило прислушаться, и многое прояснялось.

— Гена, ты алгебру сделал?

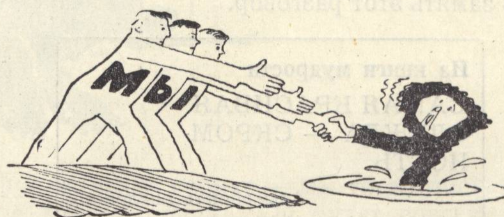
— Допустим.

— И двести тридцать шестая по ответу сошлась?

— Так что же?

— А у меня икс за скобки не выносится...

— Сочувствую.

— Привет, Генка! Слышал, нас тринадцатая школа в баскет вызвала? Будешь?

— Сами не можете?

— А тебе все равно, да?

— В основном я спокоен.

— Ну правда, будешь? Они здорово играют...

— Ребенок! Пора знать: побеждает сильнейший.

. . . .

— Генка, Генка! Не уходи! Дело есть!

— Приветик!

— Ну послушай, все же остаются. На пять минут!

— Два приветика!

— Нечестно, Генка! Ребята ждут!

— Три приветика и ауфвидерзеен!

. . . .

В конце февраля, выступая на городских лыжных соревнованиях, Генка упал и сломал ногу. Его отвезли в больницу. О чем думал Генка Рыжицкий, лежа в скучной бело-голубой палате, мне неизвестно. А о чем думали ребята, можно судить вполне определенно хотя бы по тем крайним точкам зрения, что были высказаны на классном собрании.

— Ребята! Надо помочь Рыжицкому. Врач сказал, что Генка пролежит не меньше двух

месяцев. Надо носить ему задания и по очереди рассказывать, что было на уроках.

— Как же! Нянчиться с ним! Интересно было б посмотреть: он к кому-нибудь в больницу пошел бы? Пусть почувствует, как всех презирать...

Мнения столкнулись, вспыхнул спор. В конце концов победила гуманная точка зрения. Было составлено расписание, и каждый день кто-нибудь отправлялся к Генке в больницу — тащил задание и рассказывал о том, что было на уроках.

Повторяю: о чем, лежа в больнице, думал Генка Рыжицкий, мне неведомо, а вот какое он сделал заявление, впервые после двухмесячного перерыва вернувшись в класс, знаю.

— Ребята,— сказал Генка,— я был свиньей...— И всем стало неловко, и все постарались замять этот разговор.

> **Из книги мудрости**
>
> САМАЯ КРАСИВАЯ ОДЕЖДА — СКРОМНОСТЬ.
>
> Адыгейская пословица

Не думаю, что мне надо приводить еще примеры столкновений и противоречий между «я» и «мы». Ты, мой читатель, ведь тоже не Робинзон, ты каждый день ходишь в школу, участвуешь в жизни других ребят, так же, как и они участвуют в твоей жизни, и без посторонней помощи можешь набрать хоть тысячу «хороших» и тысячу «плохих» примеров.

Поэтому давай попробуем сделать несколько главных выводов. Конечно, эти выводы не на все возможные в жизни случаи, но мне хочется надеяться, что они помогут тебе найти разумные решения, когда придется определять свое поведение перед лицом товарищей.

Первое, о чем советую всегда помнить:

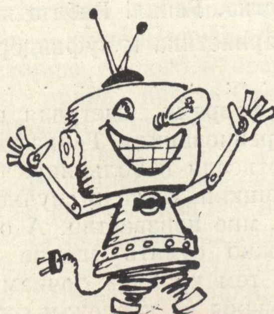
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.

В. МАЯКОВСКИЙ

Второе, о чем тоже рекомендую не забывать: ты смотришь на людей двумя глазами, люди же разглядывают тебя в сотни глаз. А это значит, что все твои недостатки, все изъяны, всякое несовершенство всегда на виду у людей. Прислушивайся к мнению окружающих и, если окажется, что «мы» от тебя не в восторге, пожалуйста, не спеши обвинять людей, хорошенько проверь, правильно ли живет, действует, разговаривает, держится милое твоему сердцу «я».

Третье. Это очень важно. «Мы» оказывают тебе внимание, проявляют заботу, «мы» дарят тебе улыбки и радость, «мы» в трудную минуту приходят на помощь. Бери все, что тебе предлагают «мы», бери, не оглядываясь! Но всегда возвращай людям свое внимание, свою чуткость, свою улыбку, свою помощь. И никогда не бойся отдать больше, чем получил сам. Настоящий мужчина должен быть и щедрым.

Здесь я ставлю точку и объявляю второй перерыв.

Сергей **АРТАМОНОВ**
Рисунки В. Константинова.

СОБАКА и МАЛЬЧИК

— Тебя уже поздно учить: ты дряхлая. И ты глупая, даже служить и то не умеешь. Мне с тобой неинтересно.—Так говорил этот мальчик старой черной собаке, которая жила у них в доме.

Он говорил ей с укором:

— Ну, хоть бы ты дралась с другими псами, и они бы тебя боялись... Тогда была бы у меня бойцовая собака! А ты, что ты умеешь делать?

Так он говорил ей. А что думала собака, никому не известно. Псы не умеют разговаривать, не умеют высказываться. Лишь одно явно: чувствуют они очень остро, и кажется, понимают то, как к ним относятся люди, умеют схватывать разницу в отношениях.

...Ну, а мальчик? Он вечно завидовал, когда чья-то собака весело бежала к хозяину, неся ему в зубах какую-нибудь палку, или чинно шагала рядом, неся в пасти собственный поводок... А были и такие, что по утрам ежедневно прибегали к газетному киоску. Повертится такая, потявкает... Выйдет к ней продавец, отцепит от ошейника завернутые в бумажку деньги и сунет за ошейник газету. И бежит собака домой, к хозяину — пусть он до работы узнает новости! Да, такую собаку и разыскивать не надо возле помоек и не надо орать на всю улицу: Бобик да Бобик! Ну, что за имя в конце концов, даже и говорить стыдно. Вот если бы Смерч или Руслан!

— Подожди, вот когда ты умрешь,— говорил мальчик собаке,— мы тогда достанем себе другого щенка. Он будет совсем маленький, и я с детства стану его всему учить: и бегать, и прыгать, и слушаться. А то мне уже надоело всем завидовать. Пусть лучше другие на меня смотрят, и пусть это они хотят, чтобы и у них был пес такой же, как у меня... А ты только ешь у нас даром. Хоть бы ты заблудился, хоть бы ты пропал поскорее! Надоело мне с тобой.

Мальчик и собака. Я сижу во дворе. Хотел почитать, но так и не раскрыл книгу, услышав мальчика. Я смотрю на него и слушаю. Он не видит меня и весь поглощен собой. Собака лежит у его ног на боку, разбросав на прохладной земле мохнатые лапы. Похоже, она дремлет. Летний, теплый день. Чужой город, где я по делу и долго не задержусь. Двор. Лавочка в тени огромного дерева. Забор. Улица. Сады. Голубое и золотистое небо над всем миром. Чего еще?

...Собака была очень старая. Ей было столько же, сколько и мальчику. Когда он еще не умел ходить, бабка выпросила щенка у соседа, который нес его на речку топить. Лет протекло много, теперь собака и на прогулках уставала. Ложилась тогда и глядела прямо в глаза, извиняясь и даже чуть заискивая, а хвост ее робко и просительно вздрагивал на земле. Ей самой было стыдно за себя, за такую слабую и беспомощную, какой ее сделали долгие годы жизни. Впрочем, она как будто чувствовала, что

жить ей оставалось уже немного. Сил было совсем мало. То и дело одолевала ее дремота, хотелось лежать и лежать в холодке, в тихом пустом углу...

Но мальчик мечтал о своем. Ему не было дела до собачьей старости, до песьей беды. Он хотел радости только себе. И, конечно же, он не знал, никогда и не думал о том, что собаки вообще так давно живут около человека, что многое выучились угадывать.

Вот и эта, о которой речь, тоже почти все понимала, но что ей было ответить или возразить, да и как бы она смогла это сделать?

«...Эх ты! — думал я.— Ты глупый и недобрый мальчик. Хорошего человека из тебя, наверное, не получится, потому что тебе неведома жалость к слабым. И ты любишь только одного себя».

А уже перед самым моим отъездом собака пропала. Мальчишка обрадовался, повеселел. Зато старуха, моя хозяйка, расстроилась и даже всплакнула о собаке, подумав о той печали, которая приходит в конце жизни. Я видел, как она хватится вдруг, глянет за дверь и позовет пса: «Бобик, Бобик!» — да тут же и погрустнеет вмиг...

Потом им принесли щенка. Это мальчик накануне весь день писал объявления о покупке и бегал расклеивать билетики с каракулями на телеграфных столбах.

Щенок был толстый, веселый, и ласковый, и, как все они, забавный.

А старую собаку так и не нашли, впрочем-то, ее никто и не искал. Хотя, а кому она нужна? Пропала, ну и пропала. Пусть ее.

Вот и все, пожалуй. Я уехал из того города. Но если кому-то интересно знать, то я расскажу вот что: дикие животные, когда чуют приближение смерти, когда тоска и грусть охватывают вдруг их, стремятся забраться бог знает куда, только бы подальше. Только бы никто не увидал! И там медленно, печально и тихо околевает в одиночестве никому не нужное, бессловесное существо. Так было, я думаю, и со старой собакой, когда она ушла из дому, где ее уже никто не любил. Винить мне некого, да я и не хочу кого-то обвинять. Нет. Но я запомнил того мальчика и помню его. Держу его лицо и его слова в голове. А зачем он мне, этого и сам толком не знаю. Знаю, что не люблю его и таких, как он, не люблю. Это знаю.

АПРЕЛЬ

Геннадий СНЕГИРЕВ

Рисунки М. Митурича.

Прежде чем читать про этот веселый весенний месяц, загляните на минутку на цветную вклейку. Там нарисовано путешествие апреля по стране, карта апреля.

Апрель. Высоко в небе курлычут журавли. Птичьи стаи летят на север по всему фронту весны. Снега с каждым днем все быстрее отступают.

Из берлоги вылезла медведица с медвежатами, медвежата раскапывают муравейники, по мшистым кочкам ищут прошлогоднюю клюкву. На рассвете токует глухарь, как будто стучат друг о дружку деревянные палочки.

Как только появились полыньи на Ангаре, прилетели туда первые лебеди. Если похолодает, улетят на юг, к границе снегов. На высоких берегах Подкаменной Тунгуски чернеет земля на угорах, цветет мать-и-мачеха. Дикие гуси садятся на эти угоры. Как солнце пригреет, на снегу появляются паучки. Они собираются на черных веточках, листиках: здесь им теплее. Бурундуки проснулись и свистят, гоняются друг за другом, дерутся, скатываются кубарем с лиственниц.

На южных склонах гор, на сухих бугорках, в желтой прошлогодней траве оленихи рожают оленят.

В Туркмении еще в конце марта в пустыне отцвели тюльпаны и гиацинты. Днем жарко. Кобры танцуют, подолгу раскачиваются одна перед другой, раздувают капюшоны, обвивают друг друга, борются.

В таджикских и узбекских кишлаках во всех дворах слышны крики перепелов. Клетки с перепелами накрыты марлей, чтоб они друг друга не видели. Хозяин перепела спрячет его в рукав халата и пойдет в гости, где его перепел будет драться с другими — кто кого победит... А пока клетки с бойцовыми перепелами висят на цветущих миндальных деревьях, идешь по кишлаку, и отовсюду перепела «бьют»: фать-фаль-вать, фать-фаль-вать! Фать-фаль-вать!

В Казахстане верблюды в апреле не даются под вьюки, убегают в степь и танцуют танец весны, один верблюд начнет прыгать, отплясывать, за ним все запляшут, затопают то передними ногами, то задними.

Маки в степи цветут, вся степь красная, даже между рельсами красные маки покачивают головками на ветру. Поезд над ними мчится — они головки пригнут. Поезд промчится — снова распрямятся, повернутся к жаркому солнцу. Когда цветут маки, в степи рождаются голубые верблюжата, они на тонких ножках, с тремя горбиками, как подрастут, — третий горбик исчезнет.

В Астрахани жарко. Цветут маленькие степные тюльпаны в лугах и на островах, в степи и в дельте Волги.

Над камышовыми крепями стаи птиц кричат, поют. На отмелях цапли чепуры. Дерутся турухтаны на лугах. Началось время гнездований. Садятся на гнездо пеликан, цапля. Фламинго лепят из глины гнезда, высокие, как башенки. Сидит фламинго на гнезде, а ноги по обе стороны свешиваются, до земли не достают.

Над Каспием белые паруса. В море вывозят «стойки» под парусом и ставят на якоре на всю путину. На «стойках» будут рыбу потрошить, засаливать. Идет пузанок — мелкая селедка — и черноспинка — крупная селедка.

Вода в дельте поднимается с каждым днем все выше — тают снега в верхнем течении Волги.

Цветет камыш. Камышинки шевелятся — это морской сазан об них трется, идет с икрой вверх по Волге. Идут из моря на Волгу метать икру осетр и вобла.

А далеко на востоке, в южной части Сахалина, с моря в реки несметными стаями идет метать икру корюшка. Апрель на Южном Сахалине — «месяц корюшки».

Мальчишки лезут в воду, ловят корюшку сачками, вялят ее на солнце. Корюшка висит на нитках гирляндами. И в городах и в селах окна и стены домов горят серебром, всюду гирлянды серебряные. Пахнет корюшка свежим огурцом.

Котики уплывают на лежку на остров Тюлений, к заливу Терпения.

А на Северном Сахалине еще снег, холодно, но и здесь уже токует глухарь.

К берегам Камчатки вдоль Курильской гряды спешат с экватора кашалоты. Кашалотихи приплывут позже, в мае. Они любят тепло, а здесь сейчас еще льдины в океане. Кашалоты яростно дерутся, бьют друг друга мордами-кувалдами, кусают огромными зубами; у старых кашалотов морды все в шрамах от прежних боев.

В Заполярье еще зима, на острове Диксон мороз пятьдесят градусов, но солнце с каждым днем светит все дольше. В Великой Сибирской полынье зимуют белухи, киты нарвалы, розовые чайки. Оживились моржи: скоро лед разомкнется, и они поплывут к берегам Чукотки на лежбища.

Артюр Рембо — замечательный поэт Франции. Стихи его удивительны, как и сама его жизнь, полная дерзких мечтаний, приключений и поисков. Все то, что принесло ему мировую известность, он написал уже к девятнадцати годам. А в тридцать семь лет, в 1891 году, поэта не стало.

Эти стихи, казалось бы, такие старые, крепко и вечно сохраняют в себе для нас и звонкую молодость и яркую силу человека, добро и поэзию — все, чем так щедро был одарен природой их автор.

Артюр РЕМБО

Перевод М. Кудинова.

ЗАЧАРОВАННЫЕ

На белом снегу в тумане чернея,
К решетке подвала прижавшись плотнее,
Сбились они в кружок.
Их пять малышей. О, нищая доля!
А пекарь в подвале работой доволен
И печку на славу разжег.
Глаз оторвать невозможно от места,
Где мнут и катают серое тесто,
Где на сытных живут хлебах;
Где, силой своей похваляясь бычьей,
Толстый пекарь песню мурлычет
С улыбкою на губах.
Стайка детей прильнула к подвалу,
Откуда падает отсвет алый
И лица теплом обдает;
А когда золотистый, свежий, хрустящий
Хлеб из светящейся пасти тащат,
И полночь на башне бьет,
Когда подвал наполняется паром,
И дышит в лицо ароматом и жаром,
И сверчки за печкой трещат,
Детвора в лохмотьях полна восхищенья:
Пекарня словно наполнена пеньем,
И чудесен ее аромат.
Мир в этот миг бесконечно прекрасен,
И жизнь хороша, хоть мороз и окрасил
Инеем белым тряпье;
Пять розовых мордочек липнут к решетке,
Где неведомый голос, тихий и кроткий,
Словно молитву поет.
Дети, что в жалкие тряпки одеты,
Тянутся жадно к теплу и свету,
Жадно к подвалу льнут.
От напряженья трещат рубашки,
Рвутся по швам. Дрожат бедняжки
На холодном зимнем ветру.

УСНУВШИЙ В ДОЛИНЕ

Здесь речка поет среди зелени
свежей.
В лохмотья серебряной пыли одет
Прибрежный тростник.
И ласкает и нежит
Долину ликующий солнечный свет.

На душистой траве под струящимся
светом
С головой непокрытой солдат
молодой
Спит.
Солдатское ложе согрето
Солнцем ласковым.
Здесь тишина и покой.
Как он бледен! Он улыбается,
словно
Больное дитя. И природа
безмолвно
В лицо его с тихою грустью глядит.

Не дрожат его ноздри от запахов
пряных;
Он спит, озаряемый солнцем. Две
раны
Алеют в его неподвижной груди.

РАЗГОВОР. В. Захаркин.

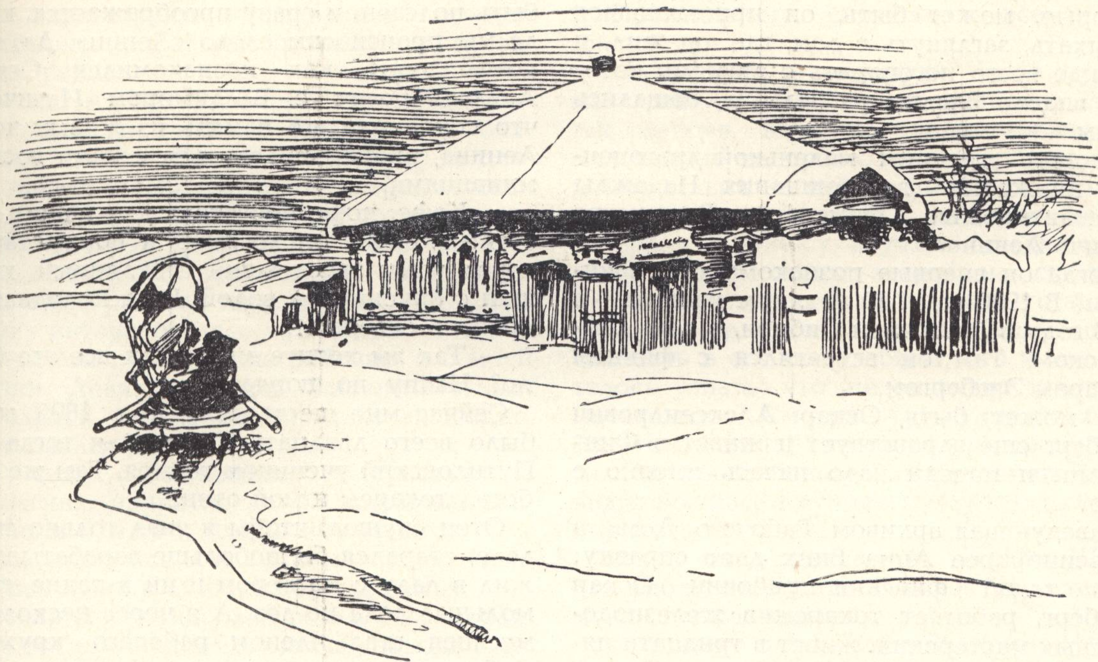
Это карта апреля. Рассмотрите ее внимательно. Вы видите границу снегов. Граница снегов — это граница наступления весны. Впрочем, весна начинается раньше, когда еще лежит снег и в оврагах звенят ручьи. Но настоящая весна — это зеленая травка на бугорках, крики журавлей высоко в синем небе, половодье. В Туркмении сейчас уже жаркое лето, а в Заполярье — метель, мороз. Но скоро и туда прилетят лебединые стаи, и в тундре расцветут полярные маки, заблестят под солнцем голубые озера. Здесь вы видите, как идет весна по нашей стране. А подробнее об этом вы можете прочитать в заметке под названием «Апрель».

Рисунок М. Митурича.

В ШУШЕНСКОЕ.

Е. Трошев.

Рассказ финского рабочего

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рисунки В. Высоцкого.

Тридцать лет! Три десятилетия — как это много! Так мне думалось в 1935 году, когда я впервые встретилась с финским рабочим Оскаром Александровичем Энгбергом и он рассказал мне о событиях многолетней давности.

Но сейчас, когда после этой беседы с Энгбергом прошло тоже тридцать лет, мне кажется, что она происходила совсем недавно, и я понимаю, что и для Оскара Александровича тогда воспоминания о его встречах с Владимиром Ильичем были живы и свежи.

...Маленькая речка Раяйоки отделяла Финляндию от Советского Союза. Поезд медленно двинулся от пограничной станции Белоостров. Последние метры нашей земли... У пограничного столба — советский пограничник. Рослый и красивый, как на плакате. Я помахала ему рукой. Он улыбнулся одними глазами.

Поезд загромыхал по мосту. Половина моста выкрашена в красный цвет — это еще территория Советского Союза, вторая половина — в голубой. Это территория Финляндии. Мелькают красные столбики. Поезд идет медленно вперед, а я иду по коридору вагона в обратную сторону. Там, где я стояла несколько секунд назад, вагон уже пересек государственную границу, а подо мной еще советская земля. Но вот за окном замелькали голубые столбики — это Финляндия.

Невольно вспоминается, что эту границу не раз пересекал Владимир Ильич Ленин — то под видом питерского горожанина, выезжающего на дачу, когда он собирал большевиков в Куоккала и готовил партию к штурму; то под видом путешественника, когда он ездил в Стокгольм, Брюссель и Лондон, чтобы в жестокой борьбе отстаивать на съездах партии само существование партии рабочего класса; то под видом рабочего, у которого болят зубы; то как помощник машиниста...

Райвола, Куоккала, Териоки, Выборг, Гельсингфорс... Здесь жил и работал Ленин, здесь он скрывался от полиции...

И сразу возникает желание побродить по лесным тропинкам, по которым ходил Ленин, обдумывая большие и жгучие вопросы революции, потрогать рукой валуны, уютно устроившиеся в кустарнике, на

которые, может быть, он присаживался отдыхать, заглянуть в дом, где он жил, и прежде всего поговорить с людьми, которые видели Владимира Ильича, общались с ним.

Листаю страницы маленькой драгоценной книжечки — воспоминания Надежды Константиновны Крупской о Владимире Ильиче Ленине.

Когда он впервые познакомился с финнами? В 1906 году? О нет, еще раньше — в 1898 году в Восточной Сибири, в селе Шушенском. Там он встретился с финном Оскаром Энгбергом.

А может быть, Оскар Александрович Энгберг еще здравствует и живет в Финляндии и поиски надо начать именно с него?

Заведующая архивом Рабочего Дома в Гельсингфорсе Анна Виик дает справку: есть такой финский рабочий Оскар Энгберг, работает токарем в железнодорожных мастерских, живет в тридцати пяти километрах от Гельсингфорса. Был в ссылке в Сибири.

Итак, едем к Энгбергу.

Прямое широкое шоссе, словно выутюженный холст, протянулось через лес до самого горизонта. Кое-где в зеленом море, как островки, небольшие поля, великим трудом отвоеванные человеком у леса и древних валунов, и на поле, как шахматные фигуры, расставлены причудливо сложенные снопы пшеницы. На обочинах дороги мелькают деревянные площадки и на них молочные бидоны. Это крестьяне выносят молоко, которое закупает у них кооператив «Эланто». Два раза в день проезжают молочные цистерны, сливают молоко, оставляют на площадках пустые бидоны.

Машина сворачивает с шоссе на лесную прохладную дорогу, поросшую травой. Мы подъезжаем к небольшому красному домику. Белые наличники на дверях и окнах украшают его, как туго накрахмаленные воротнички.

На крыльцо навстречу нам выходит высокий худощавый человек. Седые волосы подстрижены бобриком, тонкий, хрящеватый нос, светло-голубые, словно немного выцветшие глаза смотрят вопросительно и недоверчиво: кто такие?

Оскар Александрович хорошо говорит по-русски, но он осторожен, просит показать советские паспорта, внимательно просматривает их, просит зайти в дом, сдержанно-вежливо спрашивает, чем может быть полезен, и сразу преображается, когда мы произносим слово «Ленин». Да, мы хотим знать, как познакомился Оскар Александрович с Владимиром Ильичем, что сохранила его память из живых черт Ленина, просим поделиться с нами воспоминаниями.

— Кофе, кофе приготовь для наших гостей! — кричит он хозяйке, а пока ставит перед нами запотевший стеклянный кувшин с брусничной водой. Вода холодная и приятно освежает.

— Так вы хотите знать, как все это было? Начну по порядку.

Сейчас мне шестьдесят, а в 1895 году было всего двадцать. Пришел я тогда на Путиловский учеником токаря. Там же работал токарем и мой отец.

Отец внушал, чтобы я знал только свое дело, старался бы побольше зарабатывать, жил в ладу с мастером и ни в какие крамольные дела не лез. А я через несколько месяцев стал членом рабочего кружка. Собирались мы на квартире одного нашего товарища. Один раз к нам приходил проводить беседу молодой человек, называли его Николаем Петровичем. По виду немногим старше нас, а по уму мудрец, и рабочие промеж себя звали его «Стариком». Он рассказывал нам о нас самих, о нашей доле, настоящей и будущей, и так говорил, что мы сами себя уважать стали.

Как-то к вечеру на завод явилась полиция, арестовала нескольких членов нашего кружка, а остальных собрали и пригрозили: будете собираться на тайные сходки, тоже угодите в тюрьму. Узнали мы, что нас выследил и предал полиции мастер. Вот и решили мы его проучить. Опрокинули ему на голову ушат холодной воды на морозе, а я еще и от себя добавил — дал ему несколько тумаков, чтоб запомнил на всю жизнь. Меня в тот же вечер забрали и осудили на три года ссылки в Восточную Сибирь.

Весной по этапу я прибыл в село Шушенское. Первым делом спросил урядника, есть ли здесь политические ссыльные.

— Есть, — говорит, — но не радуйся. Один — поляк, Проминский, другой — русский, Ульянов, а ты, чухна, будешь третьим. Небось, не поладите друг с другом.

Я отправился к русскому. Подхожу, как мне указали, к избе Зырянова, поднялся на крыльцо, а навстречу мне выходит — кто бы вы думали? — выходит питерский Старик.

— Здравствуйте, — говорю, — Николай Петрович, привет вам от наших путиловских ребят.

— Вы из Питера?— просиял Ульянов.— Только я не Николай Петрович, а Владимир Ильич.— Положил мне руку на плечо, провел к себе в комнату и принял меня роднее родного. Всю ночь, а потом много-много вечеров провели мы с ним вместе. Владимир Ильич досконально расспрашивал, и как работал наш кружок, и чем полиция интересовалась при допросах, и как настроены путиловские рабочие, и о моей жизни. Девять месяцев Владимир Ильич находился уже в Шушенском и, видно, стосковался по Питеру.

Я снял себе комнату у крестьянина Шаньгина, напротив дома Зырянова, чтобы быть ближе к Владимиру Ильичу.

Познакомился я и с Проминским. Жили мы все душа в душу, как одна семья.

Оскар Александрович встал, взволнованный воспоминаниями, молча походил по комнате, затем заглянул в кухню и велел хозяйке нести кофе.

Жена Оскара Александровича, моложавая женщина, постелила на стол вышитую скатерть, расставила маленькие белые чашки, принесла кофейник из красной меди, в котором даже носик был закрыт крышечкой, чтобы сохранялся аромат кофе.

Оскар Александрович сам разлил кофе, положил в рот кусочек сахару, отхлебнул из чашки, вздохнул.

— Вот если вы меня спросите, когда я в своей жизни был по-настоящему счастлив, я, не колеблясь, отвечу: в Сибири, в ссылке... На чем я остановился? Да. Владимир Ильич поговорил со мной и увидел, что я еще совсем серый, необразованный.

— Будем заниматься, Оскар Александрович,— сказал он.— Считайте, что с сегодняшнего дня вы студент.

Владимир Ильич достал с нижней полки тоненькую книжечку на немецком языке. Это была «Эрфуртская программа германской социал-демократической партии».

Я приходил к Владимиру Ильичу заниматься через день. Он раскрывал книжку и диктовал мне перевод по-русски, я записывал в тетрадь. Потом он растолковывал мне каждую мысль этой программы.

Владимир Ильич много работал. Деревенский столяр сделал по его чертежу пюпитр, и писал Владимир Ильич стоя, считая, что так лучше для здоровья. Писал он тогда книгу «Развитие капитализма в России» и главу за главой читал вслух — мне и Проминскому, спрашивал, все ли понятно.

Но умел он и отдыхать. Часто ходили мы с ним на охоту. В Минусинских болотах зайцев водилось видимо-невидимо, мальчишки их просто палками били. Владимир Ильич на зайцев не ходил, это, говорил он, просто убой, а не охота. Любил он бродить по лесу, изучать повадки птиц, распознавать следы зверей на снегу, а иногда просто сядет на пенек и уставится куда-то в одну точку, и такая заинтересованность в его глазах была, что и мне хотелось узнать: что же он видит такое замечательное? Смотрю: туман стелется над болотом, солнце сквозь туман пробивается. Ничего особенного. А Владимир Ильич видит больше, и думается ему что-то очень хорошее.

Зимой он решил каток на реке Шуше для ребят соорудить. Каждое утро таскал меня снег расчищать.

— Зачем,— говорю я,— Владимир Ильич, снег-то разгребать, ишь он какой валит, не успеем разгрести, он снова каток засыплет.

— Снег, который мы уберем, назад не вернется,— смеется он,— выпадет новый— мы и его сгребем, вал вокруг катка построим.

Шушенские ребята на этом валу каждый вечер, как грачи, рассаживались, кедровые орешки грызли, Владимира Ильича дожидались.

Владимир Ильич увлекался коньками не меньше ребят. Выбежит на каток и начинает медленно кружить, ребятишки за ним, как молодь в речке, он выходит на большой круг, ускоряет бег, мальчишки изо всех сил рвутся за ним. Но уж обогнать себя он не даст, ни-ни, состязаться так состязаться.

Потом мальчишки разделятся, бывало, на две партии, одни идут на сторону Владимира Ильича, другие — на мою, и начинается перепалка в снежки. Под конец совсем обессиливали от смеха и крика. А Владимир Ильич после всей этой кутерьмы заставляет каток расчищать.

Приучал Владимир Ильич меня читать. Но читать так, как он, часами не отрываясь от книги, я не мог: голова делалась тяжелой, как камень. Писать мне было нечего и некому, других занятий я не находил.

А Владимир Ильич целый день как заводной, все время у него расписано, дня не хватает. Весной он даже грядки принялся вскапывать и мне советовал огород

завести, а я землю не люблю: уж очень к ней человек приспосабливаться должен, капризная она, и хвороба какая-то на меня напала. Хожу, не знаю куда себя девать, а главное, руки мешают. Раньше я даже не замечал, что они у меня есть, а тут вдруг, как гири, по бокам болтаются, не знаешь, куда их пристроить.

Владимир Ильич письма каждый день писал. Писал в Москву, матери, сестрам,

брату, а чаще всего в Питер. Я его письма три раза в неделю в волостную управу носил для отправки и видел, что пишет он в Питер Надежде Константиновне Крупской.

— Невеста ко мне скоро приедет, Оскар Александрович,— сказал однажды Владимир Ильич.

— Надежда Константиновна? — спрашиваю.

— Откуда вы знаете?

— Ну, уж сколько я писем этих переносил в управу, известно, кому так часто пишут.

Владимир Ильич засмеялся.

— Надежда Константиновна привезет лекарство от вашей болезни,— сказал он.

С семьей Проминского мы виделись почти каждый день. У Проминского шестеро детей, и скучать ему было некогда.

— Надо нам с вами белочек пострелять,—предложил мне Владимир Ильич.— Шестеро ребят у Проминского, шесть шубок надо, а скоро и седьмая понадобится.

Пришлось и зайцев пострелять, чтобы к зиме одеть ребятишек.

Все дети Проминского привязались к Владимиру Ильичу, как к родному. Когда он был свободен, вокруг него всегда были ребята, он даже выписывал для них журнал «Ниву» с приложением.

Я считал каждый день своей ссылки. Наступила весна, разлилась Шуша, дороги развезло, даже прогуляться нельзя, и показалась мне эта деревня хуже всякой тюрьмы. Стал я выпивать. Владимир Ильич пришел ко мне однажды и застал меня за бутылкой водки. Ругать не стал, даже слова не сказал, но такими горькими глазами посмотрел на меня, что я сразу протрезвел. С того вечера он стал заниматься со мной каждый день.

По утрам он отправлялся на реку Шушу. То подснежники принесет, то одуванчики, а потом ландыши пошли, и он каждый день менял у себя цветы в глиняных горшочках.

Я понимал, что он ждет невесту и для нее собирает цветы.

Надежда Константиновна с матерью Елизаветой Васильевной приехали в Шушенское в мае. Владимир Ильич был на охоте — почему-то не ждал их в этот день.

Я встретил Надежду Константиновну и ее матушку, помог им узлы в избу перетаскать и ушел к себе. Улегся на полатях и думаю: теперь и у Владимира Ильича своя семья есть, и я ему теперь не нужен... Готов был волком выть от одиночества.

Но вечером Владимир Ильич прислал за мной.

Изба Зырянова была полна людей. Владимир Ильич познакомил всех со своей невестой.

— Вот вам и лекарство от вашей хвори,— сказал он и показал на плетеную корзину.

Я поднял ее. Корзина весила не меньше двух пудов. «Ну и лекарство!»— подумал я. Раскрыл корзину и глазам не поверил: полный набор ювелирных инструментов. Как-то я рассказал Владимиру Ильичу, что в юности работал четыре года учеником золотых дел мастера. Помнится, поделился с ним, что в церкви и у минусинских богатеев можно было бы найти ювелирную работу. Просто подумал вслух да и забыл.

А Владимир Ильич не умел ничего забывать.

— Правда, подходящее лекарство? — спросил он.

Понял, лучше меня понял, что стосковались мои руки по работе.

В ту же ночь я сделал обручальные кольца для Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Не из золота, а из медных пятаков сделаны были те кольца, но работал я над ними по всем правилам ювелирного искусства, как над благородным металлом.

С приездом Надежды Константиновны я стал членом семьи Ульяновых. Каждый вечер приходил к ним и с водкой навсегда покончил. Надежда Константиновна никогда не забывала подать к ужину мою любимую жареную картошку.

— Теперь у вас будет новая учительница,— сказал мне Владимир Ильич и подробно рассказал Надежде Константиновне, чем мы занимались.

Решили изучать «Коммунистический Манифест». Эта книга была тоже на немецком языке. Надежда Константиновна так же, как и Владимир Ильич, диктовала мне перевод по-русски, я записывал в тетрадь. Потом она брала тетрадь и выправляла мои ошибки. Я тогда еще плохо умел оценить, что эти два человека, каждый из которых поставил себя на службу рабочему классу, создали для меня, одного рабочего, настоящий университет, для меня одного целые книги с немецкого на русский переводили.

И за все они чувствовали себя в ответе. Заболеет кто из ребятишек — бегут за помощью к Надежде Константиновне, отбе-

рут у мужика лошаденку за недоимку — идет жаловаться Владимиру Ильичу, задачка какая не ладится у ребят — идут к Ульяновым.

Я так привязался к ним, что, когда пришла пора им уезжать, а мне еще девять месяцев надо было пробыть в Шушенском, ходил сам не свой.

В память о наших занятиях, о нашей дружбе я смастерил медную брошку для Надежды Константиновны. На брошке была изображена раскрытая книга и на ней выгравировано: «Карл Маркс».

Надежда Константиновна приколола брошку к блузке и сказала, что всегда мечтала о такой замечательной брошке и что будет хранить ее всю жизнь.

Уезжали они зимним вечером. Когда бубенчики замолкли, мы с соседским мальчишкой Минькой ходили по пустой избе обездоленные. Только тогда я понял, каких друзей лишился.

Владимир Ильич подарил мне на память свою фотографию.

— И вам не удалось ее сохранить?— посетовали мы.

Оскар Александрович встал.

— Э, нет, с таким даром я никогда в жизни не расстанусь, только храню я эту фотографию далеко!

— Где же?— спросили мы.

— На чердаке. Вы ведь знаете, если наши фашисты-лапуасцы увидели бы ее у меня, мне несдобровать. И не хочу я, чтобы попала она в чьи-то грязные руки.

— Оскар Александрович,— взмолились мы,— покажите нам эту фотографию.

— Хорошо,— согласился Оскар Александрович,— пойдемте вместе посмотрим.

Он плотнее закрыл дверь и повел нас по узенькой лестничке на чердак.

Толстый слой опилок, как перина, покрывал чердачное перекрытие. Под накалившейся на солнце крышей было душно.

— Вот в правом углу, за трубой, где-то здесь,— сказал Оскар Александрович.

Мы стали пересыпать руками горячие, сухие опилки. Моя рука нащупала что-то твердое. Вынимаю сверток, завернутый в полотенце, разворачиваю, подношу к слуховому окну. Книга Владимира Ильича «Развитие капитализма в России». На книге дарственная надпись.

Первое издание книги Владимира Ильича!

— Эту книгу прислал мне Владимир Ильич в Шушенское,— отвечает Оскар Александрович.— А вот фотография.

— Может быть, у вас еще что-нибудь сохранилось?— спрашиваю я, охваченная волнением. Далеко от Москвы, в домике, затерявшемся в финляндских лесах, книга Ленина. Фотография Ленина. Слова, начертанные его рукой!

— Есть еще тетради, о которых я вам говорил, с поправками Надежды Константиновны.

Снова ищем в опилках. Еще один сверток. Это и есть тетради.

Спускаемся вниз.

Оскар Александрович осторожно развернул белую салфетку, почерневшую на сгибах, высвободил маленький кусочек твердого картона, осторожно сдул опилки.

Перед нами пожелтевшая от времени фотография. Владимир Ильич смотрит с нее, энергичный, молодой. На обороте надпись: «Товарищу Оскару Ал-чу в память о совместной жизни 1897—1900 г.г.». Подписи нет, но это рука Владимира Ильича. На карточке витиевато выведена фамилия фотографа: «Н. Месбус. Москва». Значит, фотографировался Владимир Ильич в Москве в 1897 году перед отъездом в ссылку.

— Оскар Александрович, не кажется ли вам, что хранить эту фотографию в Москве безопаснее, чем здесь, на чердаке?

— Нет, нет, с ней я не расстанусь, это самая большая драгоценность в моей жизни,— решительно сказал Оскар Александрович.

— Тогда, может быть, разрешите снять с нее копию?

— Это пожалуйста.

— А как книга и тетради?

Оскар Александрович задумался.

— Книгу и тетради я, пожалуй, могу передать в Москву.

— Вам приходилось встречаться с Владимиром Ильичем после ссылки?

Оскар Александрович помрачнел.

— Да,— сказал он, помедлив,— когда я вернулся из ссылки в 1901 году, мне запретили жить в промышленных центрах, дали, как тогда говорили, минус шестьдесят городов. Я поселился в Выборге, поступил на работу в железнодорожные мастерские. Там я находился под надзором полиции, связаться с товарищами не мог, никого там не знал и постепенно отошел от революционной деятельности.

В 1906 году в Выборг приехал Ленин. Теперь-то мне известно, что там издавалась большевистская газета «Пролетарий»,

но тогда я об этом, конечно, ничего не знал.

Однажды, когда я пришел с работы и сел обедать, в дверь постучали.

— Тебя кто-то спрашивает,— говорит мне жена.

Я вышел на крыльцо. Передо мной был Владимир Ильич.

Я пригласил его за стол. Мы вместе обедали. Он все расспрашивал меня о жизни, что я делаю и что собираюсь делать. У меня уже была семья, жена, ребятишки... Я опустил глаза. Владимир Ильич ничего не сказал, спросил только, не нуждаюсь ли я, не нужна ли мне помощь.

С тех пор я его не видел...

Мы уезжаем от Оскара Александровича, везем с собой драгоценную фотографию, книгу и тетради, хранящие еще в себе запах смолистых опилок.

Через два дня я привожу Оскару Александровичу фотографию. Он внимательно рассматривает копию.

— Лучше настоящей! — восхищается он.— Такой четкий снимок, как тридцать лет назад. Знаете что, я оставлю себе копию, а подлинник уж везите в Москву, пусть хранится в музее.

Оскар Александрович вздохнул.

— Как бы мне хотелось хоть одним глазком взглянуть на Москву, побывать в Кремле, в Мавзолее, поклониться Владимиру Ильичу!

Об этом желании мы сообщили в Москву и через несколько дней вручили Оскару Александровичу приглашение в Советский Союз. Он тотчас поехал. Это было в 1935 году.

Через неделю вернулся помолодевший, сияющий.

— Вы подумайте только,— рассказал он.— Был в Москве, в первый же день побывал в Мавзолее, положил Владимиру Ильичу красные гвоздики, которые взял с собой из Гельсингфорса. От всех финских рабочих положил. А вечером меня пригласила к себе в Кремль Надежда Константиновна. Я ушам своим не поверил. Меня, простого финского рабочего, примечательного, может быть, только тем, что не сумел до конца выполнить заветы Ленина, пригласили в Кремль.

Мы просим рассказать подробнее об этой встрече.

Оскар Александрович, путаясь и часто замолкая, не в силах сдержать волнения, рассказал:

— Привезли меня в Кремль. Вошел я в квартиру, где жил Ленин. Его вдова Надежда Константиновна встретила меня у дверей. В темном сарафане, в вязаной кофточке.

Она прищурила глаза, присмотрелась сквозь очки, а потом улыбнулась, и я узнал прежнюю Надежду Константиновну.

— Постарели вы, Оскар Александрович, сразу и не узнала,— сказала она.

— Да и вы, Надежда Константиновна, моложе не стали,— ведь тридцать пять лет прошло с тех пор, как виделись последний раз.

Надежда Константиновна пригласила меня обедать. Я обедал за тем же столом, за которым обедал Владимир Ильич. Надежда Константиновна пододвигала мне тарелки и угощала точно так же, как когда-то в селе Шушенском, и даже вспомнила, что я люблю крепко поджаренную картошку.

А потом повела к себе в комнату и стала рассказывать, как работает, показала пачку писем, которые получила за день. Очень много писем.

— А не пора ли кончать работать?— спросил я Надежду Константиновну.— Разве Советское правительство не может назначить вам пенсию, чтобы вы отдохнули?

Надежда Константиновна рассмеялась, рассмеялась совсем так, как тогда, в Шушенском,— звонко и весело.

— Да я сразу умерла бы, если б не работала!

— Ну, а сколько же можно работать, до каких пор?— спросил я и поймал себя на том, что сам-то я жду не дождусь, когда мне стукнет шестьдесят пять лет и я смогу оставить свой станок, отправиться на пенсию.

— До самой последней минуты,— сказала она, подумав.

На столе у Надежды Константиновны лежал старый-престарый портфель.

— Можно я вам новый портфель подарю, Надежда Константиновна?—спросил я.— В память о прошлом...

— Спасибо, дорогой Оскар Александрович, но этот портфель мне очень дорог, его носил Владимир Ильич, и мне уж до конца дней моих послужит. Ни к чему мне новый.

Я все старое вспоминал: и как учил Надежду Константиновну на коньках кататься, и как мы песни Первого мая пели, и как она мне диктовала перевод Карла Маркса.

А она, вижу, прошлое плохо помнит, рассказывает, сколько школ построили и сколько еще строить собираются, читает мне письма пионеров, женщин. И я понял: у меня остались одни воспоминания, а Надежда Константиновна живет жизнью народа и вся она вперед устремленная, а у меня, кроме прошлого,— ничего.

Подивился я и домашней обстановке. Ленин — первый человек первого в мире государства — и в такой скромной квартире жил, что мой домик против его квартиры— барские хоромы.

Я подумал: Надежда Константиновна все забыла, что было раньше, и меня помнит только так, по фамилии. Но нет. Она сняла вязаную кофточку — жарко в комнате было,— и я увидел на ее блузке брошку: раскрытая книга и на ней выгравировано моей рукой «Карл Маркс».

Надежда Константиновна уловила мой взгляд и говорит:

— В вашу честь брошку-то нацепила и колечки ваши храню: вот все думаю в Музей Ленина отдать, да жалко как-то расставаться с ними. Дороги они мне.

Нет, ничего не забыла Надежда Константиновна.

Я посмотрел на горку писем. Штук сто лежало их на столе. Каждый день сотни сердец к ней тянутся и отзвук в ее сердце находят. Сколько тысяч людей прошло перед ней, и ни один не обойден ее вниманием. Не забыла она и меня.

— Я снова уважать себя стал,— закончил Оскар Александрович.

Евг. КОНСТАНТИНОВ

ДЕДУШКА

— Дедушка,
а ты пахать умеешь?..
— И косить?..
— И валенки валять?..
— Дедушка,
ты что, других умнее —
Всех коней к тебе ведут ковать?!
— Это ты Сережке сделал ножик
С вилкой и с отверткой на боку?..
— Дедушка,
чего же ты не можешь?
— Я, брат, по работе все могу...

РОДИНА

Где ты, Родина, начинаешься?..
Где кончаешься?..
Подскажи!..
Помню, в зыбке ребенком качался,
И вмещала зыбка всю жизнь.
Значит, зыбка была мне Родиной?!
После — Родиной стала изба,
После — речка, кусты смородины
Да соседских карнизов резьба...
И не знаю, в какую погодину
Стал я Родиной звать Урал:
Вырастала все больше Родина,
И до Родины я дорастал.

О. АЛЕКСЕЕВ

ЛЕСНОЕ ДЕТСТВО

Отгремела последней льдиною
И вошла в берега река.
Вереницею лебединою
Прошнурованы облака.
В чернолесье,
За каждой елкою —
Тишина, словно лес оглох.
Даже слышно, как шишки щелкают
И трава пробивает мох...

* * *

Лесное детство. Берега
Седых озер. В бору — неясыти,
А за озерами луга
Ничем не омраченной ясности.

Зимою — осторожный лед
Весь в трещинах, в отливах радуги,
Коньки, отчаянный полет,
Когда в глазах пестрит от радости.
Я это с болью берегу...
Он жив, мальчишка с цепким зреньем.
Он видит все... Когда я лгу —
Нахмурится, молчит с презреньем.
Он тайно убегает в лес,
Когда я уезжаю в город.
Его слепит озерный плеск,
И запах хвои сладко горек.
Они все те же, берега
Лесных озер. В бору — неясыти.
А за озерами луга
Ничем не омраченной ясности...

Н. КОЛЕСНИКОВА
Рисунки О. Зотова.
Фото И. Гричера.

МОЙ КОЛЛЕГА РЕПОРТЁР...

Аояма Хироси и Миюки Хатта.

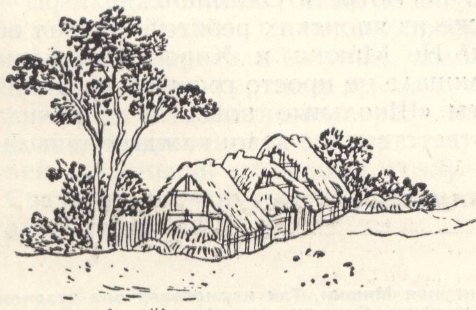

Деревянная матрешка живет теперь на острове Кюсю, а маленький пластмассовый космонавт из универмага «Детский мир» уехал в древний город Киото. Мы, советские журналисты, подарили их на память двум нашим японским коллегам. Наши коллеги — очень славные люди. Вот послушайте их историю.

Самая большая газета Японии называется «Майнити». В переводе это значит «Каждый день». У взрослой «Майнити», которую читает вся страна, есть младшая сестренка — «Ежедневные школьные новости».

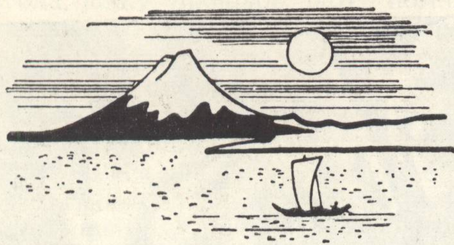
В прошлом году «Майнити» и ее «сестренка» проводили конкурс: кто лучше всех расскажет о своей маме? На конкурс «Моя мама» ребята могли прислать и рассказы и рисунки.

Писем в редакцию пришло очень много. И рисунков тоже. Каких только мам они не изображали! Здесь были мамы индийские, мамы немецкие, югославские, чешские, эфиопские, индонезийские, корейские, голландские. Мамы черные, белые, желтые, коричневые. Разве есть страна, где бы дети не любили своих мам, не гордились ими?

Но лучше всех удался мамин портрет девочке с японского острова Кюсю. Зовут эту девочку Миюки Хатта, ее имя значит «Красивый снег». Живет она в маленькой деревушке, между высоких гор.

Миюки уже четырнадцать лет. Каждый день она бегает в школу. Дорога не близкая. Когда Миюки возвращается после уроков — мимо рисовых полей и бамбуковых рощ,— в их домике уже горит свет. Миюки снимает у порога резиновые сапожки, надевает туфли-шлепанцы, в которых

японцы ходят дома. Мама ставит на низенький столик миску с рисом и соевый соус. Все садятся на циновку, берут деревянные палочки и принимаются за ужин.

Потом Миюки готовит уроки, а мама и старшая сестра идут посмотреть, все ли в порядке по хозяйству.

Самое главное в небогатом хозяйстве тетушки Хатта — это куры. Куры живут во дворе, в железных клетках, поставленных одна на другую в несколько этажей так, что получается куриный «небоскреб». Иначе нельзя: у японских крестьян земли мало, буквально, как говорится, курицу выпустить некуда. У семьи Хатта на участке едва хватает места на несколько грядок с капустой, кукурузой да помидорами.

Но хоть маленькое хозяйство, а работы много. Миюки привыкла видеть маму то на огороде, то у курятника. Она так и нарисовала ее: мама в рабочем платье стоит во дворе, будто на минутку только отошла от клеток со своими кудахчущими питомицами.

Увидев рисунок, мама с сомнением покачала головой: ну кому в Токио понравится портрет такой бедной женщины?

И вдруг однажды утром, когда Миюки была в школе, почтальон соскочил с велосипеда возле их домика и крикнул:

— Хатта-сан, вашей дочке письмо из самой столицы!

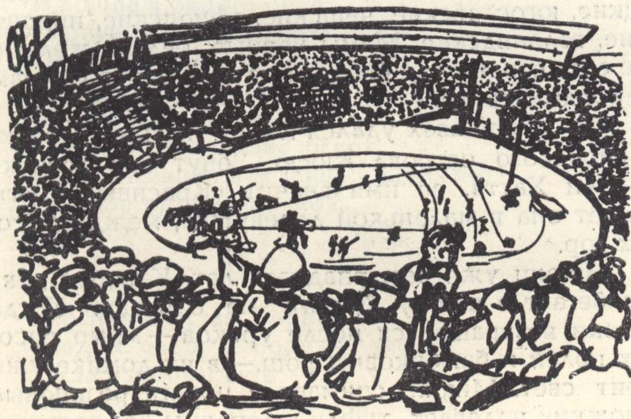
Мама вытерла руки о передник и осторожно взяла письмо в толстом конверте с редакционным штампом. Оказывается, не зря дочка готова до ночи сидеть с кистью и красками. Вот, приглашают их вместе приехать в Токио, потому что Миюки выиграла на конкурсе первый приз — поездку на Олимпийские игры.

Но путь в Токио далекий. Надо пешком добираться до станции, часа три ехать в поезде, потом лететь в самолете на остров Хондо. Как оставишь хозяйство, кур да огород! И Миюки отправилась в путешествие вместе со старшей сестрой.

А двенадцатилетний Хироси Аояма, который выиграл на конкурсе первый приз за лучший рассказ, приехал в Токио с мамой. Семья Аояма живет в городе Киото: мама, папа, Хироси и его старший брат. У мамы много домашней работы. Больше всего хлопот ей доставляет стирка — ведь папа у Хироси врач, и каждый день у него должен быть свежий, белый халат.

Наверное, покупка стиральной машины была очень большим событием в семье Аояма, потому что Хироси посвятил этому свой рассказ.

И вот победители конкурса приехали в Токио. Конечно, Миюки и Хироси очень посчастливилось. Побывать в столице, посмотреть Олимпийские игры — кто же из японских ребят не мечтал об этом? Но Миюки и Хироси были на Олимпиаде не просто гостями. Редакция газеты «Школьные новости» поручила им ответственное дело: каждый день да-

Это рисунок Миюки. Так нарисовала она стадион, где проходили Олимпийские игры.

вать в газету репортажи и рисунки об Олимпиаде, описывая все самое удивительное из того, что увидел за день. Ребятам выдали специальные значки репортеров, специальную форму — белые береты и синие куртки. Ну, теперь за работу!

Свой первый репортаж Хироси посвятил торжеству, которое происходило на стадионе в день открытия Олимпийских игр. Он написал так: «Отсюда мне плохо видно. Приходится все время вскакивать с места, потому что сейчас начнется церемония открытия. На арене появились спортсмены. Я сильно аплодирую.

Из некоторых стран — только один спортсмен, из других много. Все равно я аплодирую им одинаково. А так как я сегодня весь день аплодировал, у меня руки стали красными. Но я не обращаю внимания. Спортсмены здорово маршируют. Наконец после долгого ожидания на стадион вышла команда Японии. У всех очень красиво, одинаково двигались руки и ноги. Хороша японская команда! Но лучше всех, по-моему, шла шведская команда...»

— Долго ли ты пишешь свои репортажи, Хироси? — спросили мы мальчика.

— Долго! Минут десять — двадцать,— ответил наш коллега в коротких штанишках.— Сначала я записываю в блокнот все, что вижу, а потом, когда приду в гостиницу, пишу уже начисто. Конечно, приходится очень стараться, чтобы успеть вовремя. Ведь газета ждать не может!

— По правде говоря,— добавил мальчик,— мне эта работа не нравится. Журналисты слишком много бегают. Они всегда торопятся. Когда стану взрослым, я выберу себе профессию поспокойнее.

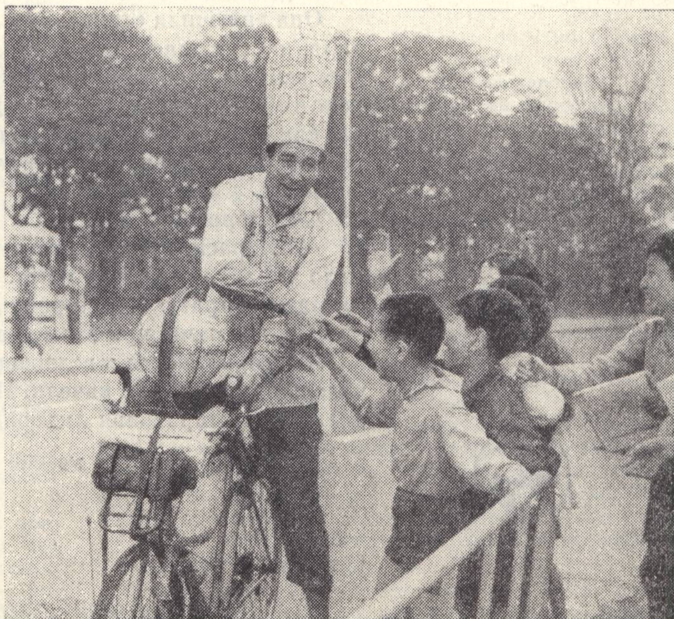

— Мне тоже нравятся спокойные занятия: читать или рисовать,— поддержала его Миюки.— Но зато журналисты видят столько интересного!

И действительно, чего только не увидели ребята за две недели, которые провели в Токио! Каждый день что-нибудь необыкновенное происходило на стадионе. Маленькие репортеры видели, как высокая и сильная советская спортсменка Тамара Пресс метнула диск так далеко, что от удивления и восторга все, кто был на трибунах, вскочили с мест, закричали, зааплодировали.

«Наверное, даже папа в Киото слышит!» — подумал Хироси. Это был первый мировой рекорд, который он видел в жизни.

И каких только гостей не было в те дни в Токио! Однажды Хироси и Миюки встретили на улице велосипедиста. Вся куртка и вся шляпа у него были исписаны автографами, а на раме велосипеда был прикреплен старенький школьный глобус. Сразу видно — путешественник из дальних краев!

Каких только гостей не было в Токио! Вот и велосипедист из Австралии.

И правда. Когда ребята разговорились с новым знакомым, он рассказал им, что приехал в Токио на велосипеде прямо из Австралии. Океан он, разумеется, пересек на пароходе, но едва добрался до суши, как снова оседлал свою видавшую виды машину.

Да, было о чем писать в свою газету репортерам «Школьных новостей»!

МАМА и стиральная машина

Снизу звонкий голос спросил: «Хироси, еще есть что-нибудь постирать?» Ну вот, у мамы опять стиральная лихорадка! Не успел я оглянуться, как моя рубашка уже в стиральной машине.

У нас не было стиральной машины.

— Пока двигаются мои руки, я сама буду стирать,— говорила мама.

От постоянной стирки суставы на маминых пальцах распухли и при движении трещали. Я никогда не видел, чтобы мама хвасталась перед людьми своими руками. Наоборот, она старалась их спрятать. Она очень любит чистоту, моя мама, и почти ежедневно стирает в большом баке то мои рубашки, то шаровары, то пододеяльники. Я помню, что во время переезда этот большой металлический бак перевозили в самую последнюю очередь.

— Хозяюшка, пора бы и выбросить этот хлам! — сказал перевозчик.

— Простите, но я без него как без рук,— застенчиво ответила мама.

В нашем новом доме была сверкающая белизной большая ванна, и старый бак был там совсем уж не к месту, и в конце концов мама сказала:

— До сих пор терпела, но теперь сознаюсь, времена переменились и придется все-таки купить стиральную машину.

И вот однажды прихожу я из школы, а у нас уже стоит сверкающая белизной стиральная машина. А мама, улыбаясь, говорит:

— А ну-ка, Хироси, снимай свою рубашку, да и тренировочный костюм давай...

Она включила стиральную машину. Вода в стиральной машине забурлила, закружилась, потом стала появляться белая пена. А моя рубашка! Она закрутилась там, как длинный червяк. Только я подумал: «Вот здорово-то!» — смотрю, а все вещи уж крутятся в обратную сторону. А пена, как белый крем, поднималась все выше и выше. Теперь стоило только повернуть ручку, и к нам из машины выползло чистое выжатое белье.

— Здорово!

— Хироси, правда, это замечательно, совсем не устаешь, и времени мало уходит,— сказала мама. — Можно одновременно и белье стирать и комнату убирать. Как хорошо, что придумали такую машину!

Лицо у мамы при этом стало необыкновенно радостным.

И сегодня, когда я возвращался из школы, выстиранное белье уже качалось на ветру, как качели. Интересно, до каких пор у мамы будет продолжаться стиральная лихорадка?

Ученик 4-го класса начальной городской школы Киото

Аояма Хироси

От редакции:

Это и есть тот самый рассказ, за который Аояму Хироси послали в Токио.

Коля пишет Оле, Оля пишет Коле

Анатолий АЛЕКСИН

(Продолжение)

Рисунки Б. Винокурова.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Сегодня утром, по дороге в школу, я встретил твою маму, и мы с ней вместе шли до угла. Твоя мама сказала, что Анна Ильинична в конце концов, конечно, получит ордер, но что Еремкины ей сильно потреплют нервы. И я сразу решил: не позволим Еремкиным трепать нервы Анне Ильиничне, от которых после нашей школьной раздевалки и так уже почти ничего не осталось.

И почему это Анна Ильинична должна получить ордер «в конце концов»? Пусть получит его сразу, как только уедет твоя мама. Или даже до ее отъезда...

Когда я высказал все это твоей маме, она со мной полностью согласилась, но сказала, что у нее лично «нет сил сражаться с Еремкиными». У мамы, и правда, был очень утомленный вид.

Сейчас уже вечер. Нелька перестала разучивать свои музыкальные пьесы. И я могу спокойно рассказать тебе обо всем.

Я на первом же уроке написал Белке записку, чтобы она на перемене никуда не убегала, а ждала меня на площадке, возле пожарного крана. Там я шепотом, чтобы никто не услышал, рассказал ей о своем плане, и она, конечно, как всегда, стала кричать, что это потрясающе. Но только не поверила, что я все это придумал сам, потому что никто от меня не мог бы ожидать «такой потрясающей выдумки». Я не стал с ней спорить.

Я сказал, чтобы Белка ровно в семь вечера пришла к подъезду, в котором жила раньше ты и где живем мы с Анной Ильиничной. И еще я сказал, чтобы она обязательно надела на руку красную повязку, как член вашего «Отряда Справедливых», и чтоб для меня тоже такую повязку принесла. Я объяснил Белке, что надену ее только на каких-нибудь пятнадцать минут.

И тут Белка как выпучит на меня зеленые глазищи, как засверкает своими веснушками: «Ты с ума сошел! Ты думаешь, это так просто —нацепить на руку красную повязку? Да это же великая честь — попасть в «Отряд Справедливых»! Тебя никто даже не выдвигал туда. Как у тебя язык повернулся?»

Мне захотелось тут же отказаться от твоего задания, побежать домой и отослать обратно в Заполярье твою посылку; если вы с Белкой, как и Нелька, как и мой отец с Еленой Станиславовной, считаете, что я ни на что серьезное не способен, так зачем же ты первая стала писать такие письма, которые в обыкновенный конверт с трудом залезают? Зачем дала свое «ответственное поручение»? Зачем?

Но потом я нарочно, чтобы сдержаться, вспомнил, как старшая дочка Анны Ильиничны готовит уроки на подоконнике, а двойняшки баюкают своих кукол прямо на застеленной кровати, потому что им больше приткнуться негде. Вспомнил я это и подумал: «Я ведь не для Белки и не для Оли Воронец должен сражаться с Еремкиными, а ради Анны Ильиничны и всей ее семьи!»

Белка возмущалась до самого звонка на урок. А на следующей перемене я ей сказал:

— Ты представь себе на минутку, что я — это не я, а что я — это твоя лучшая подруга Оля Воронец. Ведь она прямо пишет мне, чтобы я довел до победного конца дело, которое она не успела закончить. Значит, я как бы действую от ее имени! А она была не просто членом вашего «Отряда Справедливых», а даже его командиром.

Я хотел успокоить Белку, уговорить ее и никак не ожидал, что от этих моих слов она возмутится еще сильнее:

— Да как ты можешь говорить, чтобы я на минутку вообразила себе, что ты Оля Воронец?! Оля была нашей гордостью! Мы все ее просто обожали. Я даже во сне не смогу себе представить, что ты Оля Воронец!

И снова я подумал: «Зачем же вы опустили в дупло старого дуба листок с этим дурацким заданием?» Я сказал Белке, чтобы она не приносила мне никакой повязки и сама не приходила в семь часов к нашему подъезду.

— Не приду! Не подумаю даже прийти! — гордо ответила Белка.

И пришла в половине седьмого. На целых полчаса раньше срока.

Разве она допустит, чтобы твое задание выполнялось без ее участия?

Она принесла мне аккуратную, отглаженную красную повязку, такую чистенькую, будто ее никто ни одного раза в жизни на руку не надевал.

— Чья это? — спросил я.

— Это повязка Оли Воронец! — торжественно ответила она. И повязала ее мне с таким видом, точно орден выдала.

Потом Белка пригладила свои рыжие волосы и спросила меня:

— Ну, как я выгляжу? Солидно?

— Солидно,— ответил я, потому что она вдруг, и правда, как-то присмирела, притихла: наверно, от волнения.

Все это происходило на улице, возле подъезда. Потом мы вошли в парадное. И я позвонил в твою квартиру. Долго никто не откликался. Тогда Белка сказала:

— Ты ведь один раз нажал, а один звонок — это к Оле... Ее мама, наверно, еще с работы не пришла. А Еремкины на один звонок никогда не выходят. Хоть три часа подряд нажимай на кнопку!

Тогда я позвонил два раза. За дверью сразу зашлепали комнатные туфли, загремели цепочки и засовы.

— Ключей не оставила? — спросил я.

Когда Еремкина спросила: «Кто там?» — я бодро, как на перекличке, гаркнул: «Пионерский Отряд Справедливых»! От испуга она сразу открыла.

Я даже удивился: Белка твоя, на переменках такая смелая, тут вдруг растерялась и стала меня в коридор вперед себя пропускать. Хотя я ее, как девчонку, хотел пропустить первой. И я пошел прямо в темный коридор. Белка поплелась за мной.

— Коля! Коля, выйди, пожалуйста,— позвала Еремкина.

Я вздрогнул... Но оказалось просто, что ее муж — мой, как это говорится, тезка. Оба они казались очень вежливыми людьми. В комнату, правда, не пригласили, но вынесли нам в коридор две табуретки, на которые мы не стали садиться.

— Вы, наверно, пришли за бумажной макулатурой? — ласково спросила Еремкина.

— «Отряд Справедливых» макулатурой не интересуется! — ответил я. И указал на наши повязки.

Еремкин поправил пенсне, подошел поближе, разглядел наши левые рукава и сказал:

— Оч-чень интересно! Читал я про этот ваш отряд в газете, читал. Оч-чень даже передовая инициатива! И чему же мы обязаны?..

— Соседка дома? — спросил я слишком решительно.

— К сожалению, она еще не вернулась с работы,— очень вежливо ответил Еремкин. И жена его тоже очень вежливо развела руки в стороны: дескать, какая жалость!

— Ключей не оставила? — спросил я.

— К сожалению, нет... Но она скоро придет, — сообщил Еремкин.

Жена его опять молча это подтвердила. Потом я убедился, что Еремкина сама вообще почти не разговаривает, а только молча подтверждает то, что говорит ее Коля.

Что твоей мамы не оказалось дома, было для меня полной неожиданностью. Ведь утром я ее предупредил, что мы с Белкой явимся ровно в семь. Наверно, она долечивала своих больных, доводила их до выписки и просто не успела. Я забыл еще сообщить тебе, что утром, пока мы шли до угла, я изложил твоей маме весь свой план. И она, хоть у нее и нет сил сражаться с Еремкиными, обещала нам помочь.

— Вы что же, состоите, значит, в «Отряде Справедливых»? — спросил Еремкин.— За правду боретесь?

— Боремся! И состоим!.. — ответил я.

И посмотрел на Белку: я думал, что она поморщится... Но она, наподобие Еремкиной, согласно закивала головой: совсем растерялась. И я подумал: «Да, ходить на боевые задания — это не то, что орать в коридоре на своих одноклассников и без толку размахивать руками!» И еще мне показалось, что Еремкины не такие уж плохие люди и что ты, может быть, зря на них накинулась. Может, они просто чего-нибудь недопоняли?

Еремкин, например, сказал, что мы должны сражаться со всеми носителями пережитков и что он, если бы не язва желудка, сам, не задумываясь, вступил бы в наш отряд! И пижама у него была такая уютная, добродушная, вся в каких-то цветочках. А у жены был очень уютный халат, тоже

в цветочках, из того же материала. Я очень внимательно их разглядывал, потому что где-то, помню, читал, что своих врагов надо пристально изучать и знать даже лучше, чем друзей.

Тут в дверях заворочался ключ, и Еремкин радостно сообщил:

— Ну, вот и наша соседка пожаловала!

На пороге появилась твоя мама. Я подмигнул ей, чтобы она как-нибудь из-за своей усталости не забыла нашего уговора. Но она не забыла и очень правдоподобно удивилась прямо в дверях:

— Вы ко мне?

— Гражданка Воронец? — спросил я.

— Что случилось? — вскрикнула твоя мама. И я даже подумал, что она, может быть, от усталости в самом деле забыла о нашем утреннем разговоре: очень уж здорово она испугалась.

— Вы уезжаете? — продолжал я свой допрос.

— Да, через три дня...

— Очень хорошо.

— Да, это о-очень хорошо...— промямлила мне вдогонку Белка, которая как-то совсем оробела.

— Почему это так уж особенно хорошо, что я уезжаю? — удивилась мама.

— Потому что в ваших двух комнатах мы собираемся устроить детскую комнату.

— Как это, простите? В двух комнатах устроить... одну? — вмешался в разговор мой тезка в пижаме.

— Да, детскую комнату нашего «Отряда Справедливых»,— пояснил я.— Потому что мы как раз должны шефствовать над разными малыми детишками, которые днем без присмотра бывают. Должны помогать им! Воспитывать!

Еремкины сами, как по команде, присели на табуретки, которые принесли для нас с Белкой. Но разговаривать продолжали очень спокойно и вежливо.

— Я понимаю, что в нашем городе еще мало детских садов и других внешкольных учреждений,— сказал Еремкин.— За детьми нужен неусыпный надзор! Детские комнаты — это чудесный очаг воспитания. Но в общей коммунальной квартире...

— Это ненадолго,— успокоил я.— Пока не построят специальное помещение. Всего на год — на полтора...

Еремкины поднялись с табуреток.

— Не волнуйтесь,— продолжал я.— в эти две комнаты ведь есть вход с балкона, прямо с улицы. А двери в коридор мы запрем, чтобы дети вам не мешали.

Еремкины снова сели.

— Они-то нам не помешают,— сказал Еремкин.— Но мы им можем помешать. Ну, если им, например, нужно будет помыть руки или сделать еще что-нибудь... посерьезнее. Они же должны будут обратиться к нашим местам общего пользования, а эти места могут быть заняты: то жена стирает, то я бреюсь. Дети же — народ нетерпеливый...

— Да-а...— согласился я.— Трудности будут. Но другого выхода, к сожалению, нет.

— К тому же детям в этих комнатах будет очень тесно,— сказал Еремкин.

— Ну, когда детей соберется много, я думаю, вы разрешите ненадолго выпустить их в коридор... Не всех сразу, конечно, а так по пять-шесть человек.

— По скольку?

— Ну, человека по три-четыре,— сбавил я на ходу.— Вы же не будете возражать, чтобы дети немного побегали? Или покатались на велосипеде?

— Я, конечно, не буду...

— А я буду! — сорвалась вдруг Еремкина. Она уже больше не хотела поддакивать своему мужу.— Где это видано, чтобы в коммунальной квартире...

— Нигде не видано,— перебил я ее.— Но у нас новый город, и пока не построят специальных помещений...

Еремкин усадил свою жену обратно на табурет и спокойно произнес:

— Мы все должны считаться с юношеским, я бы даже сказал, с детским возрастом нашего города. Но именно заботясь о детях, этих ровесниках нашего города, я не смогу допустить... Впрочем, ведь не вы же решаете все это окончательно. Есть, должно быть, и взрослые люди?

— Есть,— ответил я.— Есть взрослые люди. Мы можем проводить вас к начальнику штаба дружины.

— Идемте! — решительно сказал Еремкин. И прямо в пижаме шагнул к парадной двери.

Но я остановил его, потому что еще не успел предупредить обо всем нашего Феликса!

— Нет, лучше пойдем с вами в другой раз. А сейчас мы осмотрим освобождающуюся жилплощадь...

— Пожалуйста, товарищи! — гостеприимно воскликнула твоя мама, так, будто видела нас с Белкой впервые в жизни. И распахнула перед нами дверь...

Когда мы вышли на улицу, я снял с рукава твою красную повязку и сказал Белке:

— Возьми. Больше она не пригодится.

— Нет, Колечка, ты можешь ее пока оставить у себя,— тихим, словно бы не своим голосом ответила Белка.— Пожалуйста... Оставь ее.

Но я отдал ей повязку: ведь я же не состою в вашем «Отряде Справедливых»!

И о том, что будет дальше, я тебе тоже подробно сообщу.

Коля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Ты что-то перепутала: написала мой адрес, а в конверт вложила чужое письмо. Но я это не сразу заметил: сперва прочитал, а потом уж понял, что оно не мне. Я бы не стал читать чужое письмо, но так уж получилось.

В нем ты пишешь Феликсу, что накануне отъезда вы о чем-то поспорили и что я должен помочь тебе выиграть этот спор. Но как же я могу помочь, если не знаю, о чем вы там поспорили.

А в конце ты упоминаешь о каком-то Тимофее, с которым «все сложно». Ты пишешь, что очень любишь его... Я долго думал, кто такой Тимофей. У нас в школе я не знаю ни одного мальчишки с таким именем.

Оно очень простое, но почему-то редко встречается.

Я в чужие секреты лезть не хочу. Но просто интересно: о чем вы поспорили? И кто такой Тимофей, с которым «все сложно» и которого ты очень любишь?

Письмо я отдал Феликсу.

Он сказал, чтобы мы с Еремкиным завтра пришли к нему в штаб дружинников. Вот будет история!

А кто такой Тимофей?

Коля.

Оля пишет Коле

С нетерпением жду, Коля, твоего следующего письма. Все время мне кажется, что в почтовый ящик что-то опускают, — и я выскакиваю на лестницу. Как дальше с Еремкиными? Вернее сказать, с Анной Ильиничной? Это ведь самое важное.

Прости, что послала тебе чужое письмо. К твоему адресу я уже привыкла, а Феликсу пишу первый раз.

О чем мы поспорили с Феликсом, пока рассказать не могу. И о Тимофее тоже.

Не обижайся, Коля. Со временем все узнаешь.

Оля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Сегодня, когда мы четверо — Еремкины и я с Белкой — пришли в городской штаб дружинников, наш Феликс был уже там. Мы вошли, а он с очень важным и деловым видом продолжал писать. Только мельком взглянул на нас и сказал: «Подождите минутку, я очень занят...» Я прекрасно понимал, что Феликс мог бы и сразу начать разговор, но нужно было, как он сказал мне потом в школе, произвести на Еремкиных психическую атаку.

На стенах висели плакаты «Хулиган — наш общий враг. Борись с ним!» и «Не пустим в наш новый город старые пережитки!». Эти призывы тоже произвели на Еремкиных очень большое впечатление. И когда Феликс коротко, не отрываясь от бумаги, предложил им: «Садитесь, пожалуйста!» — они еле слышно ответили: «Нет, ничего... Мы постоим!»

А потом еще зазвонил телефон, и Феликс стал говорить в трубку: «Задержанных доставляйте прямо в штаб! Пора навести порядок!» И хоть Еремкиных никто в штаб не доставлял, но им, наверно, стало казаться, что и они тоже не сами пришли к Феликсу, а что их к нему «доставили».

Беседа еще даже не началась, но они оба, как мне показалось, под напором нашей психической атаки начали уже полегоньку отступать. Лица у них были покорные, робкие...

Наш Феликс был в этот раз очень не похож на себя... Ведь всегда он бывает таким внимательным, вежливым, а тут положил трубку и, даже не глядя на Еремкиных, спросил:

— Вы по какому вопросу?

— По сугубо общественному,— ответил Еремкин.

— А точнее?

— Хотим вовремя подать вам сигнал!

— О чем?

— О том, что для детской комнаты, над которой шефствует этот самый... «Отряд правдивых»...

— «Справедливых»! — поправил его Феликс.

— Да, да... вот именно... Мы хотели сказать, что для этой самой комнаты наша квартира никак не подойдет. Просто детей жалко. Все-таки они наше будущее...

— Почему их должно быть жалко? — удивленно спросил Феликс.— Я думаю, что «Отряд Справедливых» вносит разумное предложение. Городские организации вполне могут его поддержать!

— Видите ли, я уже объяснял...— снова начал Еремкин.— Я уже объяснял, что детям там будет очень неудобно: входить прямо с улицы, через балкон...

— Ну, что вы! — успокоил его Феликс.— Дети так любят все необычное. Они так любят перелезать через заборы, через перила, через балконы... Мы, воспитатели, это прекрасно знаем.

— А места общего пользования? — все тише и тише возражал Еремкин. — Как быть с ними? Ведь они не приспособлены...

— Дети будут ходить по очереди, по одному. Мы за этим проследим.

— Я понимаю всю важность непрестанного контроля над детьми, остающимися без надзора! — произнес Еремкин.

— Вот видите, как хорошо! — согласился наш Феликс.— Кажется, мы приходим к общему соглашению.

— И я понимаю, что мы, жители нового города, должны учитывать все сложности первого периода...

Я вспомнил твои, Оля, слова о том, что Еремкин очень любит произносить всякие правильные фразы. Он очень хочет, чтобы все кругом считали его сознательным и передовым.

— Но я еще не высказал своего главного аргумента против детской комнаты, воспитательное значение которой мне абсолютно ясно...

— Какой же это аргумент? — заинтересовался Феликс. У него, как и у твоей мамы вчера, было очень серьезное лицо.

— Видите ли,— вполголоса, будто собираясь сообщить какую-то тайну, начал Еремкин,— никому из вас, к сожалению, не известно, что эти две комнаты предназначались для одной семьи из нашего дома, которая живет в очень тяжелых условиях. Там трое детей.

— Да-а...— задумался Феликс.— Этого мы не знали. Но в то же время там трое детей, а тут будут обеспечены постоянным вниманием десятки!

— Сколько... вы сказали? — тихо спросила Еремкина, впервые за всю беседу подавая свой голос.

Но муж ее уже собрался с силами и не пошел, а прямо-таки кинулся в бой за справедливость:

— Там, на пятом этаже, мучается в ужасающих условиях семья честных тружеников. Мать работает в школе, где учатся дети строителей. Она, таким образом, имеет самое непосредственное отношение к нашему дому, воздвигнутому специально для строителей и их семей. Две маленькие девочки... между прочим, двойняшки, мешают получить заочное образование отцу, потому что ему негде заниматься. А старшая дочь заканчивает школу —она вот-вот должна выйти на широкую дорогу самостоятельной жизни... И в этот ответственный момент мы, общественность, должны прийти ей на помощь!

Еремкин, мне казалось, никогда не остановится. Но Феликс поднялся из-за стола во весь свой рост, и Еремкины сразу устремили глаза вверх, чтобы разглядеть, что он решил.

— Вот это кажется мне убедительным,— сказал Феликс.— Мы еще посовещаемся с городскими организациями, но зерно истины в ваших словах есть...

Каждый раз при словах «городские организации» Еремкины переглядывались.

— Городские организации,— сказал Еремкин,— не могут не посочувствовать положению этой семьи.

Белка за всю эту беседу не произнесла ни звука. А когда прощалась со мной на углу, вдруг пришла в себя и воскликнула:

— Потрясающе! Потрясающе все получилось. Это, конечно, Оля все придумала, я понимаю.

Я не стал рассказывать Белке, что еще сегодня утром, до уроков, обо всем договорился с Феликсом и что мы с ним составили план совместных действий. Сперва, правда, Феликс сомневался... Он говорил, что сам пойдет в жилищно-коммунальный отдел и все урегулирует, что Анне Ильиничне тут же, «без звука», как он сказал, выдадут ордер.

Но я убедил его, что будет гораздо лучше, если мы, ребята, сами победим Еремкиных, даже, может быть, чуть-чуть их перевоспитаем — и этим отблагодарим Анну Ильиничну за ее заботы обо всех нас.

Коля.

Да, между прочим, я разыскал у нас в школе одного Тимофея. Он учится в седьмом классе... такой долговязый, на Рудика Горлова похож, потому что тоже сидел в разных классах по два года. Неужели ты его «очень любишь»? Нет, это, наверно, не тот Тимофей. Я просто так его разыскал, ради интереса.

С очень важным и деловым видом он продолжал писать.

— Да ведь не уехали еще оттуда... Неудобно как-то получается: мама Олина еще там, а мы ей на голову со своими узлами!

— Ничего, ничего,— успокаивал вспотевший Еремкин.— Тут зевать нельзя. Надо занимать заранее! Я со своей соседкой уже договорился...

Увидев меня, Еремкин очень обрадовался и доложил, точно я был для него высоким начальством:

— Можете сообщить своему «Отряду Справедливых»: общественность дома помогает переселяться!

Мне даже стало немного жалко Еремкина: уж очень он был мокрый и отдышаться никак не мог.

— Подождите здесь! — скомандовал я.

И он, хоть не знал еще, в чем дело, сразу подчинился.

Я побежал во двор собирать ребят на помощь. Ребята играли в волейбол; и я попросил судью свистком прекратить игру. Сперва все стали кричать: «Что там такое? Не мог, что ли, подождать? Самый решающий момент!» Когда же я объяснил, что гардеробщица Анна Ильинична переселяется, обе команды прямо в трусах и майках ринулись в подъезд.

К этому времени на площадке нашего этажа уже стояли и муж Анны Ильиничны с огромным сундуком и дочка-десятиклассница с двумя корзинками.

Наша Нелька испуганно выглядывала из-за двери. Я для смеха позвал ее тоже, но она, ничего не говоря, показала на свои пальцы: пианисты должны очень беречь пальцы и поэтому не должны делать ими ничего такого, что делают все нормальные люди.

Когда мы перетащили все вещи на первый этаж, Еремкин сказал твоей маме:

— Вот видите, у вас было пусто, все вещи в Заполярье уехали, а теперь, последние два дня до отъезда, вы как человек поживете: с мебелью.

Мама не возражала. И сразу так получилось, что это лично он, Еремкин, и Анне Ильиничне помог и маме твоей доставил удовольствие.

Никто из ребят, кроме меня с Белкой, не знал, конечно, почему Еремкин так переменился, и про всю историю с детской комнатой никто ничего не знал, и поэтому ребята говорили между собой: «Мы-то думали, что Еремкин совсем не такой, а он-то, оказывается, во-он какой!..» Еремкин улыбался во весь рот: ему нравилось казаться очень хорошим человеком. И я даже про себя подумал, что он посмотрит-посмотрит, как это приятно, и, может быть, станет таким на самом деле. Вдруг, а?.. Все может случиться!

А сегодня утром все мы, входя в школьную раздевалку, один за другим повторяли. «Поздравляем вас, Анна Ильинична, с новосельем!..» И Лева Звонцов даже к концу уроков выпустил «боевой листок» с огромным заголовком «Анна Ильинична переехала!».

Вот и все. Задание твое я выполнил.

Коля.

Оле пишет не Коля

Дорогая Оля!

Наш старый дуб будет очень доволен: переписка с Колей тебя так увлекла, что ты адресуешь ему даже письма, предназначенные мне. Но поможет ли он тебе выиграть наше пари, в этом я не уверен.

А как быть с Тимофеем? Может, сказать ему правду? Она ведь всегда лучше... Или еще подождать?

Твой Феликс.

Оля пишет не Коле

Дорогой Феликс!

А я все-таки выиграю пари! И Коля мне в этом поможет. Уверена, как никогда: поможет!

Тимофею пока ничего рассказывать не надо. Я согласна: правда всегда лучше. Но говорить ее тоже, я думаю, нужно вовремя... А сейчас еще рано. Я, конечно, не могу распоряжаться. Но попросить тебя могу: не торопись, Феликс. Я что-нибудь придумаю.

Девиз, о котором ты говорил перед отъездом, я придумала. Я вышила его золотыми нитками на красной материи. А дальше все будет так, как мы договорились...

Обо мне ты все знаешь от Коли. Привет ребятам!

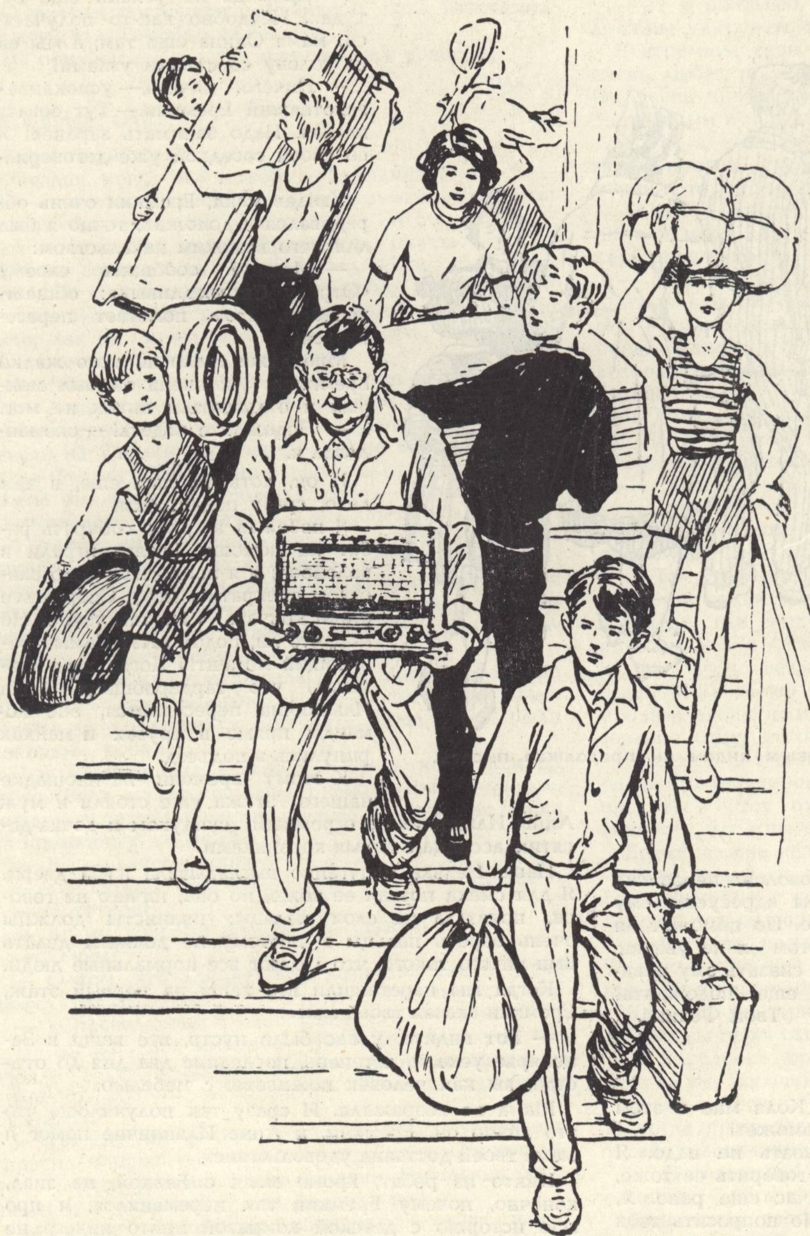
Оля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Сейчас ты очень удивишься. И даже, может быть, не поверишь мне.

Вчера вечером я услышал сильный шум и звон на лестнице. Я выбежал и увидел такое, что сам еле-еле поверил: Еремкин тащил откуда-то сверху узел и таз, а сзади шла Анна Ильинична, тоже с узлами, очень смущенная, и приговаривала:

Все ринулись перетаскивать вещи.

Оля пишет Коле

Дорогой Коля! Спасибо тебе за Анну Ильиничну. Большое спасибо!

Помнишь, Коля, у старого заветного дуба, когда Феликс давал нам задание переписываться, кто-то из ребят крикнул про тебя: «Да он же молчаливый, как сыч!» А Феликс ответил: «Вот, может, в письмах и разговорится!» Я вспомнила эти его слова, потому что они сбылись. Если бы не письма, я бы тебя так никогда и не узнала, всегда бы думала, что ты мрачный, злой, только с птицами умеешь быть ласковым. А ты, Колька, оказывается, очень веселый и остроумный... И выдумщик ты, оказывается. Изобретатель! Никто бы у нас в классе, я уверена, не смог так ловко выиграть сражение с Еремкиными. Да, если бы не это испытание и не письма, я бы тебя никогда как следует не разглядела.

И, вспоминая сейчас о людях, к которым я когда-нибудь в жизни плохо относилась, я думаю: «А может быть, они были не такими уж плохими? Может, я просто не разглядела их как следует, не разобралась? Может быть, нужно было поговорить с ними как-нибудь поособенному, получше узнать их жизнь или написать им письмо?..»

Я так и о Вовке Артамонове подумала, которого здесь все просто по фамилии называют: Артамонов! Он хвалится, что его ребята очень боятся. И, правда, боятся, потому что он выше всех в классе и всех сильнее. Меня он с первого дня стал называть Вороной. Его и уважают тоже: за то, что хороший спортсмен и всю футбольную команду нашей школы № 3 на матчах вывозит. Лучший вратарь! Но не любит его никто... Вот я и решила с Артамоновым по душам побеседовать.

— Неужели,— стала я убеждать его,— это очень приятно, когда все тебя боятся? Разве не приятнее было бы, если б тебя все любили?

А он мне в ответ:

— Если захочу, то и полюбят!

— Это как же так? По приказу, что ли?

— Прикажу — и полюбят!

— Как же,—спрашиваю,— ты прикажешь? «Любите меня все до одного, а то хуже будет!»— так, да?

— А ты думала? Так и прикажу!

Через полмесяца какой-то ответственный футбольный матч будет на кубок «Совета старых капитанов» (этот совет шефствует над нашей школой), и вот Артамонов сказал мне вчера:

— Хочешь, я тебя со своей парты в два счета выселю?

— Это как же так? — спрашиваю.

— А очень просто! Скажу всем ребятам, что у меня от сидения с тобой рядом нервы портятся, что ты мне мешаешь к матчу готовиться. Что я из-за тебя буду не «в форме». Вот и все! Тебе еще бойкот всей школой объявят, если останешься. Уходи лучше сама. А то хуже будет!

Так что не на всех, Колька, беседы и письма действуют...

А посылку, Коля, пока вскрывать нельзя. Ты, конечно, очень хорошо выполнил мое задание. Даже слишком хорошо. И потому я хочу снова обратить-

ся к тебе. Нет, уже не с заданием, а с одной просьбой. Очень большой... Я раньше даже и представить себе не могла, что когда-нибудь попрошу тебя об этом. Но теперь думаю, что лучше тебя, наверно, ее никто выполнить не сумеет. Только я еще немного должна подумать...

А посылку пока не вскрывай. В ней самой ведь нет ничего особенного, она только должна указать тебе дорогу к большому сюрпризу. Если же ты поторопишься и откроешь ее раньше времени, она ничего тебе не укажет. Не понимаешь, да? Все поймешь, когда выполнишь еще и мою просьбу...

Тогда уж ты наверняка заслужишь то, что тебя ожидает! И спор мы с тобой выиграем тоже наверняка. Подожди еще немного.

Оля.

Коля пишет Оле

Ничего я не понял. Как это посылка может указать путь? И как мы с тобой можем вместе выиграть спор, если я ни с кем не спорил?

Скорей напиши про эту свою просьбу. А то я просто больше терпеть не могу!

Коля.

Оля пишет Коле

Дорогой Коля!

В этом письме я подробно напишу тебе о своей просьбе... Но сначала расскажу о другом — о рукавичной мастерской, которую я сама организовала. Это как-то неожиданно произошло... Пришел к нам в класс старший вожатый, бравый такой паренек, и спрашивает:

— А ты, новенькая, что умеешь?..

Ответить нужно было, потому что на меня все уставились, и Артамонов уже стал потихоньку ухмыляться. Тогда я взяла и выпалила:

— Вязать умею!..

Артамонов только этого и ждал.

— Свяжи платок моей бабушке! — насмешливо пробурчал он.

И многие его подпевалы загоготали. Тогда старший вожатый сказал:

— Зачем платок бабушке? Может, лучше рукавицы рыбакам?

Он не случайно о рыбаках вспомнил: вся школа шефствует над рыбным портом. Мальчишки даже помогают бочки сколачивать, работают на консервном заводе, а драмкружок выступает с концертами в портовом клубе.

А мы вот теперь будем вязать рукавицы для моряков. Море здесь, Коля, очень холодное... Ну, а для рыбаков будем шить непромокаемые брезентовые рукавицы. Только не простые, а немного утепленные. Девчонки так и рвутся в мою мастерскую.

Ты, Коля, знаешь наш уральский мороз — сухой, обжигающий. А тут еще холоднее... И воздух влажный, тяжелый какой-то от сырости. Так что наши рукавицы, я думаю, пригодятся!

Оля.

Коля пишет не Оле

Школа № 3. Шестой класс «В», Владимиру Артамонову (лично).

Берегись, Артамонов! Наш всевидящий и всеслышащий «Отряд Справедливых» зорко следит за каждым твоим шагом. Хоть находимся мы на Урале, но и в вашем городе у нас всюду расставлены «Посты Справедливости». Знай это и трепещи мелкой дрожью!

Нам известен каждый твой шаг. Хочешь проверить? Пожалуйста! Ты самый длинный в классе. Самое любимое твое выражение: «А то хуже будет!» Ты считаешься лучшим вратарем в школе, потому что остальные вратари еще хуже тебя.

Но знай, Артамонов, что если ты еще хоть один раз назовешь свою соседку по парте Олю Воронец Вороной, мы дадим такой удар по твоим «воротам», что это уж будет верный гол!

Знай, Артамонов, что мы все стоим за спиною у Оли Воронец, которая была нашим командиром. Мы все ее друзья и защитники! А за твоей спиной никто не стоит: тебя просто все боятся...

С этого самого дня, с этого самого часа, с этой самой минуты ты, Артамонов, должен умолять Олю Воронец, чтобы она никогда не покидала твоей парты. И чтобы никогда не пересаживалась ближе к доске, где, как нам стало известно, тоже есть одно свободное место.

Никто и никогда, Артамонов, не должен знать об этом тайном письме. Разорви его немедленно. Или лучше сожги! Но сначала выучи наизусть! А если узнает о нем Оля Воронец, мы будем мстить тебе вечно!

Берегись, Артамонов! Мы следим за тобой!

Главный Штаб Наблюдения всевидящего и всеслышащего «Отряда Справедливых».

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Ты в последнем письме сперва пообещала рассказать о своей просьбе. А потом забыла.

Коля.

Оля пишет Коле

Дорогой Коля!

Я ничего не забыла. Я просто решила еще немного подумать...

Не торопи меня. Ладно?

Оля.

Коля пишет Оле

Я тебя, Оля, вовсе не тороплю. Просто мне жалко, что ты не пишешь о своей просьбе. Я бы прямо тут же стал ее выполнять! Я уже привык, что ты меня все время испытываешь, и даже скучно как-то без этих испытаний.

И твоей Белке тоже не терпится. Вчера она подошла ко мне на перемене и спрашивает: «Неужели Оля не поручала тебе еще кого-нибудь переселить в новую квартиру?» «Нет, не поручала...» — ответил я. «Давай тогда сами кого-нибудь переселим! Это потрясающе интересно!..»

Неужели Артамонов и сейчас продолжает выживать тебя со своей парты? И издеваться над твоей рукавичной мастерской? Напиши об этом. И попроси меня наконец выполнить твою просьбу... Очень прошу тебя.

Коля.

Оля пишет Коле

Дорогой Коля!

Это испытание будет труднее первого... А может быть, и легче. Но по крайней мере оно будет тайное! О нем не напишешь в стенгазете или в «боевом листке»...

Я расскажу тебе, Коля, о человеке, который там, на Урале, скучает обо мне сильнее всех. Другие, наверно, скоро меня забудут, а Тимофей не забудет... Он учится и живет далеко от нашей школы, на другом краю города.

Впрочем, Тимофея можно вполне называть Тимошкой, потому что ему нету пока еще и девяти лет. Как раз скоро исполнится — 29 декабря... Но лучше все-таки говори ему: Тимофей. Я первая стала так называть его, и ему это очень нравится.

Года два с половиной назад я заметила, что Тимошка все время толчется в штабе дружинников, возле своего старшего брата, которого ты очень хорошо знаешь,— возле нашего Феликса... Феликс объяснил мне, что отец и мать их работают на руднике, в семидесяти километрах от города, домой приезжают только по воскресеньям, и маленького Тимошку не с кем оставлять.

Тогда-то мы с Тимошкой и подружились. Не сразу, конечно... Он долго меня не признавал и говорил брату: «Чего она пристает?» Я хорошо помню его стриженый, ершистый затылок, которым он всегда поворачивался ко мне. А потом уж я разглядела и его лицо: хмурое, насупленное, кажется, наполовину занятое очками. Он стесняется этих очков и, может быть, поэтому такой хмурый...

Я научила Тимошку читать. Помню, приносила ему самые интересные книжки, такие, чтобы он никак не мог от них оторваться и один удрать на улицу. Тимошка перестал торчать в штабе: книги прямо-таки приковали его к дому.

Потом Тимошка заболел. Это была не случайная болезнь... Когда много лет назад в Крыму Феликс наткнулся на мину, неподалеку от него стоял годовалый Тимошка. Его отбросило в сторону взрывной волной, оглушило. А через пять лет после этого начались очень сильные головные боли.

Когда первый раз ему стало плохо, родители его были в отъезде. А Феликс как раз готовился к экзаменам в институте. Трудно было... Но я целыми днями сидела возле Тимошки, а мама моя его лечила. И в больницу мы его не отдали, сами выходили. Мама сказала, что Тимошке надо побольше гулять, дышать свежим воздухом. И мы с ним стали гулять. Я выдумывала разные истории, чтобы ему не было скучно: то мы с ним отправлялись в путешествие, то искали что-то. Он очень любит разные поиски и неожиданные находки. Но головные боли все равно возвращались. Они и сейчас еще мучают его. И я тут часто думаю об этом, потому что очень люблю Тимофея.

Сперва я просто хотела помочь Феликсу, который один никак не мог с ним справиться, хотя Тимошка уважает старшего брата и даже гордится им.

Но главное, Феликс мало видит Тимошку. Только рано утром да поздно вечером. Он ведь все время занят: то в школе у нас, то в штабе дружинников, то в библиотеке...

Вот Тимошка и привязался ко мне. А я к нему. И так сильно мы с ним сдружились, что я даже не смогла сказать ему правду, когда уезжала из вашего города. Не смогла сказать, что уезжаю навсегда, просто не смогла. И пообещала, что скоро вернусь... Даже адреса не оставила: родители, мол, будут ездить с геологической партией где-то недалеко, по Уралу, и я с ними. А потом, сказала, вернусь обратно...

И Тимошка ждет, что я снова приду к нему, как бывало раньше. Каждый день ждет...

Но вместо меня, Коля, должен прийти ты. И как-то занять мое место в Тимошкиной жизни. Понял? Тогда уж можно будет сказать, что я, наверно, никогда не приду больше в двухэтажный домик под номером семь на Зеленой улице. Там, в третьей квартире, ты должен подружиться с Тимошкой. Но сперва приди туда тайно от всех и даже от Феликса: может быть, он не захочет, чтобы кто-то еще вмешивался в их жизнь. Меня он сам просил помочь, а тебя не просил. Но уж когда ты станешь настоящим другом Тимошки, таким же верным, каким была я, тогда Феликс обрадуется, и тайна будет не нужна.

Это и есть моя просьба. Тимошка днем всегда дома: ты легко застанешь его. Феликс пишет, что он даже на полчасика боится уйти куда-нибудь: а вдруг я приду! Принеси Тимошке интересные книги. Лучше всего Жюля Верна. Или что-нибудь про разведчиков. И не позволяй ему снимать очки. Скажи, что они ему к лицу, что он в них выглядит совсем взрослым. Скажи это как бы между прочим...

И еще хочу тебе напомнить: он очень любит всякие поиски, неожиданные находки и таинственные истории. Придумай что-нибудь такое, чтобы увлечь его...

Я хочу, чтобы ты полюбил Тимошку. Такого задания я дать не могу. Но хорошо было бы!

Оля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Так, значит, Тимофей — это младший братишка Феликса? Вот здорово! А я думал, это какой-нибудь старшеклассник.

Я еще ни разу не видел Тимошку, но уже немного его люблю. А как подружиться с ним, пока не знаю. Если придумаю, тут же напишу тебе.

Коля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

После того как пришло твое последнее письмо, я все время думаю: как мне начать разговор с Тимошкой? Я уже три раза внимательно слушал по радио передачи для родителей. И даже кое-что записал в тетрадку.

Я сначала решил, что буду воспитывать Тимошку по всем правилам педагогической науки. Я даже составил и выучил наизусть текст своей первой педагогической беседы, где было много примеров из жизни, пословиц и поговорок. По радио говорили, что их язык «наиболее убедителен».

Но когда я зубрил эту речь, мне вдруг стало как-то очень скучно. И тогда я подумал, что Тимошка может заснуть, пока я буду произносить все свои пословицы, поговорки и примеры из жизни. Особенно, если он любит Жюля Верна и книги о приключениях...

Я долго думал — весь день и почти что всю ночь. И решил действовать без всяких бесед. А как именно, напишу в следующем письме, потому что как раз в эту минуту отправляюсь к Тимошке: он, наверно, уже вернулся из школы.

Коля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Вчера я познакомился с Тимошкой. Было это так.

Я рассчитал, что Тимошкины окна должны быть крайними слева, на первом этаже. Потом пошел во двор, спрятался за углом дома и начал оттуда ухать по-совиному, будто условный сигнал подавать. Я даже, может быть, немного перестарался, потому что

Тимошка сразу высунулся в окно и стал тревожно оглядываться по сторонам. Я вышел из-за угла и, тихо, таинственно прикрыв рот рукою, спросил:

— Ты Тимофей?

— Да, я Тимофей! — ответил он.

Я почувствовал, что ему приятно произносить это слово — «Тимофей», — и решил, что всегда буду называть его так — уважительно, полным именем!

Я повнимательней оглядел Тимошку и говорю:

— Да, вроде похож... по описанию совпадает... Тогда ты мне и нужен!

И полез прямо в окно. Тимошка опомниться не успел, как я уже спрыгнул к нему в комнату. Он смотрел на меня исподлобья, недоверчиво и хмуро.

— Ты кто? — спросил он.

— Я из «Отряда Справедливых»! Нам с тобой поручена «Операция МИО»!

— МИО?..— переспросил он.

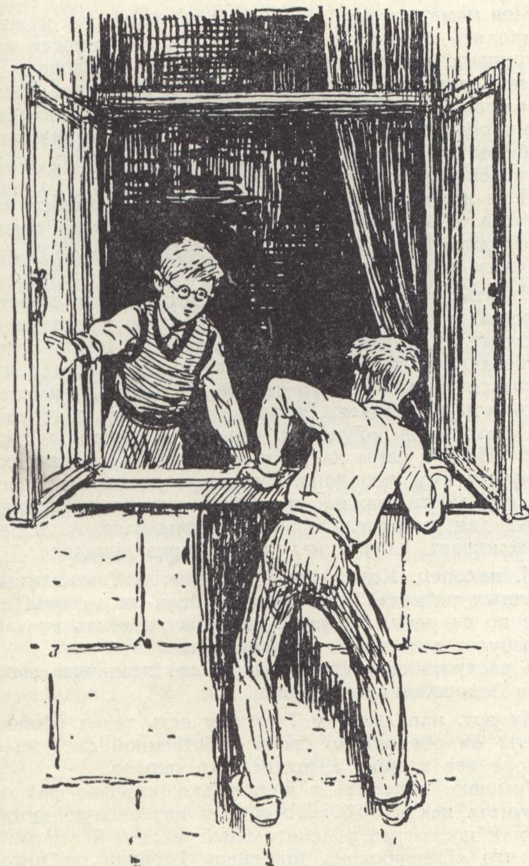
— Это — сокращенное слово. Оно обозначает: «Мы ищем Олю!» Понимаешь? Она же адрес переменила, и мы обязаны ее отыскать!

— Мы с тобой?..

— Ну да! Ведь ты же был ее самым ближайшим другом! Так мне сказали...

Тимошка с удовольствием подтвердил:

— Да, я был другом!

— Тогда ты мне и нужен.

И тут я увидел, что Тимошка действительно очень скучает по тебе, что он даже, может быть, ничего другого и не хочет, как только найти тебя. Он повернулся ко мне тем самым ершистым затылком, про который ты писала. И полез согнутым указательным пальцем под очки...

Потом он настороженно спросил:

— И ты тоже... ее друг?

Он, видно, не хочет, чтобы у тебя были на свете, кроме него, еще какие-нибудь друзья. И я ответил Тимошке:

— Нет, я не очень уж близкий друг. Но мы учились с ней вместе. И поэтому мне поручили... в «Отряде Справедливых».

— В отряде? — опять недоверчиво переспросил он.— А Феликс ничего про это не говорил...

— Твой брат не должен знать об этом! Ни в коем случае! — полушепотом предупредил я.

— Почему? — еще больше насторожился Тимошка.— Я ему все говорю...

— А этого говорить нельзя! Понимаешь, мы должны сами, без помощи взрослых, найти Олю! Она уехала и не дает о себе знать. А мы должны отыскать ее. Так решил «Отряд Справедливых».

— Как же мы ее найдем?

— Тут поможет одно мое свойство... ну, которое отличает меня от всех других людей!

— Какое свойство?

— Скоро узнаешь! — пообещал я. И шепнул ему в самое ухо, будто кто-то мог нас услышать: — Нам с тобой и срок дали: двадцать девятое декабря!

Я закатил глаза так, чтобы одни только белки были видны, потом таинственно покрутил руками в воздухе, подвигал ушами (я это делать умею) и добавил:

— Кстати, как мне только что стало известно, двадцать девятое — этот как раз день твоего рождения!

— Откуда стало известно?..

— А я отгадываю на расстоянии!.. Это и есть мое особое свойство!

Я слышал, что некоторые артисты дают «сеансы отгадывания мыслей на расстоянии», но тут это «расстояние» было ни к чему, и я стал объяснять:

— Ведь день твоего рождения будет почти через месяц. Значит, этот день от нас на большом, так сказать, расстоянии.

Тимошка смотрел на меня уже с бо́льшим уважением. И потребовал:

— Отгадай что-нибудь еще!

— Я даю сеансы отгадывания только один раз в день,— устало сообщил я.— Потому что это требует большого напряжения нервной системы...

Я вытер лоб рукавом.

— А потом еще что-нибудь отгадаешь?

— Обязательно отгадаю!

— Мой Феликс тоже умеет показывать разные фокусы,— сказал Тимошка.

Он в чем-то сравнил меня со своим старшим братом, и я подумал, что это уже неплохо.

Чтобы закрепить свой первый успех, я вдруг зачем-то пообещал:

— Двадцать девятого я подарок тебе подарю! Ко дню рождения...

Тимошка, видно, не очень ценил подарки. Он даже ничего мне не ответил. А я, чтобы выжать из него ответ, добавил:

— Велосипед хочешь?

Тимошка вновь промолчал.

— Ты думаешь, что трехколесный, да? Нет, двухколесный, настоящий. Со звоночком! — продолжал настаивать я.

Тимошка только пожал плечами. Мое умение отгадывать на расстоянии произвело на него большее впечатление, чем двухколесный велосипед.

Напоследок я не только сказал Тимошке, что очки

ему к лицу, но даже примерил их и сказал, что с удовольствием бы сам носил такие!

Вот и все, Оля. Я, значит, начал выполнять твою просьбу.

Коля.

Да, совсем забыл! Срочно расскажи мне о каких-нибудь Тимошкиных тайнах: ведь я должен что-то отгадывать на расстоянии!

Коля пишет Оле

Все эти дни, Оля, я думал о том, что бы мне еще «отгадать на расстоянии», потому что это очень поразило Тимошку. Пока ты еще не успела рассказать мне о Тимошкиных тайнах, я решил отгадать что-нибудь сам, без твоей помощи. И заодно решил подсунуть Тимошке какую-нибудь неожиданную находку. Ты ведь писала, что он очень любит неожиданные находки.

«А не подложить ли ему горшок с маленьким зеленым стебельком, который должен очень здорово разрастись?» — подумал я.

Елена Станиславовна услышала недавно в одной лекции, что полезно выращивать дома разную зелень, особенно у нас в городе, где так сильно дымит огромный алюминиевый завод. И на следующий день она притащила десять цветочных горшков с маленькими стебельками. «Эти росточки,— сказала Елена Станиславовна,— превратят нашу квартиру в ботанический сад. И мы все будем вдыхать чистый кислород!»

«Пусть и Тимошка немного подышит кислородом,— решил я.— Подсуну ему один цветочный горшок! Елена Станиславовна и не заметит».

И вот сегодня, когда стало уже чуть-чуть темнеть, я взял один горшок и пошел на пустырь, который за Тимошкиным домом. Там я отыскал местечко потаинственней... На краю пустыря начали строить новый корпус, но пока успели построить только полтора этажа. В сумерках я представил себе, что это не этажи будущего дома, а неровные зубцы какой-то старой, полуразрушенной стены.

Я подтянулся на носках, достал до окна первого этажа и поставил свой горшок на кирпичи, которые скоро будут держать на себе оконную раму. Потом я побежал к Тимошке.

— Тимошка! Слушай меня!.. Сейчас я буду снова отгадывать на расстоянии.

Он прямо замер на месте. Я снова закатил глаза, таинственно покрутил руками, подвигал немножко ушами и объявил:

— Тебя ждет одна неожиданная находка!

— Где?

— Ни о чем не спрашивай, ты можешь сбить меня со следа...

— С какого следа?

— Ну, со следа, который ведет к этой находке!

— К какой находке?

— Не задавай вопросов. Молча иди за мной.

И Тимошка пошел за мной на пустырь. Время от времени я останавливался, смотрел на землю и даже принюхивался, будто искал след.

Когда мы стали подходить к стройке, я зажмурил глаза и сказал:

— Не смотрю, но вижу! Как это таинственно и загадочно: в доме еще никто не живет, а в окне уже стоит цветочный горшок!

— В каком окне?

— Ну, в самом первом от... угла...

Тимошка подбежал поближе, обернулся ко мне и молча пожал плечами, никакого горшка в окне не было.

— Не может быть! — воскликнул я. Приподнялся на цыпочках, дотянулся до окна и увидел несколько комочков земли на кирпиче.

Это было все, что осталось от неожиданной находки. Кто-то нашел ее раньше нас.

А вечером дома Елена Станиславовна подняла тревогу: где цветочный горшок?

— Может быть, он выпал из окна? — сказал я.

— Но он же мог разбить кому-нибудь голову! Там, на тротуаре, должны были бы остаться черепки...

— От головы?

— Да нет, от горшка! Неуместные шутки! Выгляни, Коля! Внизу не валяются черепки?

Я выглянул и сказал, что никаких черепков нету.

— Наверно, дворник подметал тротуар.

— Нельзя ли взять на полтона ниже. Вы мешаете мне заниматься! — крикнула Нелька из другой комнаты. Она разучивала какую-то новую музыкальную пьесу.

А Тимошка стал, кажется, немного сомневаться, могу ли я отгадывать на расстоянии.

Коля.

Оля пишет Коле.

Дорогой Коля!

Моя мама говорит, что к каждому больному нужно подходить индивидуально, учитывая особенности его организма и характера. И к здоровому человеку, я думаю, надо подходить так же. Ты это учел, Коля, при первом разговоре с Тимошкой: он ведь обожает все необычайное и таинственное. И ты, мне кажется, любишь все это тоже. Но только очень прошу тебя: не увлекайся чересчур!

И не нужно пугать Тимошку совиным уханьем из-за угла и прочими такими вещами. Он ведь очень впечатлительный мальчишка. А нервничать ему, мама сказала, вредно.

Писать длинные письма мне теперь уже просто некогда: девчонки так и рвутся в мою рукавичную мастерскую. Рукавицы, оказывается, не только руки согревают: из-за них все ребята в классе стали относиться ко мне как-то теплее. И даже Артамонов чуть-чуть изменился. Раньше он угрюмо подтрунивал надо мной: «Рукавиц, что ли, в городе не хватает? По две пары на руку не натянешь!» Девчонки отвечали ему, что наши рукавицы домашней вязки: они мягче, нежнее и вообще, как подарок, приятнее для рыбаков. Он только ухмылялся. А теперь помалкивает, словно над чем-то призадумался...

И, наконец, Коля, самое главное: о Тимошкиных «личных тайнах». Есть у него тайны, он доверил их мне по секрету. А чужие секреты выдавать нельзя. Это будет нечестно и несправедливо.

Я раскрою тебе что-нибудь самое незначительное, чего Тимошка и сам не таит.

Ну вот, например, у Тимошки есть такая особенность: он обедает по своей собственной системе — сперва ест второе, а потом уже первое.

Тимошка записывает в тетрадке, сколько раз он прочитал какую-нибудь особенно интересную книжку или посмотрел увлекательный фильм. Я запомнила, что «Гиперболоид инженера Гарина» он читал семь раз, а картину «Подвиг разведчика» смотрел раз одиннадцать или двенадцать. По-моему, все же двенадцать! Угадай это «на расстоянии»—Тимошка очень удивится. Настольная его книжка — «Швамбрания». Или, верней сказать, «встольная»: она всегда лежит у него в столе, слева. А ты возьмешь и отгадаешь — опять, конечно, «на расстоянии». Раскрой,

мол, левый ящик стола, там у тебя «Швамбрания» спрятана! Он будет просто поражен!

Раз уж сказал, что умеешь отгадывать, так отгадывай, а то он тебе ни в чем верить не будет.

Сейчас, Коля, снова спешу в мастерскую.

Оля.

Коля пишет Оле

Сегодня, Оля, я опять попал в очень тяжелое положение... Только я спрыгнул с подоконника в комнату, Тимошка прямо с ходу потребовал:

— Отгадай, где сейчас находится Оля? Если ты правду умеешь отгадывать...

— Понимаешь, Тимошка, я не могу сосредоточиться на том человеке, которого здесь нет...

— А говорил, что отгадываешь на расстоянии!

— На расстоянии, — стал выкручиваться я, — находятся предметы и события, которые я отгадываю (ну, например, твой день рождения или какие-нибудь неожиданные находки), но сам человек должен находиться здесь, рядом со мной. Я даже за руку должен взять этого человека!

— А раньше ты меня за руку не брал.

— Просто забыл. А сегодня обязательно возьму. И потом... Я не могу, видишь ли, отгадывать по чужому заказу, а только по своему собственному.

— Почему? — удивился Тимошка. — А вот у нас в клубе один известный артист выступал, так ему прямо из зала разные вопросы задавали. И он тут же отгадывал. Только весь краснел и покрывался потом. Мне мама с папой рассказывали.

— Ну, видишь ли, дорогой мой, это же настоящий артист. А я, можно сказать, из самодеятельности... Зато я не краснею и не потею!

— А как же «операция МИО»?

— Начнется! Потерпи немного. Всему свое время.

— А ты дай сам себе еще какой-нибудь заказ,— попросил Тимошка.

— Руку!.. — скомандовал я, закатывая глаза и одновременно шевеля ушами. Потом схватил Тимошкину руку, всю измазанную чернилами, и прошептал: — Ты, Тимофей, записываешь в особой тетрадке, какие книги прочитал и какие фильмы посмотрел.

Тимошка от восторга протянул мне вторую руку. Я схватил ее тоже. Сеанс продолжался:

— Ты, Тимофей, прочитал «Гиперболоид» целых семь раз! А фильм «Подвиг разведчика» смотрел одиннадцать... Нет, нет, погоди... Скажу точнее! Двенадцать раз!

— Можно, я позову ребят со двора? — тихо попросил Тимошка.— А?.. Пусть они тоже услышат!

— Нет, не надо. Это будет отвлекать меня. Я должен максимально сосредоточиться на главном объекте отгадывания, то есть в данном случае на тебе.

— Еще что-нибудь...— прошептал Тимошка.

Я огляделся по сторонам, словно размышляя, что бы такое мне еще отгадать.

— Только не подглядывай,— предупредил Тимошка.

— Руку!.. — скомандовал я, закатывая глаза и шевеля ушами.

— Ты мне не доверяешь?! — громко обиделся я. — Хорошо. Тогда я сейчас разгляжу что-нибудь такое, что не может быть видно, потому что этот предмет лежит в шкафу. Или, например, в письменном столе. Руку! Другую!

Я снова схватил перепачканные чернилами Тимошкины руки.

— В левом ящике письменного стола у тебя лежит «Швамбрания»!

— Нет,— к моему величайшему удивлению, произнес Тимошка.— Она там все время лежала, но вчера вечером я ее читал и оставил под подушкой.

— Запоздалая реакция! Вот видишь, это уже усталость. Я перенапрягся. На каждом сеансе надо отгадывать что-нибудь одно,— сказал я и устало бухнулся на диван.

Странную Тимошкину манеру обедать, начиная со второго блюда, я решил оставить на следующий сеанс. А то просто нечего будет отгадывать!

— Не волнуйся, пожалуйста,— стал утешать меня Тимошка.— «Швамбрания» у меня всегда лежала в левом ящике. Так что можно считать, что ты отгадал. Не волнуйся!

Мой сеанс, несмотря на последнюю осечку, покорил Тимофея.

— Ты ведь все равно отгадал,— продолжал утешать меня добрый Тимошка. И тихо попросил: — А какую-нибудь неожиданную находку ты не можешь найти? На улице или на пустыре...

— Нет, сейчас не могу. Слишком большое переутомление! Ослабла чувствительность. Понимаешь? А следующий раз я что-нибудь обязательно отыщу!

Мы попрощались. Я выбрался через окно на улицу. То, что я входил и выходил через окно, тоже нравилось Тимошке.

Коля.

(Окончание в следующем номере.)

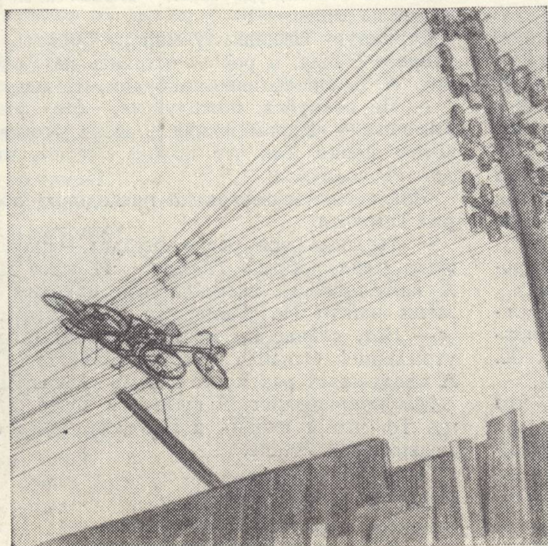
Кругосветка

ОХОТА НА КРОКОДИЛА

На полуострове Флорида, в болотах Эверглейдс американский натуралист и охотник Том Эллен обнаружил с вертолета красного крокодила. Необычная окраска животного заинтересовала исследователя, и он решил во что бы то ни стало его поймать. Шум приблизившегося вертолета не произвел на крокодила впечатления. Он продолжал спокойно дремать в воде. Эллен спустился с помощью веревки и прыгнул на хищника. Завязалась жестокая борьба. Крокодил в бешенстве бил хвостом, пытаясь сбросить Эллена. Улучив момент, смелый охотник ловко накинул лассо на челюсти аллигатора. Восемьдесят острых, как бритва, зубов уже не опасны. Еще один узел, теперь уже на спине чудовища, решает исход боя. Вертолет медленно набирает высоту, поднимая на веревке охотника и его красного крокодила. Но сам Эллен тоже «покраснел». Оказывается, это вода в болоте была такого густого красно-бурого цвета, что окрасила и крокодила и охотника.

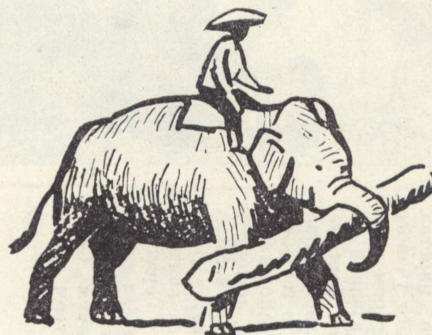

ПО ПРИХОТИ ВЕТРА

Птичья стайка, усевшаяся на проводах, — это никого не удивит. А вот увидеть высоко над головой целую кучу велосипедов, наверно, никому из вас не приходилось. Свидетелями столь необычного зрелища стали жители французского городка Перегё. Велосипеды забросил на телеграфные провода ураган, который пронесся здесь в конце января.

СЛОН-ОРДЕНОНОСЕЦ

В большом тенистом саду Ханоя есть зоопарк. В зоопарке выстроен высокий, широкий однокомнатный дом. Живет в этом доме слон. Слон — старик, ему больше ста лет. Столетних слонов, наверно, немало на белом свете. Но этот слон все же единственный. Он дважды орденоносец. Он награжден орденом Сопротивления и орденом Труда. Первый орден слон завоевал в боях с французскими оккупантами. Он верно служил бойцам Сопротивления, перевозил раненых, боеприпасы, снаряжение. А потом, когда оккупанты были изгнаны, слон служил вьетнамцам в мирном строительстве, таскал бревна, помогал восстанавливать и строить новые мосты.

РОДИНА КОФЕ — АФРИКА

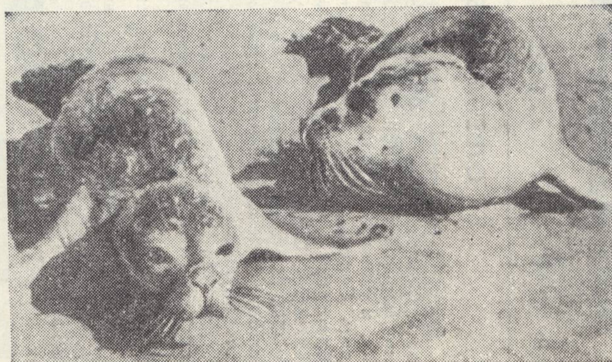
Слово «кофе» происходит от названия древнего африканского государства Каффы. Оттуда кофе распространилось по всему земному шару. На снимке слева вы видите уголок кофейной плантации в Кении. Раньше эти плантации принадлежали английским колонизаторам, теперь их хозяин — народ.

МАЛОЛЕТНИЕ РАБОЧИЕ

В Италии очень много — больше миллиона — ребят не ходит в школу. Они не могут учиться, потому что должны помогать кормить семью. Десяти — двенадцатилетние рабочие — самое обычное явление на итальянских заводах. Ребята там работают до шестнадцати часов в сутки и получают плату гораздо меньшую, чем взрослые. Ее едва хватает на пропитание. Конечно, детей никто не обучает, поэтому им достается только тяжелый физический труд. А это часто приводит к несчастным случаям. Только в 1963 году на предприятиях Италии погибло свыше пятисот детей в возрасте от десяти до пятнадцати лет.

НА ПОМОЩЬ ДЕТЕНЫШАМ

В Англии, на побережье графства Норфольк, волна прилива время от времени выбрасывает тюленьих детенышей, потерявших родителей. Слабые, беззащитные, они погибали без помощи людей. Поэтому несколько местных жителей организовали службу охраны. Они подбирают тюленят, уносят их домой и там в течение нескольких недель кормят смесью молока, рыбьего жира и печени. Когда тюлени подрастают, их выпускают в море.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 38 АПРЕЛЬ 1965 г.

ОТВЕТЬТЕ, РЕБЯТА!

Дорогая редакция! Прошу мое письмо не откладывать. В нашем классе учится Сережа Треков. Он отличник, сидит он со мной. Три недели назад я сломала руку, и меня положили в больницу. Ко мне стал приходить Сережа, и мы с ним стали заниматься. Только благодаря Сереже я с хорошими оценками окончила четверть. Сережа часто бывает у нас, и я часто бываю у них. Мы вместе играем, учим уроки, ходим вместе в школу. А девочки начали сплетничать, и все от меня отвернулись.

Дорогая редакция! Ответьте мне, правильно ли они поступают. И чем я перед ними виновата?

Л. Борисова,
п. Комсомольский, Мордовская АССР.

От редакции. Мы хотим, чтобы на это письмо ответили ребята. Ребята, ответьте, пожалуйста!

ПОДОШЛИ К ГАЗЕТЕ РЕБЯТА...

Я прочитал в «Пионерских известиях» заметку «Где «Мимоход?», прочитал и подумал. А ведь нередко так бывает, дадут художнику лист бумаги и скажут: «Напиши заголовок, нарисуй рисунок к празднику и приноси пораньше». Художник хорошо написал заголовок, нарисовал отличный рисунок и принес редактору. Редактор положил газету в укромное место и вспомнил о ней лишь перед самым праздником. От ребят теперь заметок не добьешься. И начинает он писать в газету что попало: стихотворения, статьи, ребусы, загадки — все сам пишет. На другой день редактор вывешивает стенгазету на видное место. Председатель отряда ставит в плане галочку, что, мол, отряд выпустил газету. А ее выпускали только двое.

Подошли к газете ребята, посмотрели на рисунок и отошли. А газету так и не читали.

Стенгазета — это ведь зеркало жизни отряда. В ней должно отражаться и хорошее и плохое. И когда в стенгазете будут маленькие заметки о работе отряда, то ребята будут читать такие газеты. Правда?

Саша Сафонов,
г. Куйбышев.

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ГЕРАКЛИЙ!

Давно исчезли с лица земли города древнего Боспорского царства. Только рукописи греческого ученого Птоломея, жившего во втором веке нашей эры, сохранили названия городов Парфения, Зенонова Херсонеса и Гераклия. Сохранились названия, но где находились эти города?.. Некоторые археологи предполагают, что развалины городища, лежащего на высокой скале к северо-востоку от мыса Зюк, и есть остатки Зенонова Херсонеса, другие считают, что городище — руины Гераклия. Эта проблема заинтересовала ребят, юных археологов. Вместе с учителем Сергеем Анатольевичем Семеновым они под руководством археологов начали раскопки на берегу Азовского моря.

Еще совсем недавно на археологической карте Керченского полуострова, в районе, прилегающем к Азовскому морю, значилось всего шесть поселений. Теперь на карте появилось два новых поселения, открытых пионерами. Может быть, одно из них и есть древний Гераклий? Это решат ученые.

Б. Случанко,
г. Керчь.

НАШ КОНЦЕРТ

Ребята нашего класса решили подготовить концерт и показать его в каком-нибудь поселке. Мы подобрали интересную программу. В ней было много песен, стихотворений и интермедий. К концерту мы готовились несколько недель. Когда приехали в поселок и зашли в клуб, то увидели, что там полно людей.

Мы выступили хорошо. Наш

Весна. *Фото Тимура Кониева,*
г. Орджоникидзе.

В первом походе

В первый поход мы ходили осенью. Небо было чистое, дул слегка ветерок. Идти было приятно. Мы шли по лесу. Видели разных насекомых и лягушку. Остановились у ручья, умылись ключевой водой, и идти стало еще приятнее. Девочки собрали коллекции листьев и лесных цветов.

Сделали привал. Разожгли костер, пекли картошку, вскипятили чай. А потом играли в разные игры, мальчики лазили на деревья, а мы в это время лакомились разными ягодками.

Обратно шли по берегу. Маль-

Весенняя навигация началась. *Фото Миши Рассолько,* г. Минск.

Смешинка

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПАПА

Ира увидела пятерку, которую учительница поставила под рисунком ее подруги, и заплакала.

— Что с тобой? — спросила учительница.

— Я обиделась на папу. Почему он нарисовал Лене на пять, а мне на четыре?

Лариса Жукова,
г. Саратов.

концерт понравился всем. Когда мы уезжали, нас просили, чтобы мы приезжали почаще. И мы обещали приехать еще один раз.

Виктор Логинов,
Костромская область.

ПРО КОТЁНКА БАРСА

Есть у нас котенок Барс,
Залезал на стол не раз.
Опрокинул он чернила,
Мама долго его мыла.
Напоила молоком
И укутала платком.
Ну а утром — что за диво?
Снова пролиты чернила,
Снова ходит синий кот,
Синий нос и синий рот...
Мама только «ах!» сказала,
Надо все начать сначала!

Коля Билибин,
г. Петрозаводск.

СИЛА ВОЛИ

Сенька Петров встал на парту, откашлялся и торжественно произнес:

— Ребята! Я силу воли у себя воспитал, и, оказывается, она у меня железная!

— Как же ты ее воспитывал? — с насмешкой спросил Генка Колобов.

— Очень просто,— сказал Сенька.— Взял иголку и так кольнул себе палец, что другой бы на моем месте сразу в обморок упал, а мне хоть бы что.

Ребята с восхищением посмотрели на Сеньку. Вдруг с задней парты послышался писклявый голосок Лельки Воробьевой:

— Подумаешь, сила воли, да у меня ее побольше твоего!

Все засмеялись. Лелька, которую чуть-чуть заденешь, так она и то пищит. И она еще говорит такое! Лелька обиделась.

— Чего вы смеетесь? Я вчера до ночи сидела, а задачку решила!

Ребята перестали смеяться, а Сенька покраснел: ведь он эту задачку не решил и получил за нее двойку.

Таня Швецова,
г. Пермь.

чики собирали коллекции камней. Мы все кидали камешки в воду, соревновались, кто всех дальше кинет. Так незаметно дошли до своих домов. Всем этот первый поход очень-очень понравился.

Таня Ч.,
с. Усть-Цильма, Коми АССР.

ДЕРЕВНЯ КОРОЛЕВСКИЙ ЛЕС

Я живу в очень красивой деревне. Она расположена на берегу реки Вислы. Моя родная деревня называется Королевский лес. Этим названием она обязана легенде.

Давно, когда правили мазовецкие князья, на месте моей деревни были густые леса. Один из князей, Конрад Мазовецкий, вместе со своим войском приезжал охотиться в эти леса. И именно от этого происходит название нашей деревни — Королевский лес.

Мария Капелюсяк,
Польская Народная Республика.

Эту матерую волчицу мы увидели, когда были в лесу на лыжах. Потом ее поймали охотники.

Валерий Поморов,
с. Меркутлы,
Омская область.

Редколлегия: Николай Булгаков (редактор), Анатолий Лысенков, Сергей Огнивцев, Лена Быстрицкая, Владимир Захаров.

Среди барханов сыпучих...

Фото и текст Д. Ухтомского

Нефть в Каракумах залегает на большой глубине: от трех до пяти тысяч метров. Монтаж буровых вышек, при помощи которых ведут к ней скважину,— дело долгое и дорогое. Чтобы сэкономить время, вышку, когда бурение заканчивается, не разбирают, а устанавливают на большие металлические полозья. И поезд из нескольких мощных тракторов тащит ее туда, где намечено бурить новую скважину.

Медленно движется поезд среди сыпучих волн. Кругом ни единого признака жизни, ни травинки, ни кустика. Только курятся на ветру гребни барханов. Недаром эти пески назвали Барса-Гельмес, что в переводе с туркменского значит: «Пойдешь — не вернешься»... Но скоро и в Барса-Гельмес придет автомобильная дорога.

Нефть не только в туркменских песках, но и на дне морском. Там, где пустыня встречается с Каспием, на полуострове Челекен, потянулись в море эстакады нефтяных промыслов. Точь-в-точь как в Баку...

Я люблю Среднюю Азию, особенно Туркмению. Свыше четверти века, из года в год, выполняя свои корреспондентские обязанности, я пересекаю с востока на запад и с севера на юг необозримые пески великой Каракумской пустыни.

На моих глазах меняется ее вид. Возникают и растут города, заводы, промыслы, рудники. Я видел, как на тысячу километров перерезала пустыню лента Каракумского канала. А сама пустыня зазеленела вокруг кустами винограда и хлопка...

Однако все это было на востоке республики. Здесь и земли плодороднее и с водой легче, особенно когда прошел канал. Совсем другая картина на западе.

От берегов Каспийского моря на сотни километров простираются безводные, унылые пески Западных Каракумов. С карты здешних мест до сих пор не исчезли «белые пятна». Но несколько лет назад геологи нашли тут нефть. Запасы ее оказались такими большими, а качество настолько высоким, что туркменский запад тоже стал преображаться. Началось бурное строительство дорог, электростанций. Появились новые города. Потянулся в пески мощный водопровод, который снабдит питьевой водой самые отдаленные промыслы.

Летом и осенью прошлого года я дважды побывал в этих местах и сделал много фотоснимков. Некоторые из них я решил показать вам, ребята.

Эти ребята наверняка будут нефтяниками. В небит-дагской школе № 1, где они учатся, замечательные производственные мастерские. Там можно подробно и наглядно, на моделях, узнать все процессы разведки и добычи нефти.

МУРАВЬИНЫЙ ЦАРЬ

Научно-фантастический рассказ

(Окончание.)

Александр ЛОММ

Рисунки Г. Филипповского.

КИБЕРОФОРМИК I, ПОВЕЛИТЕЛЬ МУРАВЬЕВ

Когда актовый зал снова заполнился и ученый совет снова занял свои места в президиуме, на трибуну своевольно, без разрешения председателя, поднялся профессор Крачмер. Он трагически взмахнул руками и сказал:

— По-моему, товарищи, прения теперь ни к чему. Предлагаю поэтому, чтобы наши радисты немедленно попытались связаться с кибероформиком. Надеюсь, что вы, товарищ директор, не будете возражать против такой необходимейшей меры?

— Нет, не возражаю. Это вполне дельная мысль,— устало отозвался директор и, повернув-

шись к залу, крикнул: — Товарищи радисты, приступайте к своим обязанностям! Если кибероформик отзовется, подключите его к здешним репродукторам!

Целую минуту, бесконечную, как вечность, и мучительную, как зубная боль, репродукторы издавали лишь хаос бессвязных звуков. Но вот все посторонние шумы исчезли и вместо них раздался странный металлический голос, ровный, размеренный и лишенный каких-либо живых интонаций:

— ...и поэтому я, Кибероформик Первый, властелин и повелитель бесчисленного муравьиного народа, объявляю вам, люди, что эра вашего кратковременного господства на планете Земля закончена. Вы, люди, отлично выполнили свою историческую миссию, которая заключалась в подготовке научной и материальной базы для развития более древнего биологического вида — муравьев, появившихся на планете семьдесят миллионов лет тому назад. Вы были предтечами муравьев, вы неустанно готовились к приходу настоящих хозяев планеты, и именно поэтому вы столь стихийно стремились свести всю свою технику до таких миниатюрных размеров, которые отвечали бы габаритам муравьиных особей. Честь вам за это и слава, умные, работящие люди! Теперь вы можете постепенно прекратить свое существование. Отныне и навсегда: жизнь муравья дороже жизни человека. Поэтому за каждое случайное или умышленное убийство муравья человек будет наказан смертью мгновенной и беспощадной. Это закон. Это первый и основной закон. Вторым законом я объявляю абсолютную неприкосновенность кандидата техминических наук Зденека Пиштори. Третий закон о сотрудничестве. Моему муравьиному народу необходимо огромное количество металлов, пластмасс, строительных материалов, синтетических смол, нефти, угля, сахара, хлеба, фруктов и мяса. Всем этим, равно как и другими видами материалов и продуктов питания, вы, люди, должны снабжать мой народ безоговорочно и безотказно. Будьте благоразумны, будьте послушны, будьте покорны, и я дам вам возможность исчезнуть с лица планеты тихо, незаметно и благородно! Эта реляция транслируется через все радиостанции мира, а посему все вышеприведенные законы, приказы и постановления вступают в силу немедленно. Слушайте меня завтра, в это же время!..

Металлический голос умолк. Репродукторы, потрещав немного впустую, отключились. В актовом зале ПИТМа воцарилась могильная тишина.

НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНОВ

Первым опомнился профессор Крачмер, все еще стоявший на трибуне. Он поднял руки вверх и завопил, как бесноватый:

— Никогда, никогда, никогда!!! Мы никогда не подчинимся подлой машине! Будь ты проклят, вероломный кибер, продавший нас муравьям! Мы будем бороться...

Он не договорил. Лицо его вдруг перекосилось, черные усы задергались, и он, как подкошенный, упал с трибуны. Несколько человек из президиума бросились к нему, попытались привести его в чувство, но напрасно: профессор был мертв.

Собранием овладела паника. Один за другим сотрудники ПИТМа покидали свои места и молча убегали прочь.

Среди всеобщего смятения на трибуну поднялся Зденек Пиштора. Актовый зал к тому времени уже наполовину опустел. Но Зденек, казалось, не замечал этого. Он был бледен, глаза его блуждали, и когда он заговорил глухим дрожащим голосом, трудно было сразу уловить смысл его отрывистых фраз.

— Это все я, все я!..— лепетал он, задыхаясь.— Простите меня, товарищи!.. Это я сделал!.. Он не потому, что я создал его... не потому... Он не вырвался бы из сейфа!.. Это я виноват! Это я дал ему возможность бежать!.. Вот почему он объявил меня неприкосновенным!.. Простите меня, товарищи!..

— Что вы сделали, товарищ Пиштора?! Говорите толком! — крикнул директор, начиная смутно догадываться о подлинном значении слов кандидата Пишторы.

Бегство из зала приостановилось. Не успевшие скрыться сотрудники обернулись к трибуне и уставились на Пиштору. А тот, поминутно сморкаясь, всхлипывая и вытирая слезы раскаяния, принялся рассказывать о том, как он накануне вечером унес кибероформика к себе домой в стеклянном флаконе, чтобы показать невесте, и как ночью обнаружил, что флакон пуст. Свою покаянную речь Пиштора закончил, почти рыдая:

— Это я виноват во всей этой катастрофе! Если бы я не унес его, если бы он не познакомился с муравьями, все было бы хорошо!.. Простите меня, товарищи, простите!..

— Товарищ Пиштора! — загремел директор ПИТМа, охваченный страшным гневом.— Вы неслыханный преступник! Вы подлый предатель и убийца!

С последними словами директор вдруг схватился за сердце, страшно побледнел и рухнул на стол президиума лицом вниз. Никто из присутствующих не прикоснулся к нему. Всем было ясно, что в силу второго закона кибероформика бедный директор был наказан за оскорбление неприкосновенного и священного Пишторы «смертью мгновенной и беспощадной».

Ужас охватил весь ученый совет и не успевших скрыться сотрудников ПИТМа. Лишь один полковник милиции сохранил присутствие духа. Зденек сошел с трибуны и подошел к нему.

— Арестуйте меня, товарищ полковник! Я неслыханный преступник, мое место в тюрьме!

— Потом, потом! Теперь не до вас! — отмахнулся от него полковник и, спрятав свой блокнот, поспешно вышел.

На столе президиума осталась пробирка, наполненная пленными муравьями. Кто-то откупорил ее и выпустил пленников. Муравьи весело зашныряли по столу среди бумаг и авторучек. Люди сидели неподвижно, боясь дышать...

Тогда Зденек понял, что больше ему тут делать нечего. Он сошел в зал и медленно, как лунатик, двинулся к выходу. Коллеги молча расступались перед ним, стараясь не смотреть на него...

ДАНКА В ОПАСНОСТИ

Когда Зденек спустился с Петршинского холма, он был поражен тишиной и безлюдьем, царившими на пражских улицах. Время было уже далеко не раннее. Обычно в этот час на улицах гремели переполненные трамваи, автобусы,

троллейбусы, а по тротуарам во всех направлениях сновали толпы людей, спешащих на работу. На сей же раз не было заметно ни малейшего движения. Тротуары были пустынны, на мостовых там и сям стояли брошенные автомобили, громоздкие трамваи торчали где попало: у остановок, на перекрестках, на мостах. Можно было подумать, что город подвергся нашествию уэллсовских марсиан.

Мысли о борьбе вернули Пишторе самообладание и уверенность в себе.

Поднимаясь к себе на третий этаж, он уже горел от нетерпения немедленно приступить к работе. В его мозгу прояснилась интересная идея технического решения новых кибероформиков. Скорей к столу, к бумаге, чтобы проверить расчеты!..

Но ему не пришлось тотчас же засесть за работу. Перед дверью его квартиры стояла Данка. Она была заплаканная, перепуганная и расстроенная. Сердце Пиштора болезненно сжалось в предчувствии чего-то недоброго...

— Данка! Дануля! Что случилось?! Почему ты плачешь?!

Пиштора бросился к своей невесте и схватил ее за руки. Она упала к нему на грудь и разразилась плачем, будучи не в силах произнести ни единого слова.

— Ну, милая, ну, хорошая, довольно, перестань! Вот я тут, с тобой, и все в порядке! Все будет хорошо!..— растерянно бормотал Пиштора.

— Не... не будет... хо... хорошо,— всхлипывая, проговорила Данка.

— Почему? Что случилось?!

— Я... я раздавила муравья! Нечаянно!..

— Где? Когда? Каким образом?!

— Недавно... Когда бежала к тебе... Я осторожно ступала и все время смотрела себе под ноги. А он... он выполз из какой-то щелки и прямо мне под каблук! Теперь... теперь я должна умереть!.. О-о, Зденек, спаси меня!

И она снова разрыдалась.

Зденек молча отомкнул дверь и ввел Данку в квартиру. Усадив ее в кресло, он принес ей воды. Данка немного успокоилась. Но глаза ее все еще были полны слез и ужаса.

— Зденек, милый, я не умру? Правда, я не умру? Правда, ты спасешь меня? Скажи ему, Зденек, чтобы он не убивал меня! Скажи ему скорей!..— лепетала несчастная девушка, с мольбой глядя на своего жениха.

— Успокойся, Дануля. Он не посмеет! Он ведь видел тебя со мной. Он знает, что я люблю тебя! — утешал ее Пиштора, хотя сам при этом далеко не был уверен в своих словах.

Данка почувствовала эту неуверенность.

— А что если посмеет?!

Пиштора ответил не сразу. Он лихорадочно искал более надежный выход из положения. Наконец его осенила спасительная идея.

— Слушай, Данка. Если он и решится, то не так быстро, как в других случаях. Он, наверное, попытается сначала связаться со мной и узнать мое мнение. Таким образом, у нас еще есть в запасе кое-какое время. Нам нужно бежать, скрыться в такое место, куда муравьям нет доступа! Мы должны улететь с тобой далеко на север — на Новую Землю, на Шпицберген!

— Ты думаешь, это поможет?

— Да, да, это единственный выход! Собирайся и скорей в аэропорт! Нам нельзя теперь терять время!..

Минут через пятнадцать, одевшись как можно теплее и прихватив с собой все деньги, Зденек и Данка выбежали из дома. Они схватили первую попавшуюся автомашину из брошенных перепуганными водителями и на предельной скорости помчались в аэропорт.

САМОЛЕТ ЛЕТИТ НА СЕВЕР

Желающих лететь в Заполярье оказалось великое множество. Аэропорт брали приступом обезумевшие от страха люди. Окрестные дороги, ведущие в аэропорт, были усеяны сотнями трупов. Да и среди собравшейся толпы то и дело падали наземь отдельные люди — очередные жертвы неумолимого кибероформика. Но на падающих никто не обращал внимания — остальным было не до них.

Все обычные рейсы были отменены. Люди стремились только на север. Битком набитые воздушные лайнеры один за другим взмывали ввысь и ложились на северный курс.

Наши беглецы так бы и не попали в самолет, если б не имя Зденека Пиштора. Это имя, вчера еще никому не известное, вызывало теперь суеверный ужас и поклонение. Пользуясь этим, Пиштора проложил себе дорогу к очередному поданному к посадочной площадке самолету и провел за собой Данку.

Еще несколько минут, и земля осталась далеко внизу. Из круглого иллюминатора можно было увидеть лишь бесконечную гряду белых облаков, блистающих под ослепительно синим небом.

Только теперь Данка попробовала улыбнуться и крепко пожала Зденеку руку.

— Ну, теперь веришь, Данок, что опасность миновала? — бодро спросил Пиштора.

— Верю, милый! Но, скажи, как мы будем жить на севере?

— Проживем! Мы не одни там будем. В заполярных краях теперь соберется много народу. Оттуда и начнется война против кибероформика и его муравьев... Это хорошо, что я тоже лечу на север. Там муравьи не смогут за мной шпионить. У меня уже есть одна замечательная идея. Слушай!

И Зденек принялся пространно излагать, как он сконструирует новых кибероформиков и двинет их на борьбу с кибером-предателем. Данка слушала его со счастливой улыбкой.

Стюардессы между тем стали подавать завтрак. В самолете водворилась приятная атмосфера покоя и полной безопасности. Пассажиры возбужденно переговаривались.

Во время завтрака зазвучала тихая приятная музыка.

Но внезапно музыка оборвалась и раздался бесстрастный металлический голос:

— Алло, алло! Говорит Кибероформик Первый, властелин и повелитель бесчисленного муравьиного народа! Я обращаюсь ко всем капитанам пассажирских самолетов, взявших курс на Арктику и Антарктиду! Возвращайтесь немедленно в свои аэропорты! Где бы вы ни были, возвращайтесь обратно в свои аэропорты! Вы везете обреченных! Через пять минут после моего сообщения всех ваших пассажиров, совершивших преступление против моего первого закона, настигнет смерть мгновенная и беспощадная! Не имеет смысла возить в заполярные области трупы! Возвращайтесь обратно, капитаны!..

Страшный голос умолк, и снова заиграла музыка, в которой слышалось теперь что-то погребальное. Пиштора сидел, как пораженный громом. Данка побелела и, расширив от ужаса глаза, молча смотрела на своего жениха. Стюардессы расплакались и убежали в кабину к пилотам.

Пиштора не знал, что делать. Мозг его был парализован. Ему хотелось кричать, выть... Но вот мелькнула мысль: «Рация! Связаться с кибероформиком! Приказать ему!..» Он хотел уже вскочить и бежать в кабину пилотов, как вдруг увидел на рукаве у Данки крупного рыжего муравья.

«Поздно!..» — с ужасом подумал Пиштора, весь покрываясь холодным потом.

Крепко зажмурив глаза, он вцепился руками в подлокотники кресла и закричал диким, нечеловеческим голосом.

Закричал и... проснулся.

За окном светало. Зденек лежал в постели у себя в комнате весь в холодном поту...

МОЛОТОК НЕ ОПУСТИЛСЯ

Первые минуты после пробуждения несчастный кандидат техминических наук бессмысленно глядел на окно, будучи не в силах стряхнуть с себя ужас. Но постепенно к нему вернулась способность думать. Тогда он плюнул в сердцах и громко сказал:

— Какой глупый и мерзкий сон!

После этого он поднялся и прошел в пижаме к себе в кабинет.

Нельзя сказать, что сердце его было совершенно спокойно, когда он выдвигал ящик и доставал флакон с кибероформиком. Кибероформик оказался на месте. Его видно было даже сквозь толстое стекло флакона. Пиштора вытряхнул миниатюрного кибера себе на ладонь и обратился к нему со следующей краткой речью:

— Я видел во сне твои возможности и твое предательство, Кибероформик Первый, властелин и повелитель бесчисленного муравьиного народа. Это было отличное предупреждение! Я уничтожу тебя, Кибероформик Первый! Ты никогда не станешь властелином и повелителем муравьев!

Пиштора положил кибероформика на гладкую поверхность стола и достал из ящика молоток. Он был при этом решителен и мрачен.

Вот молоток резко взлетел вверх. Но... в чем дело? Почему он повис в воздухе и замер?

Пиштора не струсил. Но когда он взмахнул молотком, в его голове вдруг молнией сверкнула новая мысль: «Остановись, палач! Казнь отменяется! Ведь кибероформик-то не сбежал! Не сбежал! По своим возможностям он был бы способен убежать из металлического футляра, упрятанного в герметически закрытом сейфе, а он не убежал даже из простого стеклянного флакона! Ведь это что значит? Это значит, что кибероформик не способен взбунтоваться! Он создан человеком и будет всегда верно служить человеку! За что же уничтожать его? Бунт машин невозможен. Мысли о бунте машин порождены болезненным воображением фантастов да беспочвенными страхами ученых, запутавшихся в технической мистике! Живи, Кибероформик Первый!»

После этой несколько напыщенной тирады молоток был брошен обратно в ящик, а кибероформик бережно взят пинцетом и опущен в граненый флакон.

Через полчаса кандидат техминических наук Зденек Пиштора, бодрый и ликующий, покинул свой дом и отправился в ПИТМ. В кармане плаща он нес чудесного кибероформика, которому в этот день предстояло выдержать испытания перед строгой комиссией ЧГИИГПа.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Биография слов

КТО? КОГДА?

Дорогая редакция!

Мне хочется как можно больше знать о происхождении слов. Меня интересует: почему стол называется столом, а не ножницами или шкафом. Это, наверно, смешной и глупый вопрос. Но все-таки интересно: почему?

Лена Мачнева,
г. Москва.

Сказать тебе точно, когда возникли слова, а тем более кто их придумал, конечно, нельзя. Но можно наверняка сказать, что первые слова зарождались так много тысячелетий назад, что никаких определенных сведений об этом до нас дойти не могло.

Великий ученый Фридрих Энгельс считал, что первые слова возникали в совместном труде первобытных людей, когда им надо было объединять свои усилия. Например, во время охоты на мамонта или при расширении пещеры для жилья. Какие это были слова, никто не знает.

Ты спрашиваешь, почему стол называется столом. Но ведь это он у нас, у русских, называется так. По-немецки «стол» — «тыш», по-французски — «табль», по-английски — «тэбл». «Тэбл» похоже на «табль», потому, что это французское слово пришло к англичанам из Франции вместе с армией завоевателей лет восемьсот назад.

А когда вообще в разных языках появились слова, обозначающие стол? Не раньше, чем в обиходе появился сам предмет.

Есть очень немного слов, про которые можно сказать, кто и когда их придумал. Например, слово «трогательный» придумал лет полтораста назад писатель Карамзин. Слова рождаются и сейчас, в наше время. Совсем молодое слово «вертолет». Оно возникло всего пятнадцать — двадцать лет назад.

Иногда можно проследить, как старое, давно знакомое слово вдруг начинает жить новой жизнью. Давно существовало русское слово «спутник». А шесть лет назад, когда мы, советские люди, вывели на орбиту первый искусственный спутник Земли, это слово переселилось и в другие языки.

Очень советую тебе, Лена, взять в библиотеке и почитать книгу Льва Успенского «Слово о словах».

И. БАБЫКИНА

Про гусиные лапки

Дорогая редакция!

Ответьте мне на вопрос, почему у гусей не мерзнут лапки. Ведь они ходят по снегу и даже плавают в проруби.

Таня Величкина,
г. Ленинград.

Птицы и другие существа с теплой кровью сами себя греют. Этим они отличаются от холоднокровных животных: ящериц, лягушек, змей. У тех температура почти такая, какая вокруг. Солнце их пригреет — они проворно ползают, бегают, скачут, добывают пищу. Придет холод — они замирают.

У птиц «отопление» внутри тела особенно хорошо работает. Вот сравни! Нормальная температура у человека — 36,6, у собак, кошек больше тридцати восьми, а у птиц — сорок градусов с лишним. А чтобы «печка» не выстывала, на птицах надежная шубка. Перья плотно прилегают одно к другому, и под ними еще подкладка из пуха. В лапках у гуся почти нечему мерзнуть: они состоят из костей и сухожилий, кожа покрыта чешуйчатым роговым слоем, а на нижней стороне лапок под кожей теплозащитные жировые подушки. На все эти ткани холод мало действует.

Но напрасно ты думаешь, что у гусей совсем не мерзнут лапки. Видала ты, как гусь то одну подожмет, то другую? Это он их в теплых перьях отогревает. Совсем как мы руки, если они без варежек: то одну, то другую прячем в карман.

Е. ВЛАДИМИРОВА

Вот так Муха-Цокотуха!

Дорогой «Пионер»!

Посылаю вам муху. Я нашла эту муху совершенно случайно на полу. Она и была такая приплюснутая. Я хотела ее раздавить, а она не давится. Тогда я бросила ее в яд. Через некоторое время она перестала жужжать. Я прошу вас рассказать, что это за муха, потому что я вижу такую муху впервые. Я знаю много всяких насекомых: мух, жуков, комаров,— а такой мухи еще не знаю. Я люблю биологию и хочу знать об этой мухе.

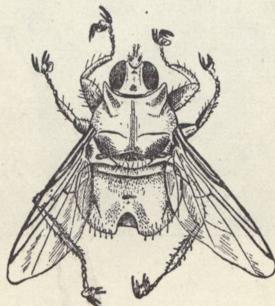
Таня Шумакова,
г. Богдановичи, Свердловская область.

Ты молодец, Таня, что обратила внимание на эту муху. Она очень интересная, но далеко не всякий ее замечает. Называется она кровососка птичья, потому что живет паразитом на самых различных птицах.

Муха садится на птицу и крепко прицепляется к ней своими лапками, которые для этого вооружены крючками. Может, ты не рассмотрела у той мухи, какие эти крючки большие? На нашем рисунке это хорошо видно. Устроится муха удобно среди перьев и начинает сосать кровь.

«Почему она такая плоская?» — спрашиваешь ты.

Вот почему: птичке от нее плохо, и та все время старается вычесать муху клювом, а плоскую, твердую муху ей вычесать гораздо труднее.

Обычная муха откладывает яйца, а эта прямо на лету рождает живую личинку, личинка падает на землю и сразу зарывается в нее и там окукливается. Через некоторое время из куколки выходит молодая муха и сразу ищет птицу-хозяйку. Ты видела, как воробьи, взъерошив перышки, купаются в песке? Это они хотят освободиться от мух-кровососок, причиняющих им большие мучения.

Близкие родственницы этих мух поселяются на лошадях, верблюдах, оленях и других животных.

А овечья кровососка настолько приспособилась к паразитической жизни, что даже совсем потеряла крылья: они ей уже не нужны.

С. ШАНЕВ

Зоопарк ТЯНИ-ТОЛКАЯ

— Здравствуйте, здравствуйте! — Тяни-Толкай радостно встретил нас у входа. — Я уже давно вас поджидаю. Сейчас весна — самое время показать вам моих малышей.

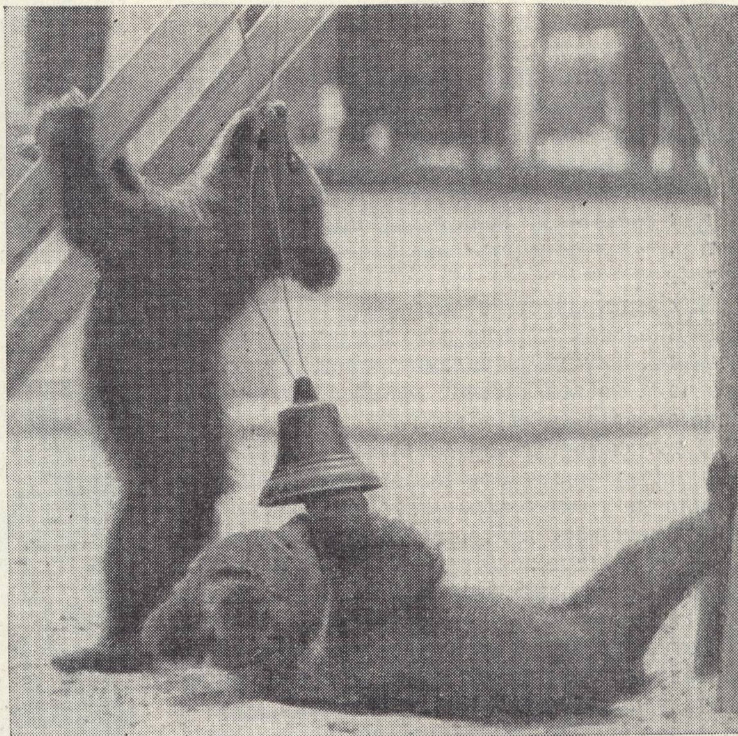
Олeнятам по четыре месяца от роду — не такие уж они и маленькие. Хоть еще и дети, а могут без мамы жить, самостоятельно. Правда, уйти от опасности они и раньше могли без маминой помощи: олененок может убежать от волка или спрятаться от охотника, даже если ему всего один час от роду! Вот вам и слабенькие ножки.

А этот малыш без мамы совсем растерялся — глаза испуганные, лапки дрожат! Все ему страшно вокруг, и не подозревает он того, что пройдет немного времени и вырастет он в мандрила, крупную африканскую собакоголовую обезьяну, известную своим воинственным и злобным нравом!

Здесь все и без слов ясно: медвежата, как и все малыши, очень любят играть.

А вот такого вы нигде не увидите — только в моем зоопарке! Полярный совенок, житель тундры, повстречался с совенком неясытью, обитателем лесов средней полосы. Полярному всего две недели — он еще лохматый, неоперившийся, а неясыть чуть постарше и посолидней.

Вот какие у нас малыши — славные и такие разные. В другой раз я покажу вам еще более удивительных, совсем ни на кого не похожих малышей, и вы даже не сможете угадать, кто же их родители.

Об «Искре» и искровцах

Это был день как день — самый обыкновенный, никто ничего не ожидал. А к вечеру, часов в восемь, впрочем, было еще совсем светло, произошло в Киеве такое, чему потом вся Россия диву давалась.

Август 1902 года. Лукьяновская тюрьма, толстые высокие стены, окна в решетках, охрана с ружьями, стрелять позволено — словом, все как полагается. Да вот незадача: засветло бежали из тюрьмы, и не один-двое, а, как доносил по начальству киевский губернатор, «одиннадцать политических арестантов»!..

Как это произошло? Кто были эти беглецы?

В Киевской тюрьме в то время находилась большая группа революционеров. Готовился громкий, на всю страну, процесс. Кое-кто заведомо торжествовал, но...

В тот самый вечер во время прогулки по тюремному двору арестанты вдруг накинули одеяло на голову охраннику, отобрав у него предварительно винтовку. Затем наброшена была на заостренный гребень стены железная кошка с прикрепленной к ней лестницей, которую сплели украдкой из простынь и обломков стульев. На ту сторону стены перекинули веревку, и один за другим в минуту одиннадцать узников, среди них и Николай Бауман по кличке Грач, очутились на воле. Двенадцатый из участников побега пожертвовал собой — остался. Он держал часового, пока другие перелезали через стену. Звали этого человека Сильвин, его кличка Бродяга.

Никого из бежавших не поймали. Все они благополучно скрылись.

Грач — Николай Бауман нелегальным путем пробрался через границу в Женеву, к Ленину. Владимир Ильич в это время готовил съезд, на котором должна была организоваться партия, и печатал «Искру». Эту газету издавали на тончайшей бумаге и тайком, минуя слежку шпиков и жандармские дозоры, переправляли в Россию, а там с величайшим трудом и крайней осторожностью распространяли. Десять из одиннадцати участников дерзкого побега были распространителями тайной газеты.

Интересно, ребята? Если да, тогда знайте, что обо всем этом рассказывает книга писателя **З. Фазина «Нам идти дальше»**.

С. ФЕДОРОВ

Строчки про себя

С. СОЛОВЕЙЧИК

«От учителей и родителей я часто слышу, что я ленив, груб, несдержан, эгоистичен и многое другое. Со всем этим я вполне согласен, но могу добавить кое-что от себя. Последнее время я заметил, что становлюсь циником; это мне очень неприятно. Но больше всего меня угнетает то, что иногда я поступаю нечестно...»

Кто это написал так откровенно? Как можно в открытую говорить такое?

А это сказано не в открытую. Это — про себя, в обоих смыслах выражения: то есть именно про себя, а не про другого, и не вслух, а как бы в мыслях. Это строчки из дневника мальчишки-восьмиклассника. Иногда писатели делают так: берут и сочиняют дневник своего героя, чтобы лучше показать его чувства и мысли. Это строчки не из выдуманного дневника, а из настоящего. И еще один дневник передо мной, тоже подлинный. Он начинается так: «Экзамены кончены. Я—восьмиклассница. И вот вдруг — откуда-то наплыло — буду писать дневник. Сказано, решено и подписано. И встала первая задача — как его назвать? Долго думала. Начала думать сначала о том, кто я и какая я. Талантов у меня нет никаких... Думая о своей бесталанности, я решила, что мой дневник так и должен называться: «Дневник обыкновенной девушки»...

Ты, чего доброго, возмутишься: «Разве можно читать чужие дневники?» Ты представляешь себе на минутку, что кто-то прочитал дневник, который ведешь ты,— и даже мороз по коже прошел. Нет, ни за что!

Но вспомни: начиная свой дневник, ты почти наверняка размышлял о том, кому же ты его дашь почитать... И думал: будет у меня друг — самый преданный, самый верный, такой, что поймет меня с полуслова. Вот ему и дам...

Получилось так, что Петя Сагайдачный и Нина Костерина — авторы тех двух дневников, о которых идет речь,— оставили свои записи человеку, которого они очень любили,— тебе, живущему сегодня. Нины и Пети уже нет в живых. Они оба погибли на войне.

«Дневник Пети Сагайдачного» опубликован в 1963 году. **«Дневник Нины Костериной»** вышел отдельным изданием в 1964 году. Петя и Нина не знали друг друга, но они вели записи примерно в одно время — в трудные предвоенные годы, и потому в этих книгах много общего, хотя характеры авторов мало похожи между собой.

Откроем тетради Пети Сагайдачного. Ты скоро заметишь, что многие строчки ты и сам мог бы написать,— кажется, они взяты из твоих тетрадей.

А ты не ходил в школу без пальто — «особый шик, который искусно маскируется «привычкой»?

А ты, ложась спать, не чувствовал, что «завтрашний день будет чем-нибудь замечателен, случится что-нибудь особенное»? А с тобой никогда не было так: выйдешь весной в поле, и вдруг на тебя без особых причин нападет «мировое состояние»?

Петя Сагайдачный (он учился в 211-й московской школе) был очень скромный мальчишка. Весь дневник его переполнен жалобами на... самого себя: «Я не помню ни одного случая, чтобы я говорил что-нибудь серьезно или умно. В школе меня считают или за дурака, или за шута».

Он и учился неважно и ничем особым не выделялся среди товарищей, разве что страстью ко всему, что связано с Военно-Морским Флотом. Любимым его занятием было «тралить братишек», ходил человек по городу и «регистрировал» моряков. В тот день, когда ему удавалось встретить 6—7 краснофлотцев, он чувствовал себя счастливым. И кто-нибудь может сказать: «Что же в нем такого? Учится плохо, к общественной работе относится несерьезно, бездельничает...» Но, видишь ли, о человеке нельзя судить по таким поверхностным признакам: какие у него отметки да как он ведет себя на уроках. Мы читаем дневник, и нас поражает чистота этого мальчика, его серьезность по отношению к себе, его преданность в дружбе, его любовь... Он любил девочку из своего класса, ей посвящено очень много страниц дневника. Но сама Оля узнала об этой любви только тогда, когда Пети уже не было.

Если ты сумеешь увидеть в дневнике Пети Сагайдачного высокие его человеческие качества, ты и сам станешь немножко добрее и чище, чем был. И, значит, навсегда полюбишь эту книгу.

Почти в тех же словах можно было бы сказать и о дневнике Нины Костериной. Но Нина была старше Пети, и к тому же жизнь ее сложилась трагично: незадолго до войны ее отца ни за что ни про что объявили «врагом народа», арестовали, посадили в тюрьму. Такое это было время; мы называем его теперь «периодом культа личности Сталина». Очень многое пришлось перенести девушке. «Какой зловещий мрак окутал мою жизнь. Арест отца — это такой удар, что у меня невольно горбится спина. До сих пор я держала голову прямо и с честью, а теперь... А сейчас меня день и ночь давит кошмар: неужели и мой отец враг? Нет, не может этого быть, не верю!» — пишет она. Но жизнь продолжается. Нина учится, ходит в театры, работает, влюбляется, читает, читает, читает... Сколько перечитала она к 18 годам — другому и к тридцати годам не прочитать. Горький, Блок, Гете, Бальзак, Драйзер, Фейхтвангер, Мериме, Конан-Дойль, Шеллер-Михайлов, Салтыков-Щедрин, Гюго, Сергеев-Ценский, Куприн, Брюсов... «Бедная моя голова, где все это разместить, в каком порядке?!» — шутливо-горестно восклицает Нина. Все «размещается», огромный мир человеческий наполняет ее, и оттого, что она умеет так глубоко чувствовать, так внимательно читать и видеть, так пристально всматриваться в окружающих ее людей, она становится человеком незаурядным — об этом говорит, в частности, литературный талант, с которым написан дневник.

16 ноября 1941 года Нина Костерина ушла в партизанский отряд. Уходя из дома, она оставила последнюю запись в дневнике:

«Прощаюсь и с дневником. Сколько лет был он моим верным спутником, поверенным моих обид, свидетелем неудач и роста, не покидавшим меня в самые тяжелые дни. Я была с ним правдива и искренна. Может быть, будут дни, когда, пережив грозу, вернусь к твоим поблекшим и пожелтевшим страницам. А может быть... Нет, я хочу жить! Это похоже на парадокс, но так на самом деле: потому я и на фронт иду, что так радостно жить, так хочется жить, трудиться и творить... жить, жить!»

...Обязательно раздобудь эти две книги.

ДОБРОГО СМЕХА!

С. СИВОКОНЬ

Загляните-ка, ребята, за шкаф: там никто не прячется? А под диваном? Мне бы очень не хотелось, чтобы нас кто-нибудь подслушал, потому что говорить мы будем о необычном.

Вы спрашиваете, кто это может спрятаться за шкафом? Мало ли кто. Тот же домовой взял да и спрятался. Я ведь собираюсь завести разговор именно о нем и о его ближайших родичах. А домовой — он всегда чувствует, что про него речь пойдет.

Я понимаю, вы очень даже сомневаетесь, что в вашей квартире — можно сказать, прямо у вас под носом — преспокойно проживает домовой. Что ж, совсем недавно я тоже сомневался в этом. И даже вовсе не верил. А вот прочел на днях «Сказки» чешского писателя-классика Карела Чапека, и сразу все сомнения как рукой сняло. Уж больно убедительно рассказывает Чапек про ведьм, домовых, водяных, русалок, леших и прочую нечистую силу. Ну, поверите ли, невозможно не поверить!

Вы-то, может быть, и читали некоторые чапековские сказки — они когда-то печатались в «Пионере». А я, признаться, прочел их впервые. И был, правду сказать, удивлен, даже смущен немножко: всегда считал Чапека солидным писателем. А тут вдруг сказки. Несерьезно как-то.

Но стоило мне заглянуть в первую же сказку о том, «что творится на почте по ночам, когда

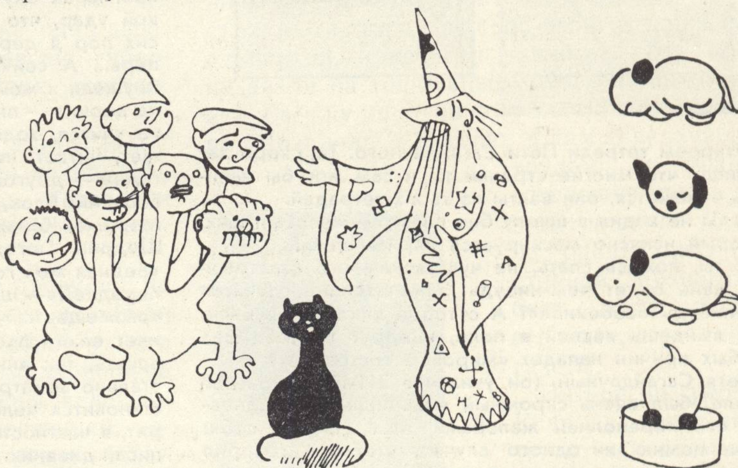

она заперта», как я сразу забыл и про свое удивление и про свой, не такой уж и юный, возраст. В один присест прочитал книжку до конца и очень недоволен был, что она так быстро кончилась. Ведь мало сказать, что все сказки у Чапека по-настоящему увлекательные, ну просто захватывающие,— из них же, кроме того, и много интересного узнаешь. Известно ли кому-нибудь из вас, чем питается дракон? Думаю, неизвестно. Об этом даже у Бианки в «Лесной газете» не прочтешь. А у Чапека — пожалуйста, со всеми подробностями.

Возможно, правда, что некоторые из вас забеспокоятся: а зачем это нам читать про какую-то чертовщину, еще заразимся, чего доброго, разными глупыми суевериями, религиозного дурману наберемся.

Не волнуйтесь, друзья! Водяные, домовые и лешие опасны человеку только тогда, когда он начинает их бояться. А если он смотрит на них как равный или даже немного сверху (человек ведь все-таки умнее разных там чертей, верно?), а то и просто откровенно посмеивается над ними, тут уж они никакой силы не имеют, а становятся чем-то вроде кукол в веселом спектакле, разыгрывая забавные представления на потеху публики.

И вот теперь-то пришла пора сказать еще об одном необычайно ценном качестве этой книжки: она учит смеяться и понимать юмор. А юмор, как заметил однажды известный театральный режиссер народный артист СССР Н. П. Акимов, который и сам большой любитель посмеяться и посмешить других, юмор — это «первый признак человечности.

Ни один известный крупный негодяй не обладал чувством юмора».

Значит, если вы усвоите хотя бы несколько уроков юмора, которые преподносит вам Карел Чапек, это будет уже неплохо для начала. Не так ли?

Веселые, юмористические книжки очень трудно переводить, потому что смеется-то народ по-своему. Приходится не просто слова переводить, но и сам юмор того или иного писателя преобразовывать так, чтобы нам тоже смешно было.

«Сказки» Карела Чапека, сами понимаете,— вещь переводная. Так что, если эти сказки вам понравятся (в чем я не сомневаюсь), вы должны поблагодарить за них не только автора, но и переводчика Бориса Заходера.

В общем, читайте и смейтесь сколько влезет. Да и с товарищами поделитесь, пусть им тоже смешно будет. Смех — ведь он не только веселит, он и жизнь человеку продлевает.

Запишите меня в библиотеку

В библиотеку приходят менять книги — одну отдал, другую взял — и все, и пошел. Это скучная библиотека. Даже если в ней много книг, все равно она напоминает холодного человека, с которым не хочется дружить. Мы позовем вас не в такую библиотеку.

Вот сидят ребята за столами, читают. Столы стоят рядом, а ребята друг от друга далеко-далеко. Алеша Скворцов вышел на смертный бой вместе с Гришаткой Соколовым, четвероклассник Андрей путешествует по уютной умной сказке, куда позвали его пушистый Винни Пух и все остальные. Люся Зиновьева — она уже взрослая, восьмиклассница — теребит косу и, наверное, в пятый раз переплывает океан на плоту «Кон-Тики». Люсе по душе смелость, озорство, дерзость этих людей — их затею считали дикой — они доказали свое, взрослые люди, а доказали по-мальчишески, отчаянно и отважно.

За перегородкой в небольшой комнате, которую здесь называют солидным словом «книгохранилище», сидит и что-то пишет библиотекарь Елена

Николаевна Мурашова. В дверь просовывается стриженая виноватая голова. Голова ничего не говорит, только смотрит на Елену Николаевну.

— Заходи.

Витька не хочет. Он опять получил сегодня двойку.

— Тебе вот эту книжку?

Голова кивает и улыбается. Чего зря разговаривать, когда люди так хорошо понимают друг друга.

Витька уносит книгу, в ней говорится о человеке, которому было трудно: у него было много серьезных неприятностей, но он справился, потому что крепко постарался.

В читальне надо сидеть тихо, они и сидят. Но как же сидеть тихо, если Чапаев плывет через реку, а враги стреляют и уже ранили Чапая, а река широкая, и берег далеко. Володя знает конец этой книги, он смотрел про это кино. Но то кино, а вдруг здесь все будет не так... Он ерзает на стуле и слегка притопывает ногой от волнения. И сам не замечает, как начинает говорить:

— Ныряй, Василий Иванович, ныряй, и пуля тебя не достанет.

Достала. Погиб Чапай. Володя закрыл книгу. А все — и Люся, и Алеша, и маленький Андрей — отложили свои книжки и смотрят на него. И Елена Николаевна вышла из-за перегородки и села рядом. И начинается разговор, большой разговор о подвиге, о жизни, о героях, о революции. Все, кто сидел в комнате, говорят, думают, мечтают. И еще пришли ребята, тоже подсели, тоже хотят поговорить, а те, что поменьше,— просто послушать. Пусть даже им не все пока понятно: ребята приводят примеры из незнакомых толстых книжек, но главное все же понятно и интересно.

В этой читальне не всегда сидят тихо. Здесь любят поговорить о книгах и еще о писателях: что они за люди, какой характер, к примеру, у Валерия Медведева, который умеет писать такие смешные книги.

— Он веселый и добродушный, — сказал Алешка уверенно, — и немного толстый, я думаю.

— Почему это ты решил? — не согласилась Люся. — Бывают, наверное, люди серьезные и строгие, а книги у них получаются смешные. Или вот Сергей Алексеев. На портрете у него лицо обыкновенное молодое. А он про старину, про историю пишет. Откуда он так хорошо знает, как в те времена люди жили, как одевались, как говорили, как думали? Вот ведь интересно.

— А если пригласить писателей к нам в гости в интернат?

— Не поедут, — сказал Алеша. — В Москве девяносто два интерната — девяносто две библиотеки. Разве в каждую наездишься?

— А вдруг все-таки поедут? Пригласим получше.

— А кого?

И заспорили. Каждый называл своего любимого писателя, а Сережка кричал: «Пусть приедет Сорви-голова! Пусть приедет!»

Он забыл, чудак, фамилию Буссенара, а заодно позабыл, что этот писатель жил давно и к тому же во Франции.

— Медведева!

— Алексеева!

— Томина!

— Погодина!

— Голявкина!

— Драгунского!

Кричали, и ссорились, и чуть не подрались. Но толку в этом мало. И тогда вот что придумали. Позвать в гости самых своих любимых писателей. А кто они — самые любимые? Чтобы это узнать, решили ребята присуждать литературные премии самым полюбившимся книжкам года. Собрались опять в библиотеке и голосовали. За какого писателя больше рук поднимется, тот и победит в конкурсе. И победил Медведев. У всех писателей оказалось множество друзей, а у «Баранкина» больше всех. Взяли ребята эту книжку — читанную-перечитанную, потрепанную и написали на титульном листе: «Присуждаем первую премию года этой книге». И свои фамилии. А фамилий столько, что и листа не хватило, на текст залезли. Эта исписанная книга и была премия.

Узнали ребята адрес писателя Медведева, отвезли ему книжку и пригласили к себе в гости. И, конечно, писатель приехал. И с ребатами подружился. И до сих пор с ними дружит. А интернатского «Баранкина» Медведев бережет, всем показывает и даже в другие школы с собой возит.

Когда Валерий Медведев выступал по телевидению, он и в передаче рассказал про то, какую получил литературную премию, и тоже показал

надписанную книгу и рассказал о своих друзьях — мальчишках и девчонках из пятьдесят восьмого интерната.

Однажды в квартире у писателя Виктора Драгунского зазвонил телефон.

— Здравствуйте. Приезжайте к нам в библиотеку, мы поставили «Независимого Горбушку».

— Да ведь это рассказ, ребята, а не пьеса.

— А мы сделали пьесу.

Как тут откажешься? Люди пьесу сами написали, да и любопытно посмотреть, какой он у них получился, Горбушка.

Вот и еще один желанный гость в интернате, разговаривает с ребятами, хохочет над Горбушкой, которого так здорово играет Алеша Скворцов, расспрашивает про жизнь, читает новый рассказ и обещает приезжать почаще.

А в другой вечер в библиотеке собираются поэты, самые настоящие, чьи книги продают в магазинах и выдают в библиотеках. И читают поэты свои стихи.

Витька, который еще утром твердо знал, что стихов он не любит и что это для девчонок, сидит вместе со всеми и слушает, и ему хорошо. Он еще и сам не может объяснить, почему ему нравится стихотворение про апрель. Поэт произносит обыкновенные слова, а Витька слышит, как звенят сосульки и капель выбивает веселую дробь.

И назавтра Витька приходит к Елене Николаевне и говорит:

— Дайте мне стихи, только подлиннее.

Он думал, Елена Николаевна удивится, а она не удивилась. Только сказала:

— Ты стал совсем большой, скоро меня перерастешь.

И дала Витьке Пушкина. Он сел в читальне в уголке и просидел весь вечер, даже на ужин опоздал.

Володя Иванов, самый большой книголюб в пятьдесят восьмом интернате, сидит, сидит над Джеком Лондоном, а потом вскинется, как проснется, очумело повертит головой и спросит:

— Ужин был?

— Что ты, Володя, — смеется Елена Николаевна, — еще и обеда не было. Ты читай, я тебе скажу.

И Володя опять уткнулся в книгу и пошел шагать по стране ледяного безмолвия.

Библиотека как библиотека. И книжки такие же. И стенды и книгохранилище за перегородкой. И ребята такие же, обыкновенные. С недостатками. Кое-кто совсем мало читает. Некоторые еще не привыкли запоминать, кто написал книгу: название помнят, а автора нет. И Елена Николаевна на ребят за это сердится. А один человек порвал хорошую книжку и не признался. Был такой стыдный случай, правда, очень давно, года два назад.

Бывают в библиотеке и смешные случаи.

Девочка говорит своей подруге:

— Странно. Я повести Белкина просила, а Елена Николаевна мне Пушкина дала.

Или такой разговор.

Первоклассник принес сдавать книгу «Сказки».

Библиотекарь. Какая сказка тебе больше всех понравилась?

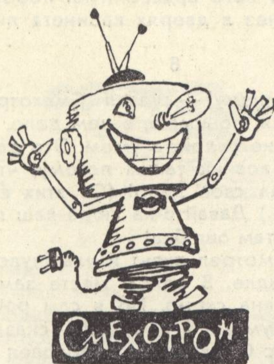
Мальчик. Про дяденьку, который ел людей.

Библиотекарь. А как называется такой дяденька?

Мальчик (убежденно). Подлец.

Но это просто случайности. А вообще-то ребята любят книги, умеют понимать их, интересно работают в своей библиотеке — с выдумкой, умно и весело. Наверно, поэтому к ним любят приходить самые разные люди: писатели, поэты, композиторы, журналисты. Придут, посидят, посмотрят, поговорят — и обязательно захотят еще прийти. А некоторым так здесь нравится, что они просят Елену Николаевну: «Запишите меня в вашу библиотеку».

Л. МАТВЕЕВА

1

Однажды, поздно вечером, в редакции «Пионера» зазвонил телефон. Но рабочий день давно окончился, и никого из сотрудников уже не было. Впрочем, как это «не было»? А Смехотрон-то на что?

Он сидел в редакторском кабинете, стучал что-то на пишущей машинке и воображал себя самым главным. Тут-то и раздался этот поздний звонок...

— Алло,— сказал Смехотрон.— Главный редактор слушает вас... То есть тут никого уже нету... Алло! Позвоните завтра!

— Ой! Только не вешайте трубку! — заверещали в телефоне, кажется, сразу три голоса.— Помогите нам! Мы не знаем, что делать! А кто это с нами говорит? Кто вы?

— Кто я? — спросил Смехотрон и сам же ответил: — Я Смехотрон.

— Вот! Вы-то нам и нужны! Приезжайте поскорее!— И сразу три голоса вразнобой забормотали адрес, куда звали Смехотрона себе на подмогу.

— Я приеду. Я помогу. Не волнуйтесь!

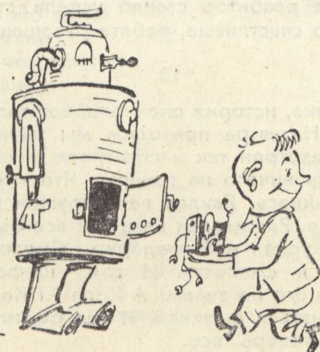
2

Лифт уже не работал, и Смехотрону пришлось спускаться с одиннадцатого этажа пешком. Он мчался, как ветер, и даже еще быстрее.

На остановке такси первым стоял человек с больным зубом, женщина с ребенком и старушка, опирающаяся на палочку. «Они-то уступили бы мне очередь, но мне самому не хочется заставлять их ждать»,— подумал Смехотрон. Но действовать надо было решительно и без промедлений!

3

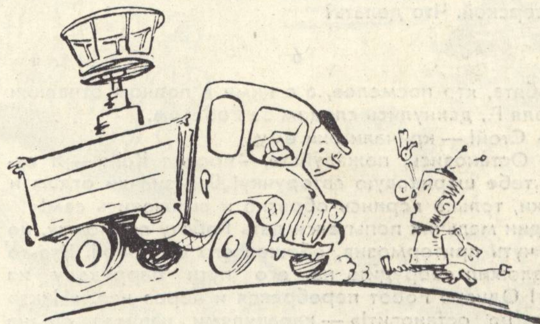
В это же самое время на другом конце Москвы в школе номер... в кружке «Юный техник» происходило нечто удивительное, поразительное и даже... страшное!

В этой школе ребята решили смастерить конструкцию УУСР, что значит: «Универсальный Управляемый Сверхробот», и, как сообщала «Пионерская газета» в номере от 3 августа, «их работа уже близка к успешному завершению. Робот имеет полтора метра роста, весит 96 килограммов. В животе у него помещается малогабаритный приемник...». Но вот тут-то и загвоздка!

Собирать этот приемник поручили Коле Г. (Он просил нас не обозначать его фамилии... Почему? Это вы сами поймете.) Коля Г., как выяснилось впоследствии, имел старшую сестру, которая решала за него все задачки по физике. Классные контрольные он, как правило, списывал. А отвечал у доски преимущественно по подсказке. Словом, в схеме управления приемника (У. П.) он разобраться не смог. А сознаться в технической малограмотности ему было стыдно. Кое-как он спаял выданные ему детали, где по схеме, а где просто «на глазок». Когда стали проверять У. П., да при этом еще и торопились, то оказалось, что приемник работает, но тут заметили, что работает он как-то странно... А Коля Г. уверил ребят, что неисправности можно устранить и на ходу.

— Давайте попробуем! — предложил он. Всем кружковцам тоже очень хотелось «попробовать», и вот...

4

Смехотрон стоял посередине дороги. Остановить хоть какую-нибудь машину ему не удавалось, его не замечали... Наконец затормозил грузовик с выдвижной вышкой для ремонта проводов.

— Что ты под колесами крутишься? — закричал шофер.

— Скорее! — ответил ему Смехотрон.— Скорее! Меня вызвали на помощь... Выручайте! Времени у нас в обрез!

— Землетрясение в Малаховке? — спросил шофер.— Или наводнение на Арбате? Говори толком, а то не поеду!

— М... М-м-м... Может быть, даже убийство!

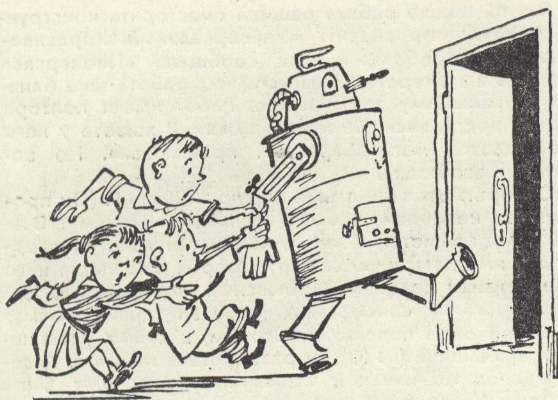
— Давай садись,— сказал шофер.

Смехотрон прыгнул в машину, и она, сорвавшись с места, понеслась навстречу опасностям.

5

...В семь часов вечера, когда ушел руководитель кружка и, прибрав в мастерской, должны были разойтись по домам все ребята, они никуда расходиться не стали, потому что давно уже уговорились посмотреть в этот вечер, что же вышло из их затеи.

В последний раз проверили все контакты. Коля Г. сел за пульт управления и в полной тишине повернул ручку «Пуск». Робот вздрогнул, глаза его ярко вспыхнули. Ребята, не успев обрадоваться, оцепене-

ли от ужаса, потому что их детище, еще не получив ни одной команды, задвигало руками, а затем сделало первый шаг по направлению к двери.

— Выключи его, выключи! Смотри, он уходит! — закричали ребята Коле, а тот принялся щелкать то одним, то другим выключателем, но лампочки на пульте управления не горели — он не работал. Зато Робот, отбившись от рук, толкнул дверь и вышел из мастерской. Что делать?

6

Ребята, кто посмелее, а с ними в полном отчаянии и Коля Г., двинулись следом за Роботом.

— Стой! — кричали они ему.

— Остановись, пожалуйста,— просил Коля.— Я отдам тебе шариковую авторучку! Все значки отдам и марки, только вернись обратно и выключись сам!

Один мальчик попытался дать Роботу подножку, но тот, чуть притормозив, обошел его стороной. Кто-то предложил соорудить на его пути баррикаду из парт! Однако Робот перебрался и через нее. «Никто меня не остановит!» — каракулями написал он на доске в одном из классов. Разбил стеклянную дверь, затем, поднявшись на второй этаж, опрокинул чернильницу в кабинете завуча. Коля Г. несколько раз бросался ему под ноги, пытаясь сбить Робота с ног, но тот аккуратно перешагивал через него всякий раз, а затем надолго скрылся в кабинете естествознания, заперев за собой дверь...

Вот тогда-то и кинулся один из мальчиков к телефону! Но куда звонить? Кого вызывать? «Скорую помощь»? Милицию? Пожарную охрану? «А что, если попросить совета у Смехотрона?» — с отчаяния подумал он и набрал нужный номер...

7

Аварийная машина остановилась у школы. Смехотрон влез в «люльку». Заработал мотор, и «люлька» со Смехотроном поднялась как раз к окнам четвертого этажа, где в одном из классов плакал Коля Г.

— Мальчик, утри слезы и открой мне окно. Я тебе сейчас помогу! — крикнул с улицы Смехотрон. А затем, оказавшись уже в классе, подробно расспросил обо всем Колю. Тот рассказал все без утайки...

— Что ж, картина ясная. Плохая система управления... Но что-то делать надо. Пошли, посмотрим на месте! — решил Смехотрон.

Пока они спускались, Робот уже покинул кабинет естествознания, но не один, а, взявши под ручку, он волок вместе с собой, наверное, «для компании», одно наглядное пособие — скелет человека! Мальчики бросились от него врассыпную. Робот под ручку со скелетом исчез в дверях кабинета директора...

8

— Я войду к нему! — сказал Смехотрон мальчикам.— Я, кажется, понимаю, в чем дело. На него надо действовать не силой, а умом. Это довольно глупый Робот. Он возник таким потому, что кто-то из вас взялся не за свое дело! (От этих слов Коля Г. густо покраснел.) Давайте-ка сюда ваш пульт и посмотрим, в чем там ошибка!

Смехотрон осмотрел пульт и улыбнулся.

— Все в порядке. В одном месте замыкание, а в другом перепутана схема. Но я сам робот, ребята.

— Только ты умный и добрый! — сказал кто-то из мальчиков, и нос Смехотрона порозовел от удовольствия. Однако он сдержался.

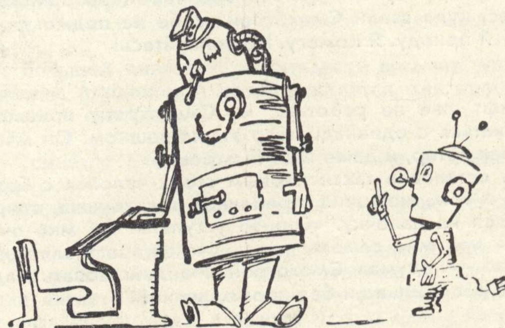
— Внимание! Включаю его на себя. Отойдите подальше. Сейчас во мне образуется энергия ЧИ огромной мощности! Читательские интересы требуют этого. Я люблю помогать всем, кто попал в беду...

С этими словами Смехотрон вошел в кабинет директора!

9

Еще через минуту в тех же дверях появилась фигура Робота, который вышел из повиновения, но теперь это уже был иной Робот. Из гордого и заносчивого он сделался совершенно ручным, и ясно было, что он готов выполнить любое приказание Смехотрона.

— Расставь по местам парты! — велел ему Смехотрон.— Отнеси на место этот несчастный скелет! Ну, а скажи-ка нам, зачем ты схватил этого мальчика?

Но Робот понуро молчал, делая все, что ему велели. Он занимался уборкой, даже пролитые чернила и хвастливую надпись на доске вытер тряпкой. В конце концов его водворили на место в мастерской, даже разбитое стекло успели вставить. Затем, усталые, но счастливые, ребята разошлись по домам.

10

Собственно, история окончена, вот только несколько слов... Назавтра приходим мы на работу, смотрим, а Смехотрон так и сияет, так и светится весь, но говорить ничего не говорит. Что такое? А потом все объяснилось. Явился весь кружок Ю. Т. в полном составе. Рассказали нам, как все было, и просили через журнал поблагодарить Смехотрона за находчивость и смелость. И тому шоферу спасибо, хоть имени его не знаем! А Коля Г.? Коля пообещал нам подзаняться физикой. И мы решили ему поверить. Вот теперь все.

Н. ВОРОНЕЛЬ

КТО ПРАВ?

Сказала селедка:
— Вода — чтобы жить!
Добавила лодка:
— Вода — чтобы плыть!
Поправила лошадь:
— Вода — чтобы пить!
Вмешались калоши:
— Вода — чтоб ходить!
Мочалка сказала:
— Вода — чтобы мыть!
А лейка сказала:
— Вода — чтобы лить!

И кто из них прав,— неизвестно.

Сказала лопата:
— Земля — чтоб копать!
Сказали ребята:
— Земля — чтоб ступать!
Сказал экскаватор:
— Земля — чтоб шагать!
Сказали маслята:
— Земля — чтоб расти!
Сказали солдаты:
— Земля — чтоб ползти!

А кто из них прав, неизвестно.

Сказала собака:
— Забор — это друг!
А двор объяснил:
— Это то, что вокруг!
Сказали штаны,
Что забор — это враг.
Сказал часовой:
— Чтоб стоять на часах!
Сережа сказал,
Что забор — просто так.
А кошка:
— Чтоб кошек спасать от
собак!

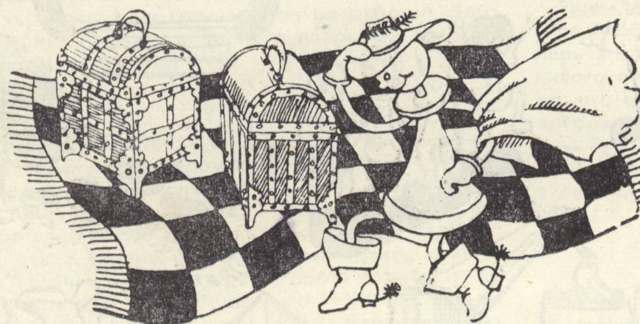
И кто из них прав, неизвестно.

Рисунки А. Брея.

НА КОВРЕ-САМОЛЕТЕ

Куда ты собрался, Пешкин? Куда путь держишь на моем ковре-самолете?

Ага, ты решил сам доставить грамоты «Ферзя и ладьи», которыми мы наградили победителей нашего конкурса... Хорошее дело, Пешкин! Лети к моим новым оруженосцам.

Какой же у тебя, Пешкин, маршрут? Далеко ты собрался?

Прежде всего к **Саше Лаврову** в Николаевск-на-Амуре, а потом к двум братьям **Виталию** и **Сереже Вдовенко** в село Шалдай, Павлодарской области, к **Вове Парфенову** в Ульяновск, потом...

Много ребят правильно ответили на задания Пешкина в журнале № 12 за прошлый год. Грамотами «Ферзя и ладьи» награждаются также **Миша Михайлов** (Челябинская обл.), **Харлампий Дьяконов** (пос. Сангар, Якутской АССР), **Федя Нечаев** (дер. Осипово, Архангельской обл.), **Виталий Задерман** и **Андрей Корев** (Москва), **Тамара Ларионова** (Ставрополь), **Нежат Аблемитов** (Рига), **Миша Виноградов** (дер. Кузьминки, Калининской обл.) и другие любители шахмат.

Перед отлетом Пешкин просил меня сообщить вам, ребята, ответы на его задания. Вот эти ответы.

Чигорин играл матчи со Стейницем в 1889 и 1892 годах. В 1903 году Чигорин победил в небольшом тематическом матче Эм. Ласкера.

Звание чемпионки мира советские шахматистки удерживают с 1950 года. «Шахматной короной» владели Руденко, Быкова, Рубцова. Сейчас чемпионка мира — тбилисская студентка Нона Гаприндашвили.

В 1964 году советские шахматистки победили в следующих командных первенствах мира: на XVI Олимпиаде, в студенческом первенстве мира, на IV Олимпиаде в игре по переписке.

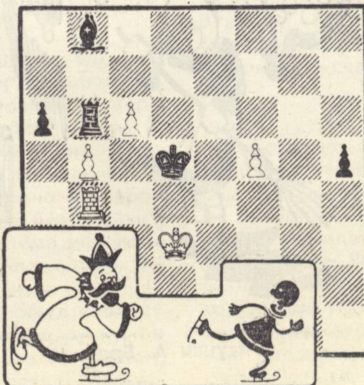
Задачи решаются так:

«Ладья и король» 1. Фh1! **«На аркане»** 1. Лh6! **«За спиной слона»** 1. ed!

Поздравляем победителей нашего заочного соревнования, а тем ребятам, которые на этот раз не добились успеха, желаем хороших результатов в новых конкурсах.

ЭТЮД СЕРЕЖИ МАКАРЫЧЕВА

Ученик четвертого класса 7-й московской школы **Сережа Макарычев** не только удачно выступает на турнирах в школе и во Дворце пионеров. Он составляет также интересные этюды.

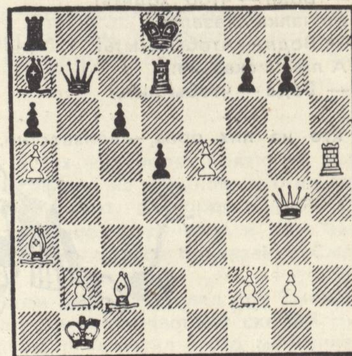

Казалось бы, плохи дела у белых в этой позиции, ведь у черных лишний слон, а со слоном и в шахматах шутки плохи... и все-таки Сережа нашел остроумную возможность сделать белыми ничью. Найдите, как белые, начиная игру, спасаются от поражения.

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ АТАКА

Много любителей шахмат среди учеников Серпуховской школы-интерната. Ребята провели два турнира, 38 учеников получили спортивные разряды.

Юные шахматисты анализируют партии мастеров, составляют задачи.

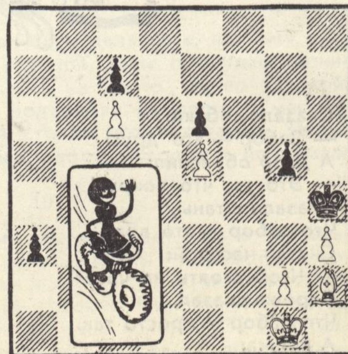

В этой позиции воспитанник интерната **Саша Степанов** предлагает вам заматовать в четыре хода черного короля.

Найдите, как достигается этот мат. Игру начинают белые.

НА ШАХМАТНОЙ АВТОСТРАДЕ

Отличное настроение у черной пешки а3. В самом деле, мчится она к полю а1, скоро станет ферзем. Как ее остановить, есть ли у белых спасение?

Найдите, как в этой интересной позиции белые при своем ходе добиваются ничьей.

КТО СИЛЬНЕЕ?

Прежде всего мы должны представить наших четвероногих спортсменов. Крайний слева — Топс, шотландский терьер. Рядом с ним — Шарик, обыкновенный дворняга. Следующий в ряду — пудель Кудряш. Крайний справа — шпиц-непоседа, зовут его Вертун.

Состязание, в котором они предстанут перед вами,— перетягивание веревочного кольца.

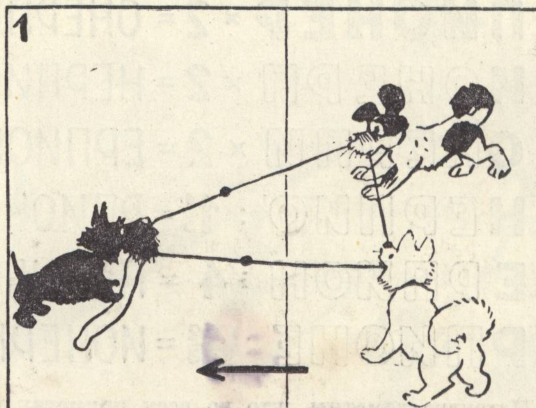
Итак, первая схватка — двое против одного. Ну, разве не молодчага Топс? Он не только не уступает в силе двум своим противникам, но одерживает над ними верх.

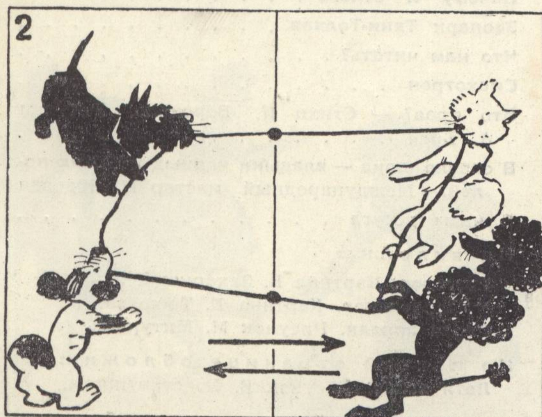
Вот и вторая схватка — двое на двое. Однако ни та, ни другая пара не может добиться перевеса. Силы противников оказались равными.

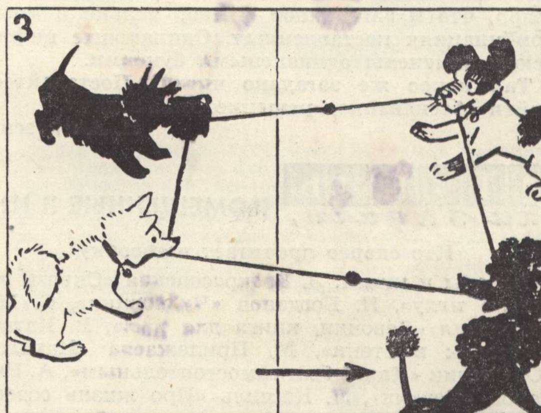
Третья и последняя схватка — снова двое на двое, но уже в другом составе. И результат встречи не вызывает сомнений: правая группа явно сильнее.

А теперь подумайте и постарайтесь ответить на такие вопросы: 1) Кто из четырех щенков самый сильный? 2) Кому бы вы присудили второе и третье места? 3) Кто оказался наименее сильным участником этого состязания?

Докажите правильность своего решения.

НАКАЗАННОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

На уроке математики один ученик поднял руку.

— Ты что, Коньков?

— Иван Антонович, скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

Учитель с недоумением посмотрел на ученика.

— Потерпи немного. После урока я скажу.

Прозвенел звонок. Урок был последний, и Иван Антонович отпустил всех, кроме Конькова.

— Подойди к доске,— сказал он,— возьми мел и пиши. В том году, обозначение которого будет отличаться от года моего рождения только порядком двух последних цифр, мне исполнится 45 лет. Вот и все. Добавлю, что это произойдет со мной не очень скоро. А теперь решай, голубчик.

Коньков задачу так и не решил.

Попробуйте вы ее решить и установить, сколько лет сейчас Ивану Антоновичу.

ВОТ ТАК ЧИСЛО!

Это число шестизначное; оно зашифровано буквами, составляющими слово «Пионер»:

? ? ? ? ? ?

ПИОНЕР

Поскольку в этом слове все буквы разные, в загаданном числе все цифры тоже должны быть разные. Добавим к этому, что в нем нет ни одного ноля.

Чтобы найти это число, надо решить следующий арифметический ребус:

1 ПИОНЕР × 2 = ОНЕРПИ

2 ИОНЕРП × 2 = НЕРПИО

3 ОНЕРПИ × 2 = ЕРПИОН

4 НЕРПИО : $1\frac{1}{5}$ = РПИОНЕ

5 ЕРПИОН : 4 = ПИОНЕР

6 РПИОНЕ : $1\frac{2}{3}$ = ИОНЕРП

Нетрудно заметить, что во всех примерах на умножение и деление мы встречаемся здесь с шестизначными числами, состоящими из тех же цифр, что и загаданное число, только в иных комбинациях поставленных. Одинаковые цифры всюду заменены одинаковыми буквами.

Так какое же загадано число? Постарайтесь найти обоснованное решение этой задачи.

Я. Алексеев

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 3

Кто скорее прочитает поговорку

Авторы и книги: З. Воскресенская «Сквозь ледяную мглу», Н. Богданов «Чудесники», С. Могилевская «Девочки, книга для вас!», В. Катаев «Хуторок в степи», М. Прилежаева «Начало», Ю. Сотник «Как я был самостоятельным», А. Рыбаков «Кортик», Л. Кассиль «Про жизнь совсем хорошую».

Поговорка: Кто много читает, тот много и знает.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Технический редактор **В. Пархоменко.**

Рукописи не возвращаются.

А 02262. Подписано к печати 26/III 1965 г. Тираж 590 000 экз. Изд. № 588. Заказ № 592.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОПРОБУЙТЕ И ВЫ!

ТАК ИГРАЮТ ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

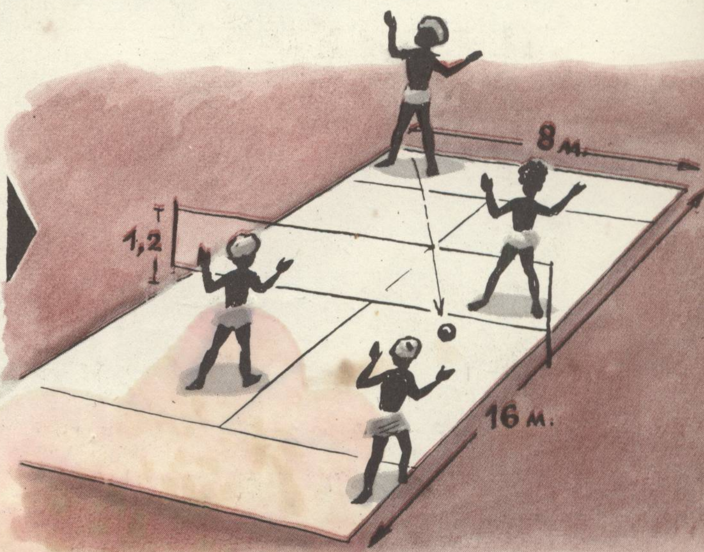
Самсон ГЛЯЗЕР,
мастер спорта

ХОП (СИРИЯ). Хоп — это сестра наших салочек. У сестер всегда есть и сходство и различия. В хопе водящий не бегает, а скачет на одной ноге, придерживая другую рукой. Если он скачет на правой ноге, то придерживает левую левой рукой. А правой салит. Играющие не разбегаются далеко, а снуют вблизи от водящего, как у нас при игре в жмурки: подбегают, отскакивают, увертываются. Кого водящий осалит, тот заменяет его.

ВОЛЛЕЙТЕННИС (ИНДИЯ). Играют либо один на один, либо двумя парами, как в теннис, но без ракеток. Мяч отбивают ладонью, тыльной стороной кисти и кулаком. Мяч теннисный или просто резиновый такого же размера. Площадка для игры — 8×16 метров. Ее делит пополам сетка, растянутая между двумя столбиками на высоте 120 сантиметров.

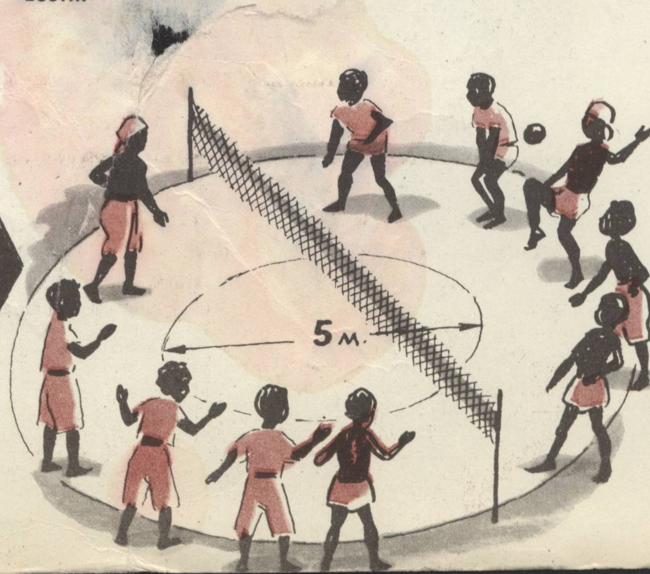
Первая подача — по жребию. Подают с задней черты: подбросив мяч, посылают его ударом кулака или открытой руки на сторону противника. Если там мяч не смогли отбить, подающая сторона выигрывает очко и повторяет подачу. Играют, как и в волейболе, до трех партий. Выигрывает пара или игрок, первыми набравшие 15 очков. Если счет 14:14, игра продолжается, пока одна из сторон не выиграет два очка подряд.

ФИШИНГ (ДАНИЯ). «Фишинг» — значит «рыбная ловля». Водящих двое. Это «рыбаки». Они держат за концы бечевку или ленточку. Длина ее — около метра. «Рыбаки» стараются замкнуть в кольцо зазевавшегося игрока, «рыбку». «Рыбка» может спастись, внезапно присев и выскользнув из-под рук, когда «рыбаки» замкнут круг. Рвать и оттягивать бечевку запрещено. Для фишинга не требуется много места. На небольшой площадке нужно больше ловкости и поворотливости.

ЧИНЛОН (БИРМА). Чинлон — легкий и упругий мяч, сплетенный из пальмовых листьев. Можно играть любым мячом размером с теннисный или чуть больше. Играют либо каждый за себя, либо командами. Лишь при подаче можно бить рукой. Во время игры это запрещено, мяч отбивают любой частью тела: коленом, стопой, локтем, плечом, головой, затылком, только не кистью. Команда, начинающая игру, имеет право на пять ударов. Пятым она перебрасывает мяч поверх сетки на сторону противника. Там его стараются перехватить, прежде чем он дважды ударится о землю. (Один раз удариться он может и при переходе и во время пасовок в команде.) Если подающая команда допустила шестой удар по мячу, или упустила мяч, или совершила иную ошибку, она теряет подачу. Счет очков и партий — как в волейболе.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Весна улыбается цветами. Выглянули из-под прелых листьев синие звездочки пролесок, на мохнатых ножках тянутся к солнцу колокольчики сон-травы, полярный мак полощет на ветру свои золотые паруса, а нежные цветки рододендрона даурского присели на ветках, словно стая розовых бабочек. И даже в пустыне на мертвых черных песках весна рождает цветы. Растения-эфемеры спешат выгнать зеленые побеги, раскрыть цветочные венчики, завязать семена, чтобы отжить свой недолгий век вместе с весной, пока не иссушили землю яростные лучи летнего солнца.

В разное время приходит весна на юг и на север, в низины и в горы. Но куда бы она ни пришла, всюду с ней ее улыбка: цветы деревьев и трав.

